ДВА ГОДА В ТУНДРЕ

В-4
5
2
31

Акт № 2

ПРОВЕРЕНА
1952 г.

Проверена-56 г.

ПРОВЕРЕНА-58

Проверено-65

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

обозначенного здесь срока

М.2				
4-В.19-Д				
				V

Картотип. ГУРКВМФ. Зак. 476—20000

Шк. В-4
Полка 5
Ряд 2
№ 31

П О Л Я Р Н А Я Б И Б Л И О Т Е К А

В. Г. ВАСИЛЬЕВ
М. Т. КИРЮШИНА
Н. А. МЕНЬШИКОВ

ДВА ГОДА В ТУНДРЕ

7753

Центральная морская библиотека

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ · ЛЕНИНГРАД · 1935

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Крайний северо-восток Азиатского материка является одним из самых интересных полярных районов Советского Союза. Здесь, на сравнительно небольшой площади, встречаются безбрежная равнинная тундра, неприступные высокие горные хребты, материковый лед и покрытые прекрасным строевым лесом берега многоводных рек. Не приходится сомневаться, что в недрах этого края скрываются многочисленные и разнообразные минеральные богатства. Тундра, горы, реки и моря, омывающие эту страну, изобилуют ценным пушным зверем, громадными стадами северного оленя, разнообразной рыбой и крупными морскими животными.

История этого края несложна. До XVII столетия здесь развивалась своеобразная культура многих северных народностей — чукчей, ламутов, юкагиров и изредка проникавших сюда камчадалов, якутов и эвенков. Основной контингент населения составляли чукчи. Центрального аппарата управления у чукчей не существовало. В 1648 году в устье реки Анадырь появился «якутский казак» Семен Дежнев. В следующем году Дежнев поднимается вверх по течению реки и собирает первый ясак с местных жителей. Начавшееся общение населения с русскими и несколько позднее с американцами привело к быстрой классовой дифференциации кочевого населения. Главы отдельных семей превращаются в собственников огромных стад оленей, для пастьбы которых требовалось большое количество рабочей силы. Институт кулачества и батрачества вошел в быт населения, вуалируясь в формах родовых отношений.

Дежнев являлся предшественником целого ряда русских казаков и купцов, систематически проникавших в бассейн реки Анадыря. Довольно быстро на северо-востоке Азии утвердилось владычество русского царизма. Последующая жизнь страны шла по общему порядку, установленному для окраинных областей бывшей империи. Огромные территории бассейнов рек Анадыря, Верконя, Чауна, Анюя и др. передаются в вассальное подданство кучке царских сатрапов, которые буквально высасывали все жизненные соки из местного населения.

Чванливая чиновничья знать, осев в немногочисленных прибрежных населенных пунктах, не замечала, как между их пальцами в захваченную ими область проникали не менее жадные, но более ловкие руки американских торговцев.

В результате, более чем 200-летнее владычество царизма в крае привело к тому, что его коренное население, обнищав в большей своей массе до самых крайних пределов, скатилось на уровень почти первобытных людей. Спирт и сифилис быстро повлекли за собой вырождение целых народностей. Самые дикие суеверия и шаманство настолько прочно вошли в быт населения, что для возвращения его к сколько-нибудь человеческому образу жизни и вовлечению в общехозяйственную и культурную стройку Союза требуется колоссальное напряжение сил и энергии.

В статье «Политика советской власти по национальному вопросу в России» еще в 1920 году И. В. Сталин говорит: «Чтобы упрочить этот союз» (между окраинами и центром), «нужно прежде всего ликвидировать ту отчужденность и замкнутость окраин, ту патриархальность и некультурность, то недоверие к Центру, которое осталось на окраинах, как наследие зверской политики царизма. Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве».[1]

---

[1] И. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. М., 1934 г., стр. 61.

Эти слова как нельзя более подходят к нашей северо-восточной окраине. Предлагаемая читателю книга «Два года в тундре» дает ряд примеров, как местное население, вопреки явной очевидности преимущества работы в полном контакте с советскими организациями, легко поддавалось агитации местного кулачества и убегало в тундру.

Однако, следя шаг за шагом за продвижением геологической экспедиции Всесоюзного Арктического института в глубь Анадырской тундры убеждаешься, что лед недоверия местного населения к пришельцам с «материка» дал уже громадные трещины.

Для работников, отправляющихся в эти районы, книга «Два года в тундре» может служить тем путеводителем, по которому им придется продвигаться вперед, выполняя свое трудное и славное дело освоения этой необычайно богатой и в то же время суровой страны.

За короткое сравнительно время работы советских исследователей и хозяйственников в описываемом районе сделано уже не мало. В 1933 году в Чукотском национальном округе имелось 17 крупных колхозов и 18 кооперативов. Чукчи имеют теперь свою собственную письменность с латинизированным алфавитом. Школы, больницы, культбазы и прочие культурные учреждения все больше и больше находят себе место в различных пунктах побережья Чукотки, но не надо забывать, что перед советскими исследователями, культработниками и хозяйственниками лежит свыше 500 000 квадратных километров бассейна одной только реки Анадыря, где большой процент населения до сих пор еще находится почти в первобытной стадии развития.

Скорейшее освоение и вовлечение этой огромной территории и ее населения в общехозяйственную жизнь Советского Союза является важнейшей задачей работников Арктики.

ГЛАВА I

Пароход медленно двигался по зеркальной воде бухты Золотой Рог, бросая в темноту короткие гудки. Моторные лодки и катера торопливо отходили в сторону, освобождая ему путь. Перевозчики-китайцы, раскачиваясь с веслом в руках, ловко управляли переполненными до отказа людьми шампуньками.

На рейде пароход стал на якорь. Гулко прокатился над водой грохот цепи. Предстояло принять последний груз: бензин, керосин, нефть, катера и японские остроносые кунгасы. К борту подошли огромные баржи, нагруженные бочками и банками в ящиках с маркой Нефтесиндиката.

Загремели лебедки. Среди палубного груза начали выстраиваться правильными рядами бочки и ящики с горючим. На пароходе появились аншлаги «курить воспрещается».

Владивосток, разбросанный по склонам гор, играл бесчисленными огнями. На рейде, словно гигантские светлячки, блестели иллюминаторы судов, ожидавших очереди у причала. Гул города покрывали резкие гудки паровозов, густой рев пароходов и протяжный вой сирен.

Пассажиры, состоявшие из рабочих камчатских рыбалок, советских и партийных работников Чукотки и служащих Акционерного камчатского общества (АКО), заполнили трюмы и палубы парохода. Чужой город и непривычная судовая обстановка быстро сближали незнакомых людей. Пассажиры размещались в каютах, наскоро отгороженных переборками из нестроганных досок по бокам трюма, посередине которого были настланы нары в три яруса. Верхний был отведен для японских рабочих, нанятых на рыбалки. Японцы разложили на нарах чистые, нарядные соломенные цыновки, что сразу придало нестроганным доскам довольно уютный вид. Трюм освещался свечами и редкими электрическими

лампочками, тусклый свет которых терялся в клубах табачного дыма.

Вскоре выяснилось, что пароход уйдет в море не раньше утра. Желая в последний раз съехать на берег, пассажиры бросились договариваться с перевозчиками.

Всю ночь шныряли катера от парохода к базе Нефтесиндиката и обратно. Железные баржи с бочками, наполненными горючим, подходили вплотную к пароходу и мерно покачивались, прижавшись к его высокому борту. Бочки, подхваченные крючьями, одна за другой взлетали наверх. Перед глазами мелькали марки рыбалок, факторий, радиостанций и экспедиций. Утром погрузка была закончена. Лебедки, подхватив стальными тросами катера и кунгасы, осторожно поднимали их на борт парохода. Заваленная до отказа палуба сделалась совершенно непроходимой из-за выстроившихся поперек нее катеров и кунгасов.

Вечером мощный гудок возвестил об отходе. Команда спешно крепила опущенные грузовые стрелы и палубный груз. Свободной от клади оказалась лишь небольшая часть спардека. Пробраться по палубе можно было, только лавируя между погруженными лошадьми и пролезая под кунгасами и катерами. Ошалевшие от непривычной сутолоки животные беспокойно озирались и норовили ударить проходивших людей, вследствие чего многие предпочитали пробираться сверх груза, прыгая с бочки на бочку и карабкаясь на кунгасы. Пасмурная погода мало располагала к прогулкам на воздухе, и только теплая пароходная труба неизменно привлекала к себе пассажиров.

На третий день пути над пароходом закружились чайки, оглашая воздух пронзительными криками. В тумане показались скалистые берега. Пароход проходил одно из наиболее опасных для мореплавания мест — Курильские острова. Эта гряда островов, угрюмо возвышающихся над уровнем моря, вытянулась от южной оконечности Камчатки — мыса Лопатки — до самого острова Сахалина. Облака и туман скрывали среднюю часть показавшегося берега, и только вулканический конус, похожий на сахарную голову, торчал вверху, да над водою виднелись скалы, обрамленные белой пеной прибоя.

Вскоре после первого острова открылся второй. Пустынны и молчаливы были эти острова, и казалось, что даже в море со скользящими над волнами чайками и буревестниками было больше жизни, чем на этих мрачных берегах.

Скоро острова скрылись в тумане, и только конус вулкана долго еще маячил на горизонте.

Берингово море встретило пароход неприветливо. Небо покрывали серые разорванные облака. Холодный ветер срывал верхушки белых гребней волн и осыпал палубу дождем мелких брызг. Пароход качало. Лошади стояли, понуро опустив головы, и только когда крупный вал вздымал свой белый гребень до самого фальшборта, животные пугливо поводили ушами и пятились.

Шестнадцать суток были видны только небо и вода. Пассажиры томились от безделья. Собравшиеся со всех концов Советского Союза люди жадно прислушивались ко всяким рассказам про неизвестный край. Пароход шел прямым рейсом без заходов до Анадырского залива, где и должен был зайти на местную рыбалку. На десятый день пути в море появились льды, стало холодно. Судно легко разбивало рыхлые льдины, обломки которых, вспенивая воду, с шумом всплывали у его бортов. Легкий утренний туман постепенно рассеялся. По всему видимому пространству моря плавали льды, служившие временным приютом для бесчисленных морских птиц. На одной из льдин неожиданно показался большой белый медведь; напуганный шумом проходящего парохода, он грузно скатился в воду и, поминутно оглядываясь, стал поспешно отплывать в сторону. Сердито фыркая и ныряя, медведь добрался до следующей льдины и, взобравшись на нее, с любопытством осматривал уходящий корабль.

Впереди на горизонте появилась чуть заметная узкая темная полоска.

— Товарищи, земля!

Пассажиры словно мухи облепили кунгасы и катера, стараясь занять место повыше, чтобы лучше разглядеть долгожданный берег. Каждый оборот винта приближал пароход к как бы растущей из воды темной полосе земли. Постепенно перед глазами вырисовывалась покрытая лагунами и озерками плоская равнина. Пароход замедлил ход. Раскачивая лотлинь, вахтенный матрос выкрикивал глубины. В полукилометре от берега, против устья реки Туманской, оглушительно загремела цепь, якорь скользнул в воду, и пароход остановился. Команда завозилась у лебедок.

Японцы быстро навели мостки от кунгасов к борту парохода и, под ритмичные звуки песен, дружно сдвинули с места первый катер и рывками стали подводить его к борту.

Еще одно усилие — и маленькое судно быстро скользнуло за борт. Зарывшись носом в воду, оно плавно выравнялось и легко закачалось на волнах. Кунгасы и катера один за другим оказались на воде. Затарахтел мотор, и, рассекая воду, выгруженный катер направился к берегу.

Заработала лебедка, и первая партия ящиков, подхваченная стропом, взметнулась кверху, пронеслась над палубой и скрылась за бортом, опускаясь в ожидающий грузы кунгас.

На пароходе работали, не покладая рук, в три смены, вследствие чего выгрузка быстро подвигалась вперед. Рыболовные снасти, тара, продукты, бочки с горючим и строительные материалы поминутно проносились на стропах из трюма парохода в кунгасы, отвозившие груз на берег.

Прибывшие на Туманскую рыбалку рабочие спустились по шторм-трапу в нагруженный кунгас. Вспенивая волны позади катера, переполненное судно пошло на буксире в фарватер реки и, минуя бар, пристало к берегу. Сходни гнулись под тяжестью хлынувших на землю людей.

Неприветлив был изрезанный лагунами низменный берег. Песчаная полоса, покрытая выброшенной прибоем морской травой, была не шире 300—400 метров. Дальше начинались сплошные озера и болота.

В воздухе проносились диковинные птицы-топорки с плоскими красными носами. Черные, с белым брюшком кайры важно сидели на песке, подпуская совсем близко к себе людей. Озираясь по сторонам, словно не решаясь покинуть сушу, они медленно подходили к воде и, когда человек был уже близко, нехотя распускали крылья и, падая на воду, ныряли. С озер доносился гомон болотной дичи. Вспугнутые людьми, птицы стайками перелетали с одного озерка на другое.

Рыбалки АКО раскинулись за рекой, и попасть туда можно было только на лодке. На косе быстро выстроились рядами парусиновые палатки и росли горы товаров, прикрытые большими брезентами. Отсюда доносился шум катеров и стук рабочих, занятых постройкой бараков и складов. На глазах вырастал новый поселок.

У берега виднелись поплавки сетей, в которых билась крупная рыба. Сети шестами проталкивались в воду прямо с берега. Несмотря на их крошечные размеры, не превышавшие в длину 10—12 метров, в сети набивалось так много рыбы, что их с трудом удавалось вытащить на берег.

Высадившемуся в районе рыбалки геологическому отряду Чукотской экспедиции было необходимо произвести здесь первую опись и топографическую съемку, а также начать сбор образцов горных пород.

Низменные берега реки, переходящие в болота, с рассеянными среди них озерами создавали неблагоприятную обстановку для работы. Времени оставалось чрезвычайно мало, так как разгрузка шла быстро и пароход мог скоро уйти.

Побродив по окрестностям рыбалки, продрогнув и промокнув, работники экспедиции собрались в чукотской яранге. Это был большой меховой шатер, натянутый на остов из жердей. Издали он напоминал церковный купол. На земляном полу яранги горел костер, освещавший неровным светом кучку людей и их неприхотливую утварь. Над костром висел котел, поддерживаемый треножником из шестов. Против входа, за очагом, стоял большой ящик, сооруженный из оленьих шкур. Это был так называемый «полог», т. е. теплое помещение яранги, в котором при свете горевшей жировой лампы проводила дни и ночи семья владельца яранги. Сейчас в пологе было так тесно, что люди, сидевшие скрестив ноги, касались друг друга коленями. От жары чукчи сняли меховые рубахи и сидели голыми по пояс.

Гостеприимные хозяева угощали приезжих рыбой и печеными яйцами чаек. Гости в свою очередь потчевали хозяев сахаром и табаком. На берег сошла партия курсантов-чукчей, возвращавшихся после учебы из Хабаровска. Непривычные условия жизни в городе на материке заметно отразились на их здоровье. На пароходе они казались какими-то изнуренными и вялыми. В яранге они почувствовали себя как дома и, оживленно беседуя с хозяевами, много смеялись, помогая русским объясняться с чукчами. Дым от костра ел глаза и вызывал кашель. Русским приходилось часто выходить наружу, чтобы отдышаться, но холод быстро загонял их обратно к огню. Курсанты с нескрываемым удовольствием ели нерпичье мясо и жир, сильно пахнувшие ворванью. Гости с «материка» предпочитали довольствоваться только вареной рыбой.

Неожиданно пароход дал гудок. Все заволновались, так как на берегу не было катера и попасть на пароход можно было только на чукотской байдарке. Чтобы перевезти всех, она должна была сделать несколько рейсов. К счастью, тревога оказалась напрасной, так как пароход еще не уходил

и дал гудок в знак приветствия катерам, пришедшим из устья реки Анадыря для помощи при выгрузке. С прибытием новых катеров работа буквально закипела, и через 12 часов пароход мог уйти. Последний катер с пустым кунгасом подошел с рыбалки к ярангам, и пассажиры, попрощавшись с гостеприимными чукчами, отправились на пароход.

Анадырский залив широкой дугой вдается в глубь материка. До июля он обычно бывает забит льдами, приносимыми сюда ветром из Чукотского моря через Берингов пролив. В районе устья реки Анадыря залив суживается, отделяясь от моря галечными косами, достигающими громадных размеров. На северной стороне залива, почти против мыса Земли Гека вытянулась коса Русская Кошка, длиной около 20 км. Мыс Земли Гека и Русская Кошка отделяют от Анадырского залива Анадырский лиман, далеко вдающийся в глубь материка. Во время отлива вода лимана опресняется; в прилив морская вода заходит далеко в глубь лимана и идет вверх по реке, образуя сильное противотечение.

У Земли Гека пароход остановился для новой разгрузки. Здесь высадились японские рабочие. Часть пассажиров, не ожидая окончания выгрузки, отправилась на катере в поселок Ново-Мариинск, недалеко от которого в лимане расположен крошечный островок Алюмка. Хищные чайки, узкокрылые буревестники, топорки и морские утки составляли характерный птичий базар. Катер прошел около самого островка, встревожив его пернатых обитателей. На правом берегу Анадырского лимана, на небольшой косе в устье речки Казачки, раскинулся поселок Ново-Мариинск. Вдоль берега моря и по склонам прибрежных холмов виднелись небольшие домики камчадалов и немногочисленного русского населения. Среди этих построек выделялись своими внушительными размерами здание окружного исполнительного комитета, школа, дом АКО и длинные корпуса товарных складов и пушных хранилищ. Прибрежная коса не вместила всех необходимых построек, и через речку Казачку перекинулся легкий мост на другой ее берег, где в тундре выросли большие новые здания: больница и радиостанции с высокими металлическими ажурными мачтами.

Прибытие парохода всколыхнуло селение, наполнившееся шумом. Прибывшие работники АКО, представители советских и партийных организаций и работники экспеди-

ции с трудом разместились в маленьком поселке. Немногочисленные катера должны были одновременно обслуживать рыбалки и разгрузку парохода. Кета шла косяк за косяком, и неводы едва выдерживали напор рыбы, которую отсюда на кунгасах перевозили на берег, где складывали в большие кучи. Спущенные с цепей ездовые собаки с нетерпением ждали этого момента. Отъевшись, они лениво ходили у сетей и объедали у рыб головы.

У наскоро сколоченных из досок столов рыбу разделывали, разрезая ее одним взмахом ножа от хвоста до головы. Распластанную рыбу развешивают на тонких жердях, чтобы дать ей провялиться на ветре и солнце, что обеспечивает ее долгую сохранность. Рунный ход кеты был в самом разгаре. Рыба шла вдоль берегов громадными стаями, вслед за которыми, раскинувшись полукругом, подвигались вверх по течению прожорливые белухи. Усатые морды нерп с выпученными оловянными глазами появлялись и вновь исчезали во всех бухтах, устьях ручьев, рек и вдоль кос, где обычно скапливалась рыба.

Колхозники, разбившись на три смены, едва успевали справляться с пойманной добычей. Два кунгаса непрерывно сновали между неводом и берегом, сплошь покрытым вешалами с рыбой. Катера требовались повсюду. Морской агент, осаждаемый служащими рыбалок, факторий и пароходов, до хрипоты в голосе воевал с мотористами и со старшинами катеров и, конечно, не был в состоянии удовлетворить всех, так как нехватало ни пловучих средств, ни людей. Мотористы по двое-трое суток не сходили на берег и от бессонницы и непрерывной работы валились с ног, засыпая у раскаленных моторов. В общей суматохе один только береговой боцман сохранял невозмутимое спокойствие. Этот моложавый старик, не выпуская из зубов трубки, молча выслушивал распоряжения морского агента, требования представителей различных организаций, жалобы мотористов и методично отдавал распоряжения. Днем и ночью, утром и вечером можно было видеть на берегу его высокую, слегка сутулую фигуру. Его спокойствие и неутомимость благотворно действовали на всех окружающих. Команда катера, только что наотрез отказавшаяся выйти в лиман из-за шторма, глядя на боцмана, вдруг отправлялась в бурное море на маленьком катеришке, который, как щепку, швыряло в волнах.

В нескольких километрах от поселка Ново-Мариинска, на пустынном тундровом берегу расположились склады ры-

балки, общежитие, столовая, контора и большой корпус летнего барака, где шла окончательная обработка рыбы. Между домами под открытым небом высились горы бочек и кучи соли, прикрытые цыновками. Буксирные катера тащили сюда остроносые кунгасы, наполненные до отказа рыбой. Здесь она проходила все стадии сложной обработки и в виде замечательных консервов, балыка и соленого пласта развозилась по всему Союзу и за границу.

Рабочие с ножами в руках рядами выстроились вдоль длинных столов. Отмахиваясь от назойливых комаров, они быстро разделывали рыбу и бросали в отдельные чаны тушки и икру.

Следующим этапом приготовления готовой продукции рыбалки является укладка и засолка рыбы в бочках или сухим посолом. В последнем случае рыба, как дрова, складывалась в штабели и густо пересыпалась солью. Кунгасы непрерывно прибывали один за другим. Не успевали выгрузить и разделать с одного, как у причала уже снова появлялся катер с одним или несколькими новыми кунгасами.

— Давай кунгасы! — неслось с катера. — У неводов посуды нет.

— Сейчас вот освободим! Подожди!

— Обожди! А раньше что думали?

Исполком мобилизовал на рыбалки всех, кого только можно. Рунный ход продолжается недолго, и, если упустить время, планы лова будут сорваны. В эти дни у разделочных столов и на кунгасах собирается все работоспособное население Ново-Мариинска.

От устья Анадыря вверх по реке и на север у самых берегов Северного Ледовитого океана начинается «Неведомая Землица». Из рассказов оленных чукчей, камчадалов и ламутов, охотившихся за пушным зверем, наконец, от русских промышленников, искавших здесь золото и скупавших пушнину, было известно о селениях, разбросанных по течению Анадыря и его притокам. Но, как ни искусны были чукчи в изображении подобия географических карт, все же «Чукотская Землица» оставалась белым пятном. На ликвидацию этого пятна в последние годы были направлены советские экспедиции. Среди них оказалась и экспедиция Всесоюзного Арктического института. Геологическая партия экспедиции в селении Ново-Мариинске должна была разбиться на два отряда. По плану работ предстояло пройти маршрутной съемкой весь бассейн реки Анадыря, со всеми его при-

токами, между которыми располагались никем не изученные горные хребты, известные только по рассказам. По данным съемки надо было составить карту района с указанием геологических особенностей каждого участка заснятой местности.

Один из отрядов должен был пройти вверх по Анадырю на шестьсот километров от устья до поселка Марково; на долю второго отряда выпало изучение нижнего течения Анадыря до впадения в него реки Белой, в устье которой отряд должен был зазимовать с тем, чтобы раннею весной, освоившись с местными условиями передвижения, начать дальнейшую работу. Каждый отряд имел своего геолога и коллектора. Геодезист и радист должны были обслуживать обе партии, присоединяясь то к одной, то к другой.

Первым выступил отряд, которому предстояло зимовать в верховьях Анадыря, в селении Марково. Отряд состоял из геолога Меньшикова, коллектора Дорошенко и рабочих.

Целый караван катеров и кунгасов отошел от причала и, медленно развернувшись, пополз, словно гусеница, вверх по реке к Нерпичьей Кошке. Попутный ветер и прилив помогали движению судов. На Нерпичьей Кошке катера остановились. Здесь на берегу раскинулось стойбище канчаланских чукчей и виднелись выстроившиеся в ряд яранги и палатки. Между ними расположились вешала для юколы, сплошь занятые вялившейся на ветру рыбой. Свободного места на вешалах не было, и вновь пойманную рыбу складывали в яму, где она постепенно гнила. Этой тухлой (поместному «кислой») рыбой обычно кормили собак, пока они находились дома, вяленая же, так называемая «юкола», служила для их пищи только в пути.

Так как в тундре с ее чахлой, стелющейся растительностью совершенно отсутствуют деревья, то ощущался острый недостаток в столбах и жердях для постройки вешал. Чукчи брались заготовить для экспедиции любое количество юколы, при условии, что им будут даны столбы и жерди. К сожалению, строевого материала при экспедиции не было, и потому с трудом удалось закупить только три тысячи штук рыб, что обеспечивало на зиму всего лишь две упряжки собак.

С Нерпичьей Кошки открывался вид на необозримое пространство воды. Туман закрывал горизонт. Ветер гнал по реке высокие, крутые волны. Катера зашли за песчаную косу и укрылись за нею как за молом. Экспедиции пред-

стояло пройти большие, открытые для ветров пространства многоводной реки, что было далеко не безопасно для перегруженных кунгасов.

Встревоженная катерами, стая чаек поднялась с воды и пронзительными криками огласила воздух.

— Эк их разбирает, — недовольно бросил старшина, — непогода будет. Поговорка верно говорит: «чайка на воде — быть беде». Это все равно, что твой барометр. Вишь, опять садятся в воду!

Действительно, одна за другой чайки опускались на воду и, вытягивая шеи, рассматривали кунгасы; когда же с них полетели в воду остатки пищи, чайки совсем осмелели и близко подплыли к каравану. Погода все ухудшалась, ветер усилился, и разорванные клочья облаков низко проносились над лиманом. Старшина решил переждать непогоду за гостеприимной косой Нерпичьей Кошки. Шлюпки были подтянуты к борту катера. Часть пассажиров отправилась пить чай в яранги.

На косе кое-где пробивалась редкая трава без единого кустика. Дальше на берегу расстилалась кочковатая тундра. На возвышенностях изредка встречалась стелющаяся мелколистная березка и приземистая ива. Низкие, заболоченные места поросли осокой. На кочках виднелись листья морошки, но ягода уже сошла. Далеко в тундре поблескивали озера. На берегу имелось много плавника, принесенного многоводным Анадырем.

Катера отстаивались за Нерпичьей Кошкой два дня. На третий день туман поредел, и ветер начал стихать. На волнах исчезли белые гребешки. Старшина объявил, что пора отправляться в путь. Завыла сирена, ухнул раз-другой мотор и, выбрасывая колечки дыма, захлебываясь, часто затарахтел. Ему ответил мотор другого катера, и вскоре ритмический стук машин окончательно заглушил голоса людей. Быстро выбрав якоря, караван судов направился в дальнейший путь.

Медленно уплывал берег. Росла, точно раздвигаясь, ширь лимана. Слева чуть заметно маячила высокая гора Омоча. Позади ее виднелись возвышенности Золотого хребта и горы Дионисия. По этим точкам ориентировался лоцман, управлявший движением каравана. Он уверенно поворачивал послушные суда то вправо, то влево, лавируя среди невидимых мелей. Стайки уток поспешно отплывали в сторону, взлетая с воды только тогда, когда катер совсем их насти-

гал. Нетерпеливые охотники изредка стреляли, но так как катер шел не останавливаясь, то убитая птица оставалась на воде, что быстро охладило пыл стрелков. В палатках, поставленных на кунгасах, на примусах готовили чай; однако, скоро кухню пришлось свернуть, так как на середине реки начало сильно качать. На корме концевого кунгаса, среди всевозможных товаров, была погружена юкола, издававшая неприятный запах гнили. Временами попутный ветер приносил на нос, где расположились пассажиры, волну этого зловония, что в сочетании с качкой вызывало у многих тошноту.

Все разошлись по палаткам, и только матросы попеременно менялись у руля и выкачивали набиравшуюся в кунгас воду.

Часов через шесть справа от горы Омоча показался невысокий берег. Река стала суживаться, и казалось, что лоцман ведет катер прямо на песок. Вдруг он быстро переложил руль, и катер, круто повернув, пошел вдоль берега, огибая Кедровую Кошку, чтобы войти из лимана в реку. Одна из самых неприятных частей пути была пройдена. В реке волнения почти не было. Обогнув Кошку, караван остановился на ночлег. На берегу пышно разросся кедровник. Течение в реке было слабое, так как отлив только что начинался, поэтому якорь бросили далеко от берега на глубоком месте, чтобы не оказаться на мели в момент малой воды. На берег отправились на лодках, вспугивая обитающих около косы нерп. На берегу разложили большой костер. Ночь наступила холодная, и спальные мешки из оленьих шкур оказались как нельзя более кстати. Костер ярко освещал кусты кедровника, от чего ночь казалась еще темнее. Вдруг на небе, как луч слабого прожектора, вспыхнула полоса света и медленно стала продвигаться к зениту. Сквозь голубоватый свет были видны звезды. За первым лучом появился второй, потом третий. Лучи, то разгораясь, то угасая, медленно плыли по темному небу.

— Вот и первое нынче северное сияние. Лето кончилось. Теперь жди морозов, — говорили камчадалы.

Толковали о рыбной ловле, о пушнине, о товарах. Жаловались, что рыба не доходит в верховья Анадыря. Наши камчадалы были из поселка Усть-Белая, расположенного в среднем течении реки, но и у них в этом году красной рыбы было мало. Приходилось надеяться главным образом на белую рыбу — чару, нельму и сельдятку.

7753

— Мы-то проживем, а вот собачкам плохо нынче будет, — говорил лоцман.

— А без собачек какая нам жизнь? Ни тебе заработать, ни тебе дров привезти, — вставил пожилой камчадал, сморщенное, безбородое лицо которого с потускневшими глазами еще ниже склонилось над едой.

— Так-то вот уже третий год собачки голодают — не доходит рыба. Раньше-то на собачках в день куда уедешь, а теперь что?

Смолистые ветки сухого кедровника весело потрескивали, давая много тепла и сгорая почти без дыма. Разостланные вокруг костра свежие ветки предохраняли от сырости. Не хотелось уходить от огня в палатку, — так было здесь тепло и уютно. Многие из камчадалов так и остались здесь ночевать, улегшись на оленьих шкурах. Покуривая украшенные резьбой трубки, они еще долго продолжали свою беседу.

С отливом вода отступила, обнажив отмелый илистый берег, так что лодки оказались на мели, и, чтобы попасть на кунгас, надо было тащить их по вязкому илу до воды.

Еще до рассвета лоцман разбудил спавших.

— Надо торопиться, а то вода упадет, тогда на камешках около Утесиков не пройдем. Смотри, морозы начались.

Быстро закипели чайники. Утро было холодное, и всем хотелось скорее согреться горячим чаем. Через полчаса покинули лагерь, сбросив в воду остатки догорающего костра.

Придерживаясь фарватера и обходя встречные мели, караван медленно продвигался вверх по реке. Плоские берега сменили холмы, затем потянулись горы, склоны которых были покрыты густым кедровником. К самой реке спускались заросли ольхи. Невысокие, изогнутые деревца уже начинали терять листву, и их изуродованные, придавленные ветром стволы сплошной изгородью тянулись вдоль берега. На отмели иногда показывались нерпы. Медленно переваливаясь, они подползали к воде и неуклюже скатывались в реку. Над водой временами всплывали белые спины белух. Камчадалы утверждали, что белуха доходит до озера Краснина, расположенного больше чем на 200 км выше устья реки. По их словам. у озера белух было не меньше, чем в самом лимане.

Днем экспедиция встретила катер, возвращавшийся из Усть-Белой в Ново-Мариинск. На буксире он тащил три кунгаса, груженых углем копей мыса Телеграфного. На ми-

нуту катера задержались. Старшина встречного катера расспросил о погоде в лимане. Угольные кунгасы были настолько загружены, что он опасался, как бы их не затопило. Когда волна била через борт, уголь впитывал воду, вследствие чего увеличивалась нагрузка судов. Для того чтобы спасти кунгасы, команда катера вооружилась лопатами и сбрасывала по мере надобности часть угля в реку.

К вечеру экспедиция дошла до мыса Телеграфного, где и остановилась на ночевку. На горе, среди зарослей кедровника, стоял большой деревянный дом. Рядом расположились сарай и баня. Шагах в 300 выше по течению находились каменноугольные копи, в которых угольный пласт, подмытый рекою, стоял вертикально. Вход в шахту был на высоте 12 метров над водой. Шахта уходила в глубь земли горизонтальным штреком. На берегу накопилось много выработанного угля. Работа в шахтах уже прекратилась; при доме остался один только сторож. У берега были пришвартованы несколько плотов леса для крепления штрека в шахте, и, так как с лесозаготовок еще не прибыли рабочие, лес оставался в воде. Сторож сильно беспокоился за его сохранность, но один не был в состоянии выкатить лес на берег, хотя шторм мог в любую минуту разбить плоты и унести бревна вниз по реке в лиман.

В устье реки Танюрера, левого притока Анадыря, работал зоологический отряд экспедиции Арктического института. Этот отряд необходимо было предупредить, чтобы он заканчивал работу и приготовился к отъезду, так как через 5—6 дней караван экспедиции должен был взять его с собой. В составе каравана находился маленький катер Чукотской экспедиции. Чтобы не задерживать каравана, Меньшиков отправился на этом катере к зоологам, палатки которых стояли у берега на опушке кустарника.

Поделившись впечатлениями и закусив у расположившихся по-домашнему зоологов, команда катера пустилась догонять ушедший вперед караван. По всем расчетам, имевшегося на катере запаса горючего вполне должно было хватить, чтобы нагнать экспедицию, так как дело близилось уже к вечеру и далеко караван уйти не мог. Не успел катер пройти и пятнадцати километров, как вдруг у него застопорился мотор, и, как ни бился моторист, пустить его в ход не удалось.

С большим трудом катер пристал к отмелому берегу небольшого островка.

К счастью, на катере оказались продовольствие, палатка и оленья шкура.

К утру погода испортилась и выпал снег. День прошел, но из экспедиционного каравана никто не появлялся. Снова расположились на ночлег. Островок порос тальником — топлива было вдоволь, и холод никого не пугал. Тальник кишел зайцами. Перед вечерней зарей они выходили на берег и бегали по траве, то скрываясь в ее зарослях, то поднимаясь на задние лапки и осматривая стоящий у берега катер.

Меньшиков и Дорошенко прожили на острове 4 дня, пока наконец не дождались пришедшего катера экспедиции. Аварийный катер был взят на буксир и отведен к мысу Телеграфному, где ему пришлось ждать прихода всего каравана. Последний пришел через 5 дней и взял Меньшикова и Дорошенко.

Миновав озеро Краснино, экспедиция зашла в одну из проток реки Танюрера, в поселок Чекаево, состоящий всего лишь из трех домов, один из которых был занят кооперативом. Здесь караван выгрузил часть товаров и отправился дальше.

Низменные берега уходили далеко в глубь тундры. Река разбивалась на небольшие протоки и образовала ряд низких островков, покрытых густыми зарослями тальника.

Выше по течению кустарники отступали от реки. Справа виднелась горная цепь Пекульней с острыми вершинами, покрытыми снегом. Цепь гор уходила далеко на север и терялась вдали. Слева также появились небольшие холмы с возвышающимися среди них конусообразными сопками, блестевшими, как сахарные головы, на солнце.

Приливно отливные колебания уровня воды сказывались все меньше и меньше. Течение реки во время прилива уже не менялось, а лишь немного замедлялось.

Возле урочища Утесики берега крутыми склонами обрывались к реке, русло ее сузилось, и течение стало очень быстрым. Река здесь образовала перекат, и катера с их пятифутовой осадкой пробирались вверх с большим трудом. Быстрое течение сносило суденышки, хотя моторы и работали самым полным ходом.

Матросы по бортам непрерывно измеряли глубины футштоком. Лоцман перекладывал руль с борта на борт, и катер тыкался то вправо, то влево. Река постоянно меняла свое русло, и там, где еще вчера караван свободно проходил, сегодня оказывалась мель. Фарватер был настолько мелок,

что кунгасы постоянно задевали за грунт. Старшина кричал на рулевых, перебегал с футштоком с одного борта на другой, с кормы на нос и сам мерил глубины. Наконец перекат оказался позади.

Против устья одного из самых мощных притоков Анадыря, реки Белой, на террасе, у подошвы сопок раскинулся камчадальский поселок, состоящий из нескольких десятков маленьких домишек. С реки заросли кустов закрывали дома так, что их почти не было видно. В этом отношении исключение составляло большое достраивающееся здание школы-интерната, уже издали бросавшееся в глаза.

Встречать караван сбежалось на берег все население поселка. Толпились разрядившиеся женщины, шумливые ребятишки бежали по обсушке рядом с катерами. Собаки шныряли между людьми, оглашая лаем окрестности.

— Держи конец! — крикнули с катера, и выброска полетела на берег.

На берегу ухватили канат и привязали его к столбу. Река была глубока, — катера и кунгасы вплотную подошли к берегу.

Прибывшие и встречающие гурьбой пошли в поселок. Кажется, не было ни одного дома, где бы не расположились чаевать приезжие. Северное гостеприимство вступило в свои права. Каждый мог выбирать себе дом, так как приезжих с материка везде радушно встречали хозяева, оторванные от родных мест на год-два и больше, что заставляло их нетерпеливо расспрашивать о событиях и с жадностью набрасываться на привезенные пароходом письма и газеты. Все просто и быстро перезнакомились. Встречать экспедицию приехали даже работники Оленсовхоза и представители фактории и кооператива.

Местный сельсовет вместе с торговыми организациями, не теряя времени, приступил к выгрузке товаров фактории и строительных материалов для школы, стройку которой тормозило их отсутствие. Положение осложнялось тем, что рабочие должны были с ближайшим караваном отплыть в Ново-Мариинск, чтобы захватить последний пароход, отходящий во Владивосток. Все мужское население поселка приняло участие в выгрузке.

Работа кипела. С мешками и ящиками на плечах от кунгаса к складам и обратно сновали люди. Грузы экспедиции были уже раньше выгружены в Оленсовхозе. Там же находилось и продовольствие. Из Оленсовхоза пришел катер и.

взяв на буксир шлюпку с работниками экспедиции, двинулся вверх по реке.

Обогнув мыс, суда вышли в реку с медленным течением. Ветер засвежел, и на широких плесах разгулялась волна, которая могла захлестнуть шлюпку, вследствие чего рулевой придерживался берега, где волнение было меньше. Сам берег порос густым кедровником, за которым виднелись покрытые снегом горы. Наступала осень. На склонах сопок и в низинах тундровая растительность окрасилась в красноватые тона. Темнозеленый кедровник обрамлял подножия гор и редкими кустами поднимался вверх по их склону, где среди сверкающего на солнце снега отдельными черными точками виднелись каменные глыбы и скалы.

Катер, войдя в излучину, направился к берегу с видневшимися на пологом склоне постройками Оленсовхоза. На берегу рабочие тесали бревна, пилили лес и строгали доски для строящегося барака. Неизменные собаки ходили по усадьбе. Высадившиеся на берег члены экспедиции и встретившие их работники Оленсовхоза отправились к большому зданию, в котором помещались лаборатория, ветеринарная аптека, красный уголок, а также жили местные работники со своими семьями. Население Оленсовхоза росло, и в большом доме было уже тесно. Одну из комнат, приготовленную для ожидаемых новых сотрудников совхоза, временно уступили экспедиции. В нее сейчас же были перенесены необходимые вещи и инструменты.

Оторванный от внешнего мира, край был как бы островом, куда только раз в году проникали новости, и потому каждая весточка находила здесь внимательных слушателей. «Новости», привезенные Меньшиковым, были самыми свежими для людей, проработавших здесь больше года. За большим столом собрались дальневосточники, москвичи, ленинградцы и украинцы. Интересовались международным положением, стройкой, хозяйством Союза. Быстро нашлись и общие знакомые и общие интересы. От расспросов перешли к рассказам про местную жизнь и хозяйство.

— Стадо Оленсовхоза не велико, всего 900 голов, — говорил инструктор, — да и отход в стадах большой. Нынче отел прошел хорошо, а вот какой будет за лето отход — это еще неизвестно.

— А где же у вас стадо?

— Сейчас стадо пасется в горах по реке Белой, километров 60—70 отсюда.

— Так далеко?

— Да. Летних пастбищ поблизости мало. Пастухи у нас — усть-бельские чукчи — хорошо знают только свой район.

В Оленсовхозе отряд задержался на пять дней. Осень входила в свои права. Солнце грело мало, начались заморозки. От ночных морозов в тундре высохла вода. Снег с вершин гор постепенно спускался к подошве. Высокие сопки в час заката отливали всеми цветами радуги. В солнечные дни на их теневой стороне четко выделялись синие ущелья. Трава поблекла, зеленый кедровник пятнами выступал на склонах гор. Шишки с орехами привлекали юрких кедровок, которые с резким криком перелетали с места на место. Птиц с каждым днем становилось меньше. На юг потянулись вереницы гусей. Утки и гагары продолжали еще держаться на реке и в протоках. Охотники часто приносили дичь, а если охота не удавалась, то довольствовались грибами, росшими в изобилии в пятидесяти шагах от дома.

На пятый день вечером послышался стук мотора и показались сигнальные огни катеров. На гудок, поданный сиреной, с берега ответили лаем и воем две упряжки собак Приготовившийся было ко сну поселок немедленно ожил.

ГЛАВА II

С караваном в Оленсовхоз прибыла вторая геологическая партия под начальством Скляра — геодезист Васильев, коллектор и рабочие. По составленному в Ленинграде плану им следовало зимовать в селении Усть-Белая. С выбором места зимовки вышло недоразумение, так как в Ново-Мариинске усть-бельский врач напугал Скляра рассказами о невыносимых жилищных условиях в Усть-Белой. Под влиянием этих рассказов было решено изменить первоначальный план и подняться на зимовку до селения Марково, чтобы расположиться здесь вместе с партией Меньшикова. По новому плану бóльшая часть грузов партии Скляра была переброшена вместе с грузами отряда Меньшикова.

По пути Скляр заехал в Усть-Белую и на месте убедился, что врач очень сгустил краски, описывая помещение, которое можно было получить для зимовки. Кроме того, выяснилось, что поселок Усть-Белая был гораздо удобнее для зимовки, чем Марково, отдаленное на несколько километров от места предстоящей работы. Наконец, отряд Скляра во время пути от Ново-Мариинска до Усть-Белой успел убедиться, что для работы в низовьях Анадыря необходимы олени, которых нельзя достать в Маркове, так как это селение расположено в стороне от кочующих оленных чукчей. Собрать олений транспорт вообще является делом нелегким, и скорее всего это можно сделать только в районе реки Белой.

Выяснив обстановку, Скляр решил, пока не поздно, исправить сделанную ошибку и вернуть в Усть-Белую засланные в Марково грузы. Для этого отряд должен был подняться по Анадырю до Крепости, расположенной в 25 километрах от Маркова, где были выгружены основные грузы обоих отрядов. Там предстояло разделить груз и спуститься

вниз по Анадырю до Усть-Белой. Скляр очень спешил, так как навигация подходила к концу, и его партия, и без того уже достаточно уставшая в пути до Усть-Белой, могла оказаться в критическом положении, если бы ей до морозов не удалось вернуться из Крепости к месту зимовки.

Неудачи партии начались от самого Ново-Мариинска, и причиной их были... лошади. Они должны были облегчить работу отряда, но вместо этого оказались источником многих забот и неудач.

АКО обещало предоставить два больших кунгаса для переправы лошадей через лиман к мысу Толстый. Время шло, а обещанных кунгасов все не было. В первые дни пребывания в Ново-Мариинске лошадям не давали покоя местные собаки. Последние впервые видели этих животных и бросались на них с громким лаем, хватая их за ноги. Лошади долго боялись собак и только много времени спустя даже сдружились с ними, но в то же самое время как-то одичали и начали пугаться людей. Их уже не прельщал, как раньше, овес, и при подходе человека лошади каждый раз убегали в тундру.

Поздно вечером 5 августа в помещение экспедиции запыхавшись вбежал агент АКО.

— Кунгасы поданы к рику, можно производить погрузку.

Возник вопрос — как поймать лошадей. Под погрузку кунгасов отводилось очень мало времени, так как надо было успеть с приливом выйти в лиман и перебраться на другую его сторону. На ловлю лошадей была мобилизована вся экспедиция. Обычная хитрость — подойти с овсяной приманкой к одной из смирных лошадей и за ее спиной подкрасться к другим — удалась лишь наполовину. Оставшиеся на свободе лошади убежали далеко в тундру. Тогда решили устроить ловушку — загнать лошадей в проулок между домами, загороженными протянутыми веревками. Этот маневр долго не удавался, так как загнанные лошади в последний момент бросались напролом и рвали толстые веревки, как будто бы перед ними были протянуты швейные нитки. Приходилось снова загонять лошадей и по одной вылавливать их из табуна. Наконец с этим делом было покончено и предстояло начать погрузку.

Кунгасы отделяла от берега шести-восьмиметровая полоса воды, и перейти на суда можно было лишь по сходням, сделанным из досок. Начинался прилив. Кунгасы слегка

покачивались на воде вместе с импровизированными сходнями. Покончив с их устройством, на кунгас повели первую лошадь. Так как она отчаянно сопротивлялась, то ее пришлось чуть ли не волоком втащить в кунгас с помощью двух рабочих. Второй повели «Касторку». Тощенькая, с жиденькой гривой, рыженькая лошаденка также сильно сопротивлялась. Повидимому, ей был еще памятен день, когда ее снимали с парохода. Она упиралась передними ногами и приседала на задние. В тот момент, когда «Касторка», пятясь назад, оступилась одной ногой, волна приподняла кунгас, качнула сходни, и лошадь моментально сорвалась в воду. Холодная ванна сломила ее упорство, и через несколько минут, вздрагивая, лошадь почти без сопротивления вошла на кунгас. Под утро кунгас с лошадьми перешел к противоположной стороне лимана. Наступило время отлива. Кунгасы подвели как можно ближе к берегу и начали разгрузку. На этот раз с лошадьми возни было меньше, и через час-полтора кунгасы были освобождены. Увлекшись разгрузкой, рабочие не заметили, как корма одного из судов оказалась на суше. Отлив продолжался. Подводные камни один за другим вылезали из-под воды. Команда катера беззаботно спала. Васильев и рабочие, поздно заметив беду, стали звать старшину катера. Последний с заспанными, воспаленными глазами выскочил из каюты и, еще не понимая, в чем дело, закричал мотористу: «Заводить машину!» Но делать это было уже поздно. Корма кунгаса так плотно села на оголившуюся гальку, что даже и двум катерам было не под силу стащить его на глубину. Старшина все же решил попытать счастья. Катер принялся тащить злополучный кунгас за нос, а люди с берега подваживали его с кормы. Несмотря на все усилия, стащить кунгас в воду не удалось.

Только с вечерним приливом караван смог сняться и уйти в Ново-Мариинск. Из состава экспедиции на катере уехали двое рабочих. Васильев и Сеня Бессарабец остались в палатке, разбитой на берегу Нерпичьего залива. Отсюда предстояло начать поход по Канчалану. В Ново-Мариинске никто не мог сказать, как лучше добраться до Канчалана — на катере или пешим порядком и на лошадях по берегу. Двое жителей Ново-Мариинска однажды плавали на кавасаки вверх по Канчалану до Фактории. К сожалению, во время пребывания экспедиции в Ново-Мариинске этих людей нигде не могли найти, так как они уехали на рыбную

ловлю. Единственно, что было как будто достоверно известно, это то, что если итти вдоль берега Нерпичьего залива, то в 20—25 километрах должна встретиться какая-то большая река. Разведку отложили до утра.

Утром Васильев, взяв бинокль, полез на гору обследовать местность. На юге километрах в пятнадцати, над поселком Ново-Мариинском возвышались ажурные радиомачты; справа за заливом тянулась высокая горная цепь Золотого хребта, а влево, переходя постепенно в тундру, вдоль Анадырского лимана, виднелись горы мыса Толстого. Впереди слегка всхолмленную кочковатую тундру рассекали ручьи, но большой реки не было нигде видно. На западе километрах в пятнадцати блеснула полоска воды, но ее нельзя было признать за большую реку. Повидимому, это было одно из многочисленных озер, разбросанных в тундре. Ровная береговая полоса прерывалась спускавшимися в залив обрывами. Таким образом выяснилось, что путь на лошадях возможен был только по тундре. Сразу же возникал вопрос, каким образом двум людям справиться с упрямыми, одичалыми лошадьми. Оставалось одно — сидеть у залива и ждать, чтобы из Ново-Мариинска подошло подкрепление.

К вечеру с лимана потянулись тучи и через полчаса сплошь покрыли все небо. Ветер усиливался. Палатку раскачивало с такой силой, что ее полы пришлось укрепить камнями. Брезент, покрывавший груз, несколько раз сбрасывало и уносило за много метров в тундру. Пришлось также и его укрепить кучами камней.

В заливе разыгрался шторм. Волны набегали на берег и разбивались о прибрежные камни и гальку, стекая шумными потоками обратно в залив. Вода все ближе и ближе подходила к палатке. До отлива оставались считанные минуты. Вода как будто бы остановилась на одном уровне, и только отдельные волны лизали полы палатки своими длинными языками. Наконец, начался отлив.

Так шли дни за днями, а подкрепления из Ново-Мариинска все не было. Ожидание становилось тягостным.

Посидев 4 дня, Васильев предложил Сене самостоятельно тронуться в путь. С вечера приготовили весь груз, еще раз прикинув его вес. Оказалось, что на каждую лошадь приходилось от 60 до 80 килограммов. Семен занялся починкой упряжи, а Васильев — упаковкой научных инструментов.

Наутро, чуть свет, путники вылезли из спальных мешков и, наспех выпив по кружке чая, принялись за разборку

палатки. Все шло очень хорошо, и времени на сборы потратили немного. Самым сложным была поимка лошадей, но и это удалось сравнительно легко, так как лошади были стреножены. Пойманных лошадей по одной или по две привязывали к кустам и крупным камням. Наконец приступили к вьючке. Сеня, не жалея сил, так туго стягивал веревки на спине у лошадей, что казалось — вьюки не свалятся и через неделю. За первой лошадью шла вторая, третья... Когда семь лошадей стояли уже навьюченными на привязи и оставалось еще столько же свободных, заметили, что у первой лошади веревки сильно ослабели и вьюки сбились на одну сторону. Причина стала ясна. Пока навьючивали семь лошадей, прошло не менее трех часов. За это время вздутые от травы лошади подтянулись, и веревки естественно ослабли.

К двум часам дня все же навьючили всех лошадей. Научное оборудование и инструментарий укрепили на более спокойных животных. На привьючку оставались легкие, но громоздкие вещи — железная печь с трубами и радиомачты. Наконец и этот груз был закреплен, и, разделившись на две партии по 7 лошадей в каждой, приготовились выступать. Предстояло продвинуться в тундру, а затем итти параллельно берегу до встречи с рекой, к которой надеялись подойти к вечеру. Неожиданно стряслась новая беда. Один из жеребцов задел вьюком за кусты, — загремели печь, трубы и складные радисмачты. Ближайшая лошадь шарахнулась в сторону, потянула за собой другую, третью, и началось массовое бегство. Перепуганные животные без оглядки понеслись в глубь тундры. От быстрого бега вьюки съезжали на животы и щекотали лошадей, что пугало их еще больше. Некоторые приходили в форменное бешенство и били вьюки ногами, чтобы поскорее от них отделаться. К счастью, более слабые лошади скоро выбились из сил и, остановившись, задержали других. Груз оказался разбросанным по тундре, собирать его пришлось до позднего вечера. Продвижение к реке откладывалось на неопределенное время.

Наконец долгожданный катер вечером причалил к берегу и привез на помощь к Васильеву и Семену Скляра, моториста Желобкова и рабочего Васю Первака. Сборы отложили до утра. Васильев и Скляр пошли в тундру посмотреть лошадей. Вдруг в заливе они заметили плывущего человека. Сильными взмахами рук он удалялся от берега все

Повьючка

Фото И. Скляра

дальше и дальше, по направлению к видневшейся лодке. Сделав еще несколько взмахов, он влез на борт. Только тогда стало понятно, в чем дело. Вытащенную на берег лодку подхватило волной и начало уносить в залив. Несколько минут промедления — и лодка была бы безвозвратно потеряна. Первым заметил беду Первак и, не раздумывая, бросился в воду. Забравшись в лодку, он погреб руками к берегу, и через пару минут «беглянка» была водворена на место.

Проверив лошадей, Скляр и Желобков уехали на катере в Ново-Мариинск. Утром Васильев и рабочие пустились в путь. Вьючка лошадей прошла очень быстро. Васильеву досталось вести четырех лошадей, а рабочие взяли по пяти. Но и на этот раз не все обошлось благополучно. Во время прыжка через ручей у двух лошадей ослабли веревки и вьюки; оборвавшись, они остались на месте, а лошади, почувствовав свободу, побежали обратно в лагерь. Погони за ними не устраивали, так как знали, что лошади далеко не уйдут, а если приняться их ловить, то можно растерять всех остальных.

Путь оказался нелегким. Впадавшие в залив ручейки сильно вздулись от прилива, и так как обходить их было очень далеко, то приходилось переправляться в брод. Уже более десяти километров отряд отошел от лагеря, а впереди ничто не указывало на близость реки. Только к вечеру открылся, наконец, вид на желанный Канчаланский лиман. Семен и Вася Первак со своими лошадьми пришли значительно раньше Васильева, они успели развьючить животных и пустить их пастись в тундру.

Долго задерживаться, однако, не приходилось, так как не было известно, где оставались две убежавшие лошади и часть вьюков. Пришлось верхом отправиться в обратный путь на их розыски. Васильев остался в лагере один. Только он принялся разыскивать среди вьюков палатки, как начали появляться чукчи. Сначала пришли дети, затем взрослые и старики. Пришлось заняться разговором с гостями, хотя вначале он и не клеился. Васильев не понимал языка чукчей, а чукчи не понимали русской речи, на пальцах же всего не перескажешь. Но чукчи, повидимому, оставались очень довольны этой беседой, и уходить никто из них не собирался. Наоборот, чукчи дали знать о прибытии экспедиции своим соплеменникам на другой стороне лимана, и те не замедлили переправиться к лагерю на байдарках. Новые гости приехали целыми семьями вместе с женщинами и

грудными детьми. Разговор шел главным образом о лошадях. Чукчи впервые видели этих диковинных животных и не сводили с них глаз, но относились к ним не без опаски. Если лошадь подходила близко, чукчи хором начинали кричать и махать руками, а женщины и дети старались спрятаться за мужчин. Особенно сильно напугались они «Пегашки», который метров двести пронесся вскачь по тундре. Чукчи не знали, куда деваться от страха. Они кричали и махали руками, но «Пегашка» мало обращал на это внимания и продолжал скакать. В самый последний момент, когда толпа бросилась к реке, лошадь круто повернула и, как ни в чем не бывало, шагом пошла в тундру.

— Каку мей (выражение очень большого удивления), — непрерывно раздавалось среди испуганных насмерть гостей.

Выложенная пачка папирос «Сафо» быстро разошлась по рукам. Закурили все от мала до велика, и даже грудные ребята, которые только что сосали грудь матери, брались за дымящиеся папиросы. Подростки принесли из становища дров, развели костер и попросили чайник. Чукчи большие любители чая, который они сварили в несколько минут. Все присутствующие в три ряда расселись вокруг костра, поставив в середине 5-литровый медный сосуд. Старейшего из гостей по-русски звали Василием. По выражению его глаз и лица можно было судить о прежней его жизни. Видимо, она была далеко не сладка. Деду Василию не было и 60 лет, но он выглядел совсем дряхлым стариком. Старик знал много русских слов и засыпал Васильева вопросами: откуда пришли, куда и зачем идете, сколько вас человек и есть ли у вас продукты? Отвечать надо было только правду, так как, если бы впоследствии чукчи узнали, что от них что-то утаили, тогда не пришлось бы ждать и от них правды и доверия. Молодые интересовались снаряжением. Их особенно занимали полуболотные сапоги Васильева. Чукчи поднимали ему то одну, то другую ногу, осматривали конец голенищ, подошву и в результате пришли к выводу, что в их местах куда лучше ходить в чукотской обуви. Пожалуй, они были правы. Для ходьбы по тундре нужна мягкая, легкая и непромокаемая обувь. Летние чукотские торбаза, сшитые из нерпичьей шкуры с подошвой из лахтака, вполне удовлетворяли всем этим требованиям. Кожаные куртка и брюки Васильева также подверглись критике. Особенно любопытные пробовали брать конец куртки в рот и кусать его зубами. Кожа оказалась добротной и на вопрос Васильева:

«Как, хороша?» — чукчи с восхищением отвечали: «Меченки» (хороша).

Было далеко за полночь, когда гости начали расходиться. Первак и Сеня не вернулись, и Васильев, оставшись один, улегся спать под брезентом. Проснулся рано, хотелось еще спать, но чукчи уже кучкой толпились около костра и о чем-то громко вели разговор, — пришлось волей-неволей подниматься. Оказалось, что пришла делегация просить Васильева, чтобы он отогнал лошадей от яранг, так как лошади, воспользовавшись тем, что ночью их никто не тревожил, подошли к становищу и нашли здесь себе богатый корм. На отбросах росла сочная трава, и лошади спокойно переходили от одной яранги к другой. Васильев, подойдя к становищу, увидел, что некоторые лошади, плотно покушав, развалились около самых яранг и подпирали их своими боками, что сильно беспокоило чукчей.

Вскоре вернулись Семен и Первак. Чукчи снова пришли вместе с дедом Василием. Он много рассказывал о своем житье, о том, как ему и его соплеменникам приходится ежегодно переходить с одного места на другое и как трудно жить, не имея оленей. Каждой весной они подкочевывают по насту за сотни километров к Канчаланскому лиману. Это переселение проводится с расчетом, чтобы к моменту хода рыбы быть в полной готовности к лову. В этом году здесь расположилось 8 яранг. В иные годы их бывало тут и больше. Оленей у чукчей было очень немного. Необходимо учесть, что тридцать—сорок оленей не могут прокормить семью в 3 человека, и семья, состоящая из 6—8 душ, вынуждена заниматься различными подсобными промыслами. Для анадырских чукчей рыбную ловлю, пожалуй, даже и нельзя считать подсобным занятием, так как олени чаще всего служат им только средством передвижения, а отнюдь не пищевым ресурсом. В конечном счете все богатство анадырского чукчи состоит в рыбе. Если ловля была удачна, он весел, если нет — чукча грустит. Морского зверя здесь промышляют мало. Небольшое стадо оленей с трудом обеспечивает чукчу одеждой и покрышкой на ярангу, а морж и нерпа доставляют ему все необходимое для пошивки обуви и поделки байдар.

Санитария и гигиена слабо проникли в быт чукчей. Очень часто можно видеть, как они едят вместе с собакой с одной доски; вырвать у собаки изо рта кусок мяса и съесть чукче самому — обычное здесь явление. Тут же, у палатки Ва-

сильева, чукча из объедков галет, затоптанных в грязь и мусор, выбирал кусочки покрупнее и ел их с таким аппетитом, как будто он голодал целую неделю.

По рассказам деда Василия, экспедиции путь предстоял нелегкий. Топографию своих кочевок старик изучил довольно хорошо и скрюченными пальцами нарисовал Васильеву схему реки Канчалана и ее притоков. Больше всего он опасался за лошадей и предупреждал, что по топкой, болотистой тундре им будет тяжело итти, а местами почти невозможно.

Прибывшие Семен и Первак поставили палатку в 300 метрах от становища чукчей. Первым долгом надо было наладить прием радиосигналов времени, чтобы произвести определение широты и долготы места. Сеня и Первак принялись ставить мачты, а Васильев занялся приемником. К полудню работа была окончена, и можно было бы начать астрономические наблюдения, но, к сожалению, погода не благоприятствовала выполнению этой работы. К вечеру обнаружилось новое затруднение. Как Васильев ни бился, но сигналов времени принять не удавалось. На следующее утро получился тот же результат, вечер не принес ничего нового. Было весьма странно, что такие мощные станции, как Регби, Бордо и Науэн, слышимые во всем мире, здесь не обнаруживались. Приемник работал исправно, слышно было, как работал Ново-Мариинск и другие станции, но нужные нам станции, подающие сигналы времени, никак не обнаруживались. Было решено на другой день подняться повыше в тундру, где Васильев рассчитывал добиться приема сигналов. Однако, к вечеру задул сильный ветер, который поломал радиомачту, порвал антенну и даже несколько раз срывал палатку. Ветер в 7—8 баллов продолжался всю ночь, пришлось собрать весь груз и обложить им полы палатки, чтобы удержать ее на месте. К утру ветер стих, а вечером Семен и Первак, затаив дыхание, наблюдали, как Васильев ловил сигналы. Наконец он снял наушники.

— Ну, как, поймал?

— Есть, поймал.

У всех как гора с плеч свалилась. Дальше дело пошло на лад, хотя вечера были пасмурны, звезд не было видно, зато днем можно было брать высоту солнца.

Чукчи не переставали навещать лагерь. Их любознательность была неиссякаема. Если Васильев стоял у инструмента и производил наблюдения, то и они старались обяза-

тельно заглянуть в трубу; если он уходил принимать сигналы, они и здесь сопутствовали ему. Подпускать чукчей близко к инструменту во время наблюдения было нельзя, но после работы Васильев давал им посмотреть в диковинную трубу, и они с большим удовольствием рассматривали солнце.

Как-то вечером трое из них попросили показать им луну, и когда Васильев удовлетворил их просьбу, они остались несказанно довольны. Если случалось принимать при них радиосигналы, то они с таким уважением относились к этому делу, что даже выходили из палатки и молча ожидали конца работы. Каждого вновь прибывшего они предупреждали о необходимости соблюдать полную тишину. Надо заметить, что все же чаще всего чукчи приходили не только ради любопытства, но с совершенно определенной целью — попить чайку.

Вскоре выяснилось, что чукчи большие любители спиртных напитков. Один из них заметил валявшуюся около палатки бутылку с денатуратом для гипсотермометра. Чукча подошел к Перваку и осведомился:

— Спирт варкен (пьем спирт)?

Первак замотал головой.

— Спирт уйна (спирта нет).

Чукча не хотел верить и, показав на валявшуюся бутылку, просил отдать ее ему. Вася Первак применил все свое «красноречие», чтобы убедить, что спирта нет; он руками и ногами показывал, что случится, если выпить эту жидкость.

— Чаучуккамака (чукча умрет)!

Может быть, чукча и понимал сказанное, но все же настаивал на своем и, не получив просимого, ушел крайне огорченный.

Дети с утра до поздней ночи, мурлыкая себе под нос заунывные чукотские песни, собирали вокруг палатки голубицу, бруснику, морошку и приставали к Перваку, прося его учить их русскому языку. В часы досуга Вася подолгу занимался с ними счетом. Ребята усаживались в кружок и начиналась хоровая декламация: «один» — показывает палец, «два» — отгибает другой, «три» и так далее. Дети старательно повторяли, а когда доходили до десяти и все пальцы были отогнуты, Первак задавал вопрос:

— Сколько?

Дети неизменно повторяли то же слово «сколько».

Счет начинался, и так повторялось без конца. В конце концов все ребята так хорошо натренировались, что часто можно было слышать в их кругу русский счет.

Работа по определению астрономического пункта приходила к концу, и не сегодня-завтра отряд должен был двинуться дальше. Ожидали приезда Скляра и переводчика, которого он обещал захватить с собой. Как-то вечером со стороны залива раздался ритмичный стук мотора, и через полчаса кавасаки вошел в лиман и стал на якорь. На берег перебрались в лодке Скляр, коллектор Кирюшина и переводчик Гриша. С полным вечерним приливом Скляр и Кирюшина на кавасаки уехали вверх по реке, где у фактории они должны были разгрузиться и ждать прибытия всего отряда. Встреча намечалась дней через восемь—десять.

Утром следующего дня Васильев с отрядом вышел в поход. Впереди шли Семен и Первак, за ними, с куском юколы за поясом, брел Гриша, Васильев замыкал шествие. Первое время группы двигались на небольшом расстоянии одна от другой, но постепенно интервалы между ними росли. Больше всего отставал Васильев, останавливаясь для зарисовки берега. В один момент он подумал, что ребята решили закусить, но почему-то усиленно машут ему руками и как будто его зовут. Прибавил шагу.

— Что случилось?

— Лошадь у Гриши завязла, не можем ее вытащить.

Недалеко в вязкой глине лежала на одном боку лошадь и, выбившись из сил, не могла высвободиться без посторонней помощи. Глина, в которой застряли ее ноги, была так вязка, что люди с трудом вытаскивали из нее сапоги. Кругом, кроме невысоких кустиков, не было крупной растительности. Решили рубить кусты и из них устроить помост, чтобы можно было ходить около лошади. Бедное животное! Сколько раз оно пыталось вырваться из этого месива, но все его попытки были тщетны, и оно только глубже уходило в глину. Лошадь перестала биться, и ее налитые кровью глаза как-то безразлично блуждали по сторонам. Сеня предположил, что у лошади сломаны ноги, так как она лежала в очень неестественной позе. Пристрелить ее было самым легким делом, но заменить лошадь в этих краях было невозможно, и потому решили попытать счастья вытащить ее из трясины. Долго и упорно рубили кусты, и когда набросанные ветки стали выдерживать двух человек, принялись, за неимением лопат, подкапываться под круп лошади го-

лыми руками. Удалось просунуть под лошадь веревку. Оставалось совместными усилиями сделать последнюю попытку. Гриша, как более легкий, пошел вперед.

— Раз, два, взяли... раз, два, смаху...

Лошадь не поддавалась. Все немного передохнули.

— А ну, ребята, еще попыточку! — подбадривал Васильев.

— Раз, два, взяли! — да так взяли, что протащили лошадь метра два, после чего она сама стала на ноги.

— Стоит?

— Стоит.

— Попробуй, Гриша, провести ее.

— Пошла!

— А ну, еще подальше.

— Идет!

Лошадь была спасена, никакого перелома или вывиха у нее не оказалось. Отряд продолжал путь.

Томила жажда. Через каждые полкилометра приходилось выискивать ручеек и лежа «причащаться». У одного такого ручейка Васильев забыл бинокль и, только пройдя несколько километров, хватился его. Пришлось вернуться. У первого ручья бинокля не оказалось, у второго тоже. Итти дальше назад не имело смысла, ибо караван и так ушел далеко вперед.

Спускался вечер, а итти в темноте по незнакомой дороге было делом далеко нелегким. Когда Васильев наконец добрался до места новой ночевки, все лошади были уже развьючены и пущены пастись. Первак и Сеня ставили палатку. Гриша ушел в становище чукчей, видневшееся впереди. Через пятнадцать минут он вернулся в сопровождении шести человек, а еще минут через пять в палатку пришли женщины и дети. Они успели расспросить Гришу, куда и зачем идет караван, хотя они уже это знали, так как некоторые из них были в покинутом сегодня лагере, но, чтобы проверить правдивость русских, они расспросили обо всем еще раз.

— Чай пауркен (чай пить), — пригласил Гриша гостей. От чая никто не отказался. Чукчи интересовались, пойдет ли отряд дальше или нет. Через переводчика им объяснили, что отряд здесь не останется, а с утра уйдет дальше. Чукчи словно воды в рот набрали. Никто ничего не ответил. Прошла минута-другая молчания, а потом у них с Гришей завязался оживленный разговор. Гриша перевел:

— Говорят, нам дальше на лошадях не пройти, так как впереди имеются две широкие реки, а сейчас же за палаткой начинается большое болото; по этому болоту они даже на оленях не ездят, а на лошадях там и подавно не проберешься.

Случается, что чукчи по тем или иным соображениям дают неверную характеристику районов. Но если верить последнему сообщению чукчей, то все же остановить нас реки не могут, так как лошади их переплывут; болота в этих широтах глубоко не оттаивают, так что тоже могут оказаться проходимыми. На всякий случай с утра решили произвести разведку.

Васильев проснулся рано. Вокруг не было видно ни одной лошади. Разбудил Семена:

— Куда лошади ушли?

— Не знаю, ночью были возле нас, а сейчас...

— А сейчас нет, иди и пригони их сюда!

Семен ушел и больше часа не возвращался. Пришлось разбудить Первака и тоже послать на поиски. Время шло, но ни тот ни другой не показывался. Гриша развел костер. Дымовой сигнал был дан. Сейчас должны нагрянуть гости. И верно, не прошло и нескольких минут, как пришли чукчи со своими дровами, подобранными по дороге. Гости пришли с семьями в сопровождении своих верных слуг — собак. С ними был их старшина — симпатичный рослый мужчина не старше сорока лет. В походке он был неуклюж, но, видимо, обладал большой силой.

— Здо-ро-ва! — приветствовал Васильева пришедший.

— Здравствуй.

Обменялись рукопожатиями.

— Как живешь?

Старшина заулыбался, но вопроса не понял, переспросил Гришу.

Тот перевел.

— Хо-ро-со, — ответил старшина и расплылся в улыбке.

У Гриши с гостями завязался разговор. Видимо, речь шла о походе, о лошадях и об Анадыре. Их как будто чем-то кольнуло, когда Гриша заговорил о пропавшем бинокле. Все повернулись в сторону Васильева и не то с сожалением, не то с упреком смотрели на него широко открытыми глазами.

— О чем ты рассказываешь, Гриша?

— О бинокле рассказывал, который ты оставил у ручья.

Бинокль — глаза чукчи. Очень часто можно встретить в отдаленных уголках Чукотки людей, которые издавна обзавелись «двойными глазами». В свое время, до прихода сюда советской власти, чукчи снабжались главным образом американцами. Среди различного рода предметов широкого потребления нередко сюда завозились и бинокли, которые чукчи применяют в двух случаях: в море, чтобы отыскать морского зверя, и во время кочевки для нахождения табунов оленей.

Чукчи убеждали Васильева, что через болото не пройти, а обходить его и году нехватит. Они отнеслись к положению экспедиции весьма сочувственно и предлагали помочь переправить лошадей на другую сторону лимана, так как оттуда можно было добраться до фактории. В самом узком месте, на стыке двух лиманов, ширина реки имела до 500 метров. Река здесь довольно глубокая и временами бывает очень бурлива. Переправлять лошадей через лиманы вплавь было невозможно: хотя они местами были мелки, все же приходилось вплавь преодолевать 7—8 километров, что было лошадям, конечно, не под силу. От предложенной помощи Васильев не отказывался, но предварительно решил попробовать, нельзя ли все же пройти болотом. К полудню пришли Первак и Семен и пригнали лошадей. Последним, повидимому, не понравилось новое пастбище, и они под утро направились на хорошие корма в старый лагерь. Передние успели пройти больше 15 километров, когда их настигли Первак и Семен. К общей радости, Первак отыскал потерянный бинокль.

После обеда выехали на разведку к болоту.

К вечеру ребята вернулись, выяснив, что чукчи говорили правду. Прохода через болото найти не удалось. Оставался один выход — перебираться водою на другую сторону лимана. Обсуждать организацию переправы пригласили всех чукчей. Все сошлись на том, чтобы вперед пустить лодку, а за ней на веревках тянуть лошадей. Переправу решили начать с утра, но к сожалению, начался сильный ветер и разгулялась крупная волна, — переправу пришлось отложить. На следующий день к вечеру ветер начал стихать, и к утру можно было ожидать тихую погоду, о чем и предупредили старшину чукчей.

Проснулись рано. Гришу командировали поднимать чукчей, а Семен и Первак принялись собирать лошадей. Прошло с полчаса, а Гриша все не возвращался. Васильев сам

пошел в становище. Здесь не было видно ни одного мужчины, и только женщины в 2—3 ярангах разводили костры.

— Гриша, скажи старшине, чтобы поторопился.

— Да я ему говорил.

— Ну, а он что?

— Говорит, попьем чаю, начнем.

— А долго они будут распивать чай?

— Не знаю, наверно недолго.

Это «недолго» затянулось на два часа. Наконец чукчи появились из яранг. Покурили, еще раз посоветовались между собою и стали готовить плоскодонную лодку. Утлое суденышко протекало по всем швам. Чукчи мхом позатыкали дыры и, укрепив мачту для паруса, спустили лодку на воду. Для пробы решили переправить одну из средних по силе лошадей. Расчет был таков, что если переплывет средняя, то сильные безусловно не отстанут, ну а слабым, в крайнем случае, придется подвязать «пузыри» из бидонов из-под керосина.

В лодку сели четверо: двое чукчей взялись за весла, один сел за руль, а Вася Первак на веревке должен был тянуть за собой лошадь. Лодка тронулась, веревка натянулась, и лошадь нехотя сделала первые шаги. Итти долго не пришлось. В 5—6 метрах начиналась значительная глубина, и лошадь поплыла. Парус надулся, чукчи, помогая веслами, регулировали скорость движения. Лошадь прекрасно проплыла пятьдесят, сто, двести метров и так же уверенно продолжала плыть дальше. Примерно половина расстояния была пройдена. Стоявшие на берегу чукчи были захвачены спортивным интересом. На середине реки лошади стало плыть труднее. В бинокль было видно, как она напрягала все свои силы. Ее сносило течением. Вдруг лошадь на секунду погрузилась с головой в воду, но опять продолжала плыть. Вот еще раз погрузилась, и опять вынырнула. В третий раз скрылась под водой, но опять подвигалась все ближе и ближе к цели. До берега оставалось 40—50 метров, одна-две минуты, и... лошадь нырнула в четвертый и последний раз. В бинокль было видно, как Вася Первак обрезал веревку и пустил ее за борт. Лошадь погибла.

— Лошадь камака (лошадь погибла)! — раздались голоса чукчей, но в ту же минуту все стихло, и они, будто виноватые, сбились в кучу и не проронили больше ни единого слова. Рисковать оставшимися лошадьми не решились. Надо было искать другого выхода.

Прежде всего требовалось во что бы то ни стало предупредить Скляра, стоящего лагерем у фактории, о невозможности дальнейшего движения отряда. На совещание снова пригласили чукчей. Они описали путь к фактории и уверяли, что если переплыть на лодке на другую сторону лимана, а затем перевалить через видневшиеся вдали сопки, то можно за один день добраться до места. Гор, как они уверяли, впереди было немного, и уже с них виднелась фактория.

— Гриша! Спроси чукчей, может быть кто-нибудь из них согласится проводить нас, мы хорошо заплатим.

Желающих не нашлось. По тем или иным причинам, все оказались очень занятыми. Одним надо было итти в олений табун, другим — охотиться на нерп, а третьи просто по своей старости не могли выдержать 30-километрового перехода по тундре и горам. Пришлось Васильеву и Перваку одним перебраться на ту сторону в лодке с винтовкой и рукзаками за плечами и отправиться на розыски штаба отряда. До сопок прошли 15 километров, поднялись на одну из них, впереди опять виднелись сопки. Спустились, снова поднялись, пошли дальше. По рассказам чукчей, сопки должны были кончиться, а впереди оказалось их очень много. Осмотрели в бинокль местность, но на близость фактории, повидимому, рассчитывать не приходилось. Сзади в долине догорала подожженная трава. Таких поджогов было сделано несколько, для того, чтобы при возвращении итти по старым приметным местам, так как выжженная трава легко опознается с далеких расстояний и, конечно, окажет большую услугу. Голые, ничем не покрытые сопки были так похожи одна на другую, что их не трудно спутать даже вблизи. Внизу гряда сопок тянулась с востока на запад, впереди, на севере, виднелась открытая тундра, прорезанная рекой, которая узкой лентой, извиваясь змейкой, далеко уходила вглубь.

Всматриваясь в даль тундры, путники увидели чуть заметную белую полоску. Снегом это быть не могло, так как он в этих местах давно стаял, а нового еще не выпадало. Решили подойти поближе. С сопки спускались быстро, и через 10—15 минут были уже от нее километрах в двух. Случайно взгляд упал влево, где протекала река.

— Флаг! Честное слово, флаг! — закричал Первак.

Проверили в бинокль. Сомнений не было. Флаг найден,— значит, где-нибудь поблизости должна быть и палатка. Не

чувствуя усталости, побежали вприпрыжку по болотистой, кочковатой тундре в направлении видневшегося флага. Вот показалась и палатка. Путь преградила маленькая речка. Попытались найти мелкий брод, но поблизости его не оказалось, пришлось лезть по пояс в ледяную воду. У палатки заметили копошившихся людей, которых подняли на ноги выстрелом из винтовки. Путники, царапая лицо и руки, с трудом пробирались сквозь колючие кусты. Скоро заметили просвет, а через минуту открылся вид на реку, которая в этом месте, видимо, была не глубока, так как сквозь воду просвечивало дно. Ширина реки достигала метров 400. Сложив руки рупором, Васильев закричал на противоположный берег:

— Лодку!

Эхо отдалось в долине реки.

— Лодку! — еще громче закричал Вася.

— Лодку давайте сюда!

— Нет у нас лодки, — послышался ответ.

— Давайте лодку! — продолжал настаивать Васильев.

— Лодка течет, дать не можем.

Васильев решил, что Скляр просто не понял, кто идет, и принялся кричать изо всех сил:

— Иван Андреевич! Скляр! Это я, Васильев!

— Чего?

— Я, Васильев! Лодку давай сюда!

Путников узнали, потому что на противоположном берегу подбежали к лодке, подтащили ее к воде и принялись за починку. Минут через 10 переправились через реку. Почти у самого берега Скляр бросил весла, видимо, все еще сомневаясь, что с ним говорит Васильев.

— Андреевич! неужели не узнал меня?

— Как вы сюда попали? — спрашивает Скляр.

— Подгребай ближе, после расскажем.

В лодке вчетвером разместились свободно. Скляр попрежнему сидел за веслами, Мария рулила.

— Лошади, что ли, разбежались? — прервал молчание Скляр.

— Нет, лошади целы, не разбежались, одной только меньше стало.

— Как? Почему?

Васильеву пришлось рассказать всю историю. В палатке за ужином обсудили создавшееся положение. Дробить отряд на два лагеря не имело смысла, и было решено во что

бы то ни стало соединиться. Васильев и Первак ушли пешком в свой лагерь, а Скляр и Мария должны были как-нибудь ухитриться проехать туда по реке.

Уже вечерело, когда между зелеными, косматыми берегами Скляр и Мария заметили косой белый треугольник.

— Парус... откуда это?

— Конечно, это чукчи, — говорит Скляр. — Русские сюда на лодке не пойдут. Что ж, пригласим их почаевать.

Три выстрела многоголосым эхом прокатились над холмами. Но что это? Треугольник медленно повернул, как будто сигнальный выстрел испугал находившихся в лодке. Вот они и парус опустили.

— Ничего! Они будут здесь сегодня же, — категорически заявил Скляр. — Налаживай чай, Мария!

Скляр угадал. Не прошло и часа, как к берегу причалила чукотская байдарка с тремя гребцами. Байдарка была без груза. Размеры ее как раз подходили для предстоящего путешествия в Канчаланский лиман. Настроение в лагере поднялось. Скляр усердно помогал чукчам тащить байдарку на берег, что легко удалось, так как судно из моржовой шкуры, натянутой на деревянный остов, не представляло большой тяжести. На берег вышли трое чукчей. У самого старшего были могучие плечи, голова выбрита начисто, и лишь на самой маковке оставлен длинный «оселедец». Обращали на себя внимание его ширококостное коричневое лицо, живой взгляд темных глаз под угловатыми густыми бровями, крутые ноздри и желтый оскал губастого полнозубого рта.

Другой гость был втрое моложе, но сложением и повадкой напоминал первого. Этот парень был почти красив со своим ровно разлитым по лицу румянцем. Зубы у него еще не были прокурены и сверкали белизной. Темные, миндалевидные глаза были затянуты какой-то сонной поволокой. Прическа у него была совсем другая: макушка гладко выбрита, но зато оставлена широкая кайма волос, идущая по темени и затылку. Волосы у чукчей были густые и прямые.

Третий чукча оказался совсем еще ребенком, 7—8 лет, не больше. Он был до смешного похож на первого и лицом, и «оселедцем», и повадкой. Все трое были одеты в мехевые штаны и рубахи, низко перехваченные ремешками. К поясу в плоских ножнах были привешены ножи. На ногах одеты торбаза из нерпичьих шкур.

Элементарные правила чукотского этикета хозяевам были известны.

— Тагам! Чай пауркен (пошли чай пить)!

Гости с большой готовностью полезли вверх по склону берега реки. Уселись. Заговорили между собой, закурили трубки. У старшего был какой-то гулкий, негромкий голос. Средний, как только вышел из байдарки, сразу запустил руку под рубаху и принялся скрести себе то живот, то плечи. Этого занятия он не прекращал и во время чаепития. Малыш в отношении общительности был точной копией старшего.

— Усео-роуно, — говорил старший, одобрительно ощупывая брезент палатки.

— Усео-роуно, — деловито соглашался маленький.

— Усео-роуно. Меченки, — настойчиво обращается к Скляру старик.

— А, поняли! «Меченки» — это значит ладно, хорошо, а «усео-роуоно», — очевидно, вольный перевод чукотского «меченки».

Скляр напряженно отыскивает в своем словарике нужные слова и фразы, а Мария тем временем угощает гостей чаем. Вот и воды только на донышке объемистого ведра осталось. Может быть, довольно?

— Меченки? — спрашивает Мария, перевертывая ведро вверх дном.

— Усео-роуно, — улыбается чукча, которого Скляр назвал «капитаном», и что-то говорит мальчику. Тот схватывает ведро и несется вниз к реке. Через пять минут полное ведро снова водворено на примус. «Капитан» пытается рассказать что-то. Мелькают знакомые слова: «вээм» (речка), «мильштанин» (русский), «конь», — повидимому, речь идет о лошадях экспедиции, — «камака» (умер).

«Капитан» закидывает голову назад, и частые булькающие звуки вылетают из его раскрытого рта. Затем он весь бессильно опускается со склоненной на бок головой и выпученными глазами.

— Конь камака (конь умер), — шепчет мальчик, которого, как выяснилось, звали Элькаутль.

Мария делает знак, что поняла. Наступает очередь Скляра. Перемешивая русские и чукотские слова, он убеждает «капитана» сплавить лагерь вниз по реке на своей байдаре. «Капитан» догадался. Скляр решает «взять быка за рога». По его приказанию, Мария достает из вьюка мед-

ный, яркий, как солнце, таз, кладет в него несколько папуш (связок) табаку, пакет с сахаром и кирпичный чай. Все это ставится посредине палатки.

Три руки одновременно тянутся к тазу. «Капитан» осторожным щелчком заставляет медь заговорить ясным, чистым голосом. Молодой чукча гладит его блестящий край потной, грязной рукой и конфузливо вытирает рукавом оставшийся влажный след. Элькаутль, позабыв свою «солидность», нагибается над тазом, всматриваясь в свое отражение. Скляр жестами заверяет «капитана», что за работу он получит и этот великолепный таз, и табак, и сахар, и чай в придачу. «Капитан» отвечает пространным монологом, затем вылезает из палатки, осматривает груз, взвешивает тюки на руке, соображает и с решительным видом возвращается на место. Мария наливает ему еще чаю. «Капитан» вежливо рыгает.

— Тыпаа (довольно).

Наконец-то! Обе стороны договорились и решили завтра на рассвете пуститься в путь. Через несколько минут внизу раздался стук, и в темноте быстро вырос белый силуэт «капитанской» палатки.

Стрелка часов подвинулась уже к одиннадцати, когда удалось растолкать чукчей. Пока они выпили положенное ведро чаю, утекло еще немало времени. После чая «капитан» долго прикидывал на вес каждую вещь, распределяя груз между лодкой и байдаркой. Тронулись в путь. Впереди шла байдарка с чукчами и частью груза, на буксире ее — лодка экспедиции с остальным грузом и Скляром на руле. Мария зарисовывала на планшете проходимый путь. Метрах в 200 от судов тянулся берег с зелеными холмами, схожими между собою, как близнецы. Прошли место, где накануне высадились Васильев и Первак. Здесь река делает крутой поворот к западу, обходя группу невысоких возвышенностей левого берега.

Неожиданно байдара с разбега ткнулась носом в береговой песок, и чукчи выпрыгнули на сушу. За ними последовал Скляр, чтобы выяснить, в чем дело. Пока он говорил с «капитаном», остальные разгрузили лодку экспедиции, после чего все трое со смехом отплыли на ней от берега. Когда лодка вошла в устье притока, все сделалось понятным. Накануне здесь побывали чукчи и, вероятно, забросили сетку, а теперь поехали забирать попавшую в нее рыбу. Прошло часа два, а «капитана» все не было. Скляр уже извел

полдюжины пластинок, фотографируя детали ландшафта. Ровно через два с половиной часа лодка вернулась.

— Усео-роуно! — закричал издали «капитан», указывая на Элькаутля, который держал в каждой руке по громадной рыбе.

Возвратившись, «капитан» принялся варить добычу. Скляру осталось только посматривать на часы.

Наконец тронулись дальше, но скоро закапризничал ветер и вдруг подул прямо в лоб, — пришлось опустить парус. Элькаутль и молодой чукча взялись за весла. «Капитан» сел на руль. Через некоторое время на байдаре начался невообразимый переполох, слышались возбужденные возгласы:

— Мишка! — указывает «капитан» на берег, где в кустах, рассыпавшихся по неглубокому разлогу, замелькало большое темное пятно.

У «капитана» в руках в мгновение ока появился винчестер. В этот момент слева, совсем близко от байдары, из воды выплыл темный шар, похожий на маленький водолазный скафандр.

— Нерпа! Нерпа!

Плавающий шар как будто бы дразнил и нырял то справа, то слева от байдары. Мишка на время был забыт, — «капитан» не хотел упустить и эту добычу. Сотнями голосов отозвались на громкий выстрел зеленые берега реки. Нерпа осталась целехонькой и только вынырнула ближе к середине реки. Медведь вскачь понесся в тундру.

— Мишка тагам (медведь ушел)! — кричит Скляр. «Капитан» из-под ладони оглядел берег и только увидел мелькающий неуклюжий зад медведя. Нерпа тем временем тоже скрылась. «Капитан» почему-то направил байдару к берегу.

— Куда?

В ответ слышалось многоречивое и непонятное объяснение. Лодки вошли в тихую заводь, чукчи вылезли на холм и долго бродили на его вершине, что-то разыскивая между кочками болота. Время приближалось к 6 часам вечера. Скляр и Мария сделали вид, что собираются плыть одни. Они отвязали лодку и начали отталкиваться от берега, состоящего из сплошного торфа.

— Андрэй! — несется сверху.

К лодке прибежали запыхавшиеся чукчи с полными руками грибов, напоминавших простые поганки. С разбега чукчи прыгнули в байдару, повидимому чем-то очень встревоженные.

Белые гребешки волн по фарватеру стали гуще и выше. Река раздалась вширь на целый километр. «Капитан» с опаской оглядывался на плоскодонку Скляра и, наконец, предложил ему и Марии перебраться в байдару.

— Экальпе тагам (скорее плыви)! — закричал ему Скляр.

В это время вспененный белый гребешок прыгнул в лодку, обдавая лица каскадом брызг. «Капитан» решительно взял курс на ближайший мыс, где флотилия и осталась пережидать непогоду.

Только к полудню следующего дня волнение улеглось и можно было продолжать путь. Прошли устье Имненекуиля. Дул встречный ветер, шел прилив. Плоскодонку сильно раскачивало на волнах. В горле лимана остановились на ночлег на Галечной Кошке. Чукчи обычно избегали разбивать палатку на траве, предпочитая мягкой, но сырой подстилке сухое каменистое ложе.

На другое утро Скляр поднял чукчей на рассвете, рассчитывая собраться к началу отлива, но из-за их медлительности выехать удалось лишь в одиннадцатом часу. С двенадцати уже начался прилив, поэтому не было ничего мудреного, что к шести часам вечера, когда наступил отлив, гребцы выбились из сил и нужно было снова останавливаться на ночлег.

В следующий раз Андреич разбудил всех еще затемно. Лиман встретил неприветливо — гуляли крупные волны. Впрочем, «капитан» сказал, что здесь почти не бывает безветреных дней, и к тому же лиман так мелководен, что самый маленький ветер сразу поднимает большие волны. С вечерним отливом кое-как добрались до стойбища, долго выискивая место, где бы можно было причалить, так как прибой гнал к берегу крупные волны. Пришлось выйти в Нерпичий залив и, обогнув Кошку, на которой стояли яранги, буквально выброситься на песчаную отмель.

Настал конец августа. Ночи заметно удлинились и похолодали.

С приездом Скляра и Марии лагерь ожил. Началось перераспределение грузов. Все, что казалось лишним в предстоящем маршруте, откладывалось в сторону, так как лошадей стало на одну меньше, а вес грузов с приездом Скляра увеличился. Пришлось оставить все то, без чего можно было обойтись на работе.

В сторону были отложены инструменты для астрономических наблюдений, хронометры, приемная радиостанция и обменный фонд, предназначенный для расплаты с чукчами. Все же вьюки попрежнему весили более 80 килограммов каждый.

Оставив рабочих и Марию для укладки и разборки вещей, Васильев и Скляр поехали искать путь через болото. Предполагалось, если удастся его пройти, двигаться вверх по реке Канчалану до тех пор, пока лошади будут обеспечены подножным кормом. С наступлением поздней осени думали выбраться к реке Белой, через южный конец хребта Пекульней. Если бы не удалось обойти болото, надо было вернуться в Ново-Мариинск и просить у АКО кунгас для переправы лошадей и снаряжения на зимовочную базу в Марково.

Дорога Скляра и Васильева оказалась тяжелой. Лошади, не привыкшие к ходьбе по кочковатой тундре, то и дело вязли в трясине. Скляр ехал впереди, стараясь заставить свою лошадь ступать на кочки, а не между ними, но из его попыток ничего не выходило, так как лошадь у него была молодая и горячая. Она шла как-то рывками и поэтому скоро выбилась из сил. Через каждые 50—60 метров приходилось делать передышку. Конь Васильева был стар и более опытен. Первые два-три километра он шел вслед за лошадью Скляра, а потом стал выбирать дорогу самостоятельно. За 8—10 последних дней тундра сильно изменилась: сочные ягоды морошки и голубицы уже осыпались, и только брусника краснела отдельными островками. На сером фоне тундры прятались куропатки, вылетая целыми стаями из-под ног лошадей. Подошли к болоту. Скляр направил свою лошадь вперед. Она отошла метров десять и стала, пугаясь зыбкой почвы. Скляр слез и повел лошадь в поводу. За лето болото оттаяло настолько глубоко, что и без груза животное по брюхо уходило в вязкий ил. Васильев тоже повел своего «старичка», но и он также безнадежно увяз. Выяснилось, что люди еще могли кое-как держаться, но провести через болото лошадей было абсолютно невозможно. Решили поискать перехода в другом месте, отыскивая в бинокль более сухие участки. После полудня в воздухе почувствовался сильный запах гари, встречный ветер приносил едкий дым. Поднялись на холмик, и перед глазами открылась горящая тундра. Маленькие язычки пламени перебегали с одной кочки на другую, и полоса пожарища быстро разрасталась вширь. Гарь решили обойти стороной. Справа расстилалась безра-

достная трясина, уходящая в сторону Анадырского лимана. Оставался один исход — обойти болото стороной, как бы далеко на юг оно ни простиралось. С этим решением разведчики повернули к лагерю. Пожарище снова преградило путь, огонь охватил площадь в несколько квадратных километров, так что казалось, что горит вся тундра. Столб серого, смрадного дыма поднимался к небу. Оказалось, что мокрая тундра таила в себе неисчерпаемый источник горючего материала в виде верхнего слоя торфа, кустиков голубицы, карликовой березы, лишайников и ягеля. На месте пожарища пастбище восстанавливалось лишь много лет спустя.

Обойти пожарище по болоту было невозможно, путники решили прорваться в другую его сторону по горам. Кое-как удавалось миновать горящие кочки, но совершенно некуда было спрятаться от окутывавшего со всех сторон едкого дыма. Он лез в горло и немилосердно ел глаза. Лошади теряли способность ориентироваться и начинали крутиться на одном месте. Вперед пошли наугад, ведя лошадей на поводу, и кое-как вышли из пожарища. Солнце уже давно скрылось за горизонтом, когда разведчики достигли лагеря. Чукчи их встретили весьма недружелюбно. Они что-то громко говорили переводчику, все время показывая пальцами на работников экспедиции, и казалось — вот-вот пустят в ход кулаки.

— Чего они хотят от нас, Гриша? — спросил Скляр.

— Они говорят, что вы тундру подожгли и теперь им негде будет пасти оленей.

— А! вот оно в чем дело! Гриша, передай им, что тундру не мы подожгли. В этом, вероятно, виноваты их же пастухи, пусть на них и сердятся, а теперь приглашай их ужинать.

Наутро всех разбудил странный вой. Две старухи-чукчанки, страшные, грязные, косматые, с отвислыми грудями, вывалившимися из вырезов керкеза, ползали около палаток, собирая руками и ртом ягоды, в изобилии росшие повсюду, и дико выли однотонными голосами. Это не было похоже ни на плач, ни на песни.

— Что они, спятили, что ли?

— Зачем спятили! Это они поют от радости. Пьяны ведь!

— Да откуда ж они водку взяли?

— Хы... откуда им водку взять? Гриб такой есть, мухомором называется, варят они его, и водка получается, да еще покрепче будет. Я вчера был у них, пробовал, — сознался Гриша.

Из мужчин в этот день в лагерь никто не пришел — все стойбище было вповалку пьяно.

Вьючка лошадей отняла несколько часов, — лошади долго не шли на приманку. Скляру для разведки предоставили огромную лошадь с такими хорошими карими глазами и чистой, гладкой шерстью, что невольно думалось, что свои лучшие годы она провела в кавалерии. Остальных лошадей связали звеньями. Расплатившись с «капитаном» и поручив ему доставить оставленное снаряжение в Ново-Мариинск, отряд тронулся в путь. Василий Гаврилович шел напрямик, не обращая внимания на болото. У него был изумительно размеренный шаг, «топографический», по определению Первака. На работе он не спеша устанавливал свою треногу, спокойно визировал, но как это делал — оставлял в секрете. Здесь каждая кочка была сестрой своей соседки, и ориентироваться среди них было невероятно трудно.

Отряд переходил болото, придерживаясь пятен красного мха, ибо практика показала, что на зеленых луговинах была зыбкая топь. Трудно сосчитать, сколько раз за этот переход пришлось развьючивать и вытаскивать завязших лошадей. В час шли не более километра. На лошадей было больно смотреть — и ноги, и животы, и даже головы были у них в грязи, колени дрожали. На беду пошел все усиливающийся, холодный мелкий дождь.

— Стоп! — закричал Скляр, — на сегодня довольно. Осень началась, — добавил он, слезая с измученной лошади. Мокрые палатки пришлось ставить прямо в болоте. Вдалеке было видно чукотское стойбище. Скляр был мрачнее тучи, он видел, что при создавшихся условиях далеко не уйдешь.

Для облегчения партии был отдан приказ оставить из вещей только по смене белья, одной паре запасных сапог, постели и теплую одежду. Продовольствия урезать с таким расчетом, чтобы на каждую лошадь пришлось не более 2½ пудов. Из продуктов взять наиболее легкие: макароны, печенье и сухари. Консервов, как основную тяжесть, оставить самое минимальное количество. Весь остальной груз упаковать и свезти к чукчам.

Дождь барабанил по палатке. До рассвета краснел огонек папиросы в том углу, где лежал Скляр. Остальные тоже плохо спали, один только Гриша беззаботно храпел на всю тундру.

Спозаранку прибежали чукчи. Пока перепаковывали вьюки, они привели лодку для оставленного им груза. Днем прошли девять километров. На западе показались вершины хребта Рарыткин.

Ночью снова выл ветер, бросая потоки мелкого, нудного дождя.

Наконец стало ясно, что болото тянется до самого Анадырского лимана, представляя собой остатки протоки, соединявшей некогда воды Анадыря и Канчалана. Вскоре открылся и сам лиман, по-осеннему серый и безрадостный. Налетающие шквалы гнали косые полосы дождя. Шквал проходил, наступала маленькая передышка, иногда проглядывал солнечный луч, и снова было видно, как с запада надвигалась новая дождевая завеса. Скляр терпеливо ловил моменты, когда можно было фотографировать. Некованые лошади с трудом преодолевали валунные россыпи размытых морен. По твердому прибрежному грунту итти оказалось все же легче, чем по раскисшей тундре. Немного не дойдя до низины, по которой протекала небольшая речка, лошадь Скляра снова увязла. Дальше шла топь, не выдерживавшая даже тяжести человека. Пришлось снова итти в обход вверх по речке, зыбкие берега которой не подпускали к себе ни человека, ни лошадь. Прошли километров пять-шесть, и снова путь перерезал крошечный, но такой же непроходимый приток речки. Один из рабочих хотел было его промерить, но сразу же настолько увяз, что еле сапоги вытащил, да и то при помощи остальных спутников. Быстро надвинулись сумерки.

— Развьючивай!

Сеня Бессарабец попытался провести лошадей на водопой, но они артачились, так как берега колебались, как опара. Пришлось поить лошадей из ведра. Эту ночь спали как в люльках. Под тяжестью человеческих тел в грунте образовались углубления, в которых каждый спал, убаюкиваемый зыбуном, как ласковой матерью. Жалобно кричали гагары и разная болотная птица, еще не успевшая улететь на юг.

Наутро все кругом было покрыто инеем. Зима посылала свой первый привет и первое предупреждение. Скляр очень обрадовался морозу и поехал искать переправу через речку. Его попытка оказалась неудачной. Скляр выкупался сам, измучил лошадь и через пару часов вернулся ни с чем. Решено было обследовать самое устье реки. Предполагалось,

что при отливе обнажались галечные отмели и по ним будет можно переправиться на противоположный берег. В новую разведку поехали Скляр, Гаврилыч и Мария. Отлив угнал воду лимана далеко от берега и обнажил метров на 200—250 дельту речки, представлявшую собою тот же ил с редкими пятнами галечника. Промер поручили сделать Марии, так как она была легче весом. В лимане воды осталось немного выше пояса, но илистое дно жадно засасывало босые ноги; Мария только с колоссальным трудом перебралась на противоположный берег, тщательно осмотрев полосу обнаженного дна, отделявшего реку от твердого, коренного берега. Переход показал, что поверхность дельты была неровная и имела различную плотность грунта. Кое-где дно было твердо, как камень, а в одном месте Мария сразу провалилась по колени. Тем же бродом Мария перебралась обратно, и, взяв под уздцы Пегашку, вновь начал переправу. Лошадь была малорослая и, судя по прежним переходам, достаточно храбрая. Оказалось, что мелкая галька лишь только сверху неровным тонким слоем покрывала ил. Лошадь сразу же увязла передними ногами. Под ее копытами зловеще, с каким-то всхлипыванием чавкала бурая масса.

— Шагай, дурак! В этом только твое спасение, стоять нельзя, сам видишь! — подбадривала дрожащую лошадь Мария, стараясь сдвинуть ее с места.

Как бы поняв ее слова, Пегашка делает шаг, другой и идет на длинном поводу за Марией, которая тщательно ощупывает ногой каждый вершок пути. К несчастью, там, где проходил человек, лошадь, как правило, проваливалась. Бедный Пегашка даже уже на берегу долго дрожал, прижимая уши к затылку. Не найдя перехода через лиман, пошли обратно к Нерпичьей Кошке, где, по словам Григория, находилось чукотское стойбище и рыбалка АКО.

— Далеко ли до рыбалки, Гриша?

— Совсем близко, товарищ начальник. В полдень там будем.

Шли от зари до зари и только на закате увидели яранги, похожие издали на копны сена, и белые пятна палаток рыбалки. Ветер доносил шум мотора катера, стоявшего у берега. Скляр пустил свою лошадь в галоп.

— К рыбалке кунгас добывать! — крикнул он на скаку.

Однако вскоре Скляр вернулся мрачный и разозленый. Катер собирался буксировать в Ново-Мариинск два пустых кунгаса, но старшина наотрез отказался помочь экспедиции.

— Без начальства не могем, так что уж лучше не просите. Сказал не дам — и точка!

Как бы в подтверждение рассказа Скляра в сгустившейся темноте завыла сирена, и бортовые огни пошли прочь от берега, уводя с собой желанные кунгасы. Было видно, что старшина, опасаясь надвигающегося шторма, несмотря на ночное время, удирал в свое логово в Ново-Мариинск.

ГЛАВА III

Работе на лошадях пришел конец. Надо было думать о том, как бы до сильных заморозков добраться по реке в селение Марково. Скляр решил послать Васильева в Ново-Мариинск к начальнику экспедиции для получения соответствующих указаний. С трудом удалось уговорить местных чукчей переправить Васильева, Первака и Григория на другой берег, откуда они могли бы пешком добраться до Ново-Мариинска. Чукчи уселись в байдару, взяв с собой топор, веревку и чугунный котел, словно собирались ехать на неделю. На всякий случай с собой захватили парус. Двое чукчей сели на весла, третий пристроился у руля. Когда в байдаре разместились пассажиры, она глубоко села в воду; стало очевидным, что при малейшем волнении она начнет черпать бортами. На деле так и вышло. Уже первая волна метрах в пяти от берега плеснула через борт. Чукчи переглянулись и круто повернули назад.

— Что случилось?

— Надо ждать, пока лиман утихнет, — перевел Гриша пояснения чукчей.

— А долго ли ждать придется?

— Да они говорят, что часа через три должно стать потише. Сейчас прилив, а когда начнется спад воды, тогда можно будет попробовать перебраться на тот берег. Они тогда пришлют за нами ребятишек.

Во второй раз переправа началась как будто бы удачнее. Рулевой сразу взял курс на противоположный берег. Волнение было слабее, но... надо же было этим любителям чая забыть на берегу котел! Когда выяснилась эта «беда», чукчи, не медля ни минуты, повернули обратно к берегу.

Снова байдара начала переправу. Волны подбрасывали ее, как щепку, но рулевой ловко лавировал между белыми

гребнями, гребцы нажимали на весла. Вышли на фарватер, волнение усилилось, встречный ветер, казалось, держал судно на месте. Неожиданно с моря налетел шквал, вода закипела. С берега было видно, как байдара временами скрывалась за высокими пенистыми гребнями. Чукчи опять повернули назад, наотрез отказавшись продолжать попытки перебраться через лиман.

На рассвете следующего дня пришел катер за пустыми кунгасами, которые он должен был сейчас же отвести обратно. Васильев, Первак и Григорий, примостившись на корме катера, тронулись в путь.

В Ново-Мариинске гостей не ждали. У начальника экспедиции при встрече на лице был написан сильный испуг.

— Что случилось? Откуда пришли, где остальные, как лошади? — посыпались вопросы.

Васильев подробно рассказал обо всем случившемся и просил помочь переправить лошадей, для чего требовалось не менее двух 10-тонных кунгасов. За помощью обратились в АКО, но ни в этот, ни в последующие дни АКО кунгасов не предоставляло, отговариваясь тем, что им самим нехватает пловучих средств для заброски грузов на фактории. Стало совершенно ясно, что рассчитывать на кунгасы нельзя, а следовательно нельзя доставить лошадей на зимовку в Марково. Начальник экспедиции решил продать лошадей окрисполкому, который нуждался в транспорте для вывозки угля с мыса Телеграфного.

Во второй половине сентября в этих местах наступает уже глубокая осень. Температура на берегу моря редко поднималась выше нуля. Часто разыгрывались штормы, тяжелые тучи непрерывно плыли по небу, шли дожди, грязь и слякоть затопили весь поселок. В один из таких дней АКО неожиданно сообщило, что не сегодня-завтра вверх по реке отправится караван в составе двух катеров и трех кунгасов, из которых один может быть предоставлен экспедиции.

На другой день Баклан и Первак, нагрузив 5-тонный кунгас до самого верха, спустились по речке Казачке и направились в лиман, где их подхватило течение и быстро понесло в море. На берегу раздался крик:

— Кунгас несет в море! На катере! Помогите!

Один из катеров погнался за кунгасом и подвел его к месту погрузки каравана. Ободренные неожиданной удачей, рабочие решили попытать счастья и во второй раз, чтобы

самостоятельно переправиться на рыбалку, где и взять вторую часть груза экспедиции. Разгруженный кунгас перебросили туда с попутным катером. Дождавшись отлива, Баклан и Первак оттолкнули его от берега и направили вниз по течению. На берегу в Ново-Мариинске за ними следил Васильев. Вот показалась чуть заметная точка. В бинокль было видно, как двое людей налегают на весла, пытаясь побороть течение и подвести тяжелый кунгас к берегу, что было, конечно, явно безнадежно при быстром отливном течении. Васильев поднял крик:

— Спасай кунгас! Людей уносит в море!

Вторично за кунгасом понесся катер, и вскоре вторая часть груза была доставлена к месту погрузки всего каравана судов.

Из третьего места экспедиционный груз был доставлен, примерно, таким же образом. С очередным приливом караван пошел вверх по реке.

Скучное место поселок Усть-Белая. Слабо всхолмленная тундра вплотную придвинулась к реке. Вокруг ни деревца, ни кустика. На берегу голая галька без всяких признаков какой-нибудь жизни, лишь кое-где попадается выброшенный штормом полусгнивший плавник или обглоданный чайками и временем рыбий костяк. К маленьким озеркам, разбросанным в тундре, не подойти, — их водное зеркало лежит в оправе болотистых берегов. Птицы давно улетели. Правда, иногда нивесть откуда промчится стайка уток или появится нырок из зарослей осоки. Вода не в каждом озере была пригодна для питья. Случалось так, что ведро наполнялось таким густым торфяным настоем, как будто бы в него был налит крепчайший чай.

В расстоянии километра от селения, на сухой косе, в месте соединения ее с берегом выстроились чукотские яранги. Коса представляла собой узкую галечную насыпь, метров на двести вытянувшуюся в реку. На самом ее конце расположился деревянный летник с плоской крышей, служивший летом жильем для рыбаков, а зимою — для хранения юколы. Сейчас часть рыбы оставалась еще на вешалах, образуя густую бахрому из вяленой, разрезанной на пластины кеты.

С террасы, под защитой которой приютились палатки экспедиции, низвергались потоки воды, излишки которой

тундра отдавала реке. Во избежание сырости, палатки были окопаны канавами, но это мероприятие помогало в общем мало. Непрерывный дождь сменился пургой, и вскоре тяжелый, мокрый снег толстым слоем придавил скаты палаток. Уже 13 сентября пришлось лопатой разгребать глубокие сугробы снега. 14-го ветер стих, и над тундрой занялось яркое, свежее утро. Выглянуло солнце, и начался форменный «всемирный потоп». Снег невероятно быстро таял, давая начало бесчисленным ручьям.

Как только ветер слегка подсушил тундру, отряд отправился в поход, по направлению к морене, замеченной на пути в Усть-Белую. Вскоре путь преградил огромный оползень, выдвинувшийся метров на десять в волны реки. Обвал произошел недавно, во время шторма, так как всего еще несколько дней тому назад партия беспрепятственно проходила это место. Вся масса обвала, состоявшая из глины, ила и кочкарника, продолжала медленно сползать вниз, заполняя прибрежную часть реки. Задняя стенка, от которой отделился поток плывуна и торфа, представляла собой амфитеатр, в нижней части которого выпуклым щитом матово поблескивал сплошной лед, покрытый грязными струйками талой глины. Это был так называемый «материковый лед», являющийся загадкой Севера и приводивший многих исследователей к самым разнообразным гипотезам. Лед мог сохраниться в условиях вечной мерзлоты, как часть некогда бывшего здесь мощного ледника, оставившего свой несомненный след в виде морены. Во всяком случае, ни один геолог не проходит мимо выходов материкового льда, не отметив его своим вниманием.

В поисках удобного места для производства съемки и зарисовок Скляр залез в такую кашу из глины и торфа, что безнадежно оставил в ней свой сапог. Пришлось итти к нему на выручку, после чего все оказались в глине до самых бровей.

Следующие дни опять шел дождь. Пришли катера и взяли с собой камчадалов и сезонных рабочих. На берегу остались только чукчи и работники экспедиции. Сплошные тучи опускались все ниже и ниже и плакали неисходным дождем. Наступила настоящая анадырская осень.

В первые же дни выяснилось, что местный врач напрасно запугал Скляра рассказами о тяжелых условиях жизни в Усть-Белой. В распоряжение отряда был предоставлен небольшой домик; на лучшее никогда никто и не

рассчитывал, поэтому было решено, что Скляр с Марией и рабочими останутся в Усть-Белой, а Васильев отправится в Марково, чтобы сделать астрономические определения для работ отряда Меньшикова, который должен был еще зимою пройти вверх по Анадырю в селение Еропол.

Отряду Скляра предстояло еще подняться по реке до Маркова, чтобы привезти оттуда грузы в Усть-Белую. Надо было воспользоваться тем, что еще не начались пурги и Ново-Мариинск предлагал свои услуги по доставке людей и имущества. Зимою Усть-Белая и Марково сообщаются между собой только при помощи собачьих нарт, поэтому перевозка грузов была бы очень затруднительна. 17 сентября прибыл речной караван, отправлявшийся вверх по реке. Вместе с ним был и начальник экспедиции, едущий в Марково. В Усть-Белой остались Первак и Бессарабец для оборудования помещения и заготовки на зиму дров, остальные члены отряда предполагали вернуться из Маркова с последним речным караваном судов.

Новый караван состоял из двух катеров и трех кунгасов. Первый был занят экспедиционным имуществом, поверх которого были поставлены палатки; второй кунгас вез смену административно-хозяйственного персонала и строительных рабочих для Оленсовхоза, расположенного в 18 километрах выше поселка Усть-Белая; в третьем кунгасе, под натянутым брезентом, расположились местные пассажиры, подушки, примуса и разнообразный ассортимент домашней утвари, которую припасли в дальнюю дорогу заботливые хозяйки. Из-под брезента постоянно доносились то ругань, то детский плач, то разухабистые звуки гармонии или томные аккорды гитары.

После высадки на Смежной в Оленсовхозе оказалась в сборе вся геологическая партия, кроме Первака и Бессарабца, оставшихся в Усть-Белой.

— Собирайтесь, детки, в одну клетку, — шутил начальник экспедиции.

— Завтра отправляемся чуть свет, грузитесь ночью, — объявил старшина каравана.

Дружно принялись за работу. Три тысячи штук юколы занимали так много места, что пришлось разделить ее на два кунгаса. Этот груз был не из приятных —от него сильно несло тухлой рыбой. На юколе разместили ящики, мешки,

Фото И. Скляра

Усть-Бельская школа-интернат

Фото И. Скляра

Экспедиционная база в поселке Усть-Белая

вьючные сумы и чемоданы. На одном из кунгасов прибавилось еще две палатки, в них внесли оленьи шкуры и спальные мешки. Новое жилище было готово.

— Готово, товарищ старшина!

Как гигантские фонари, выглядели освещенные изнутри палатки. Людской говор нарушал царившую тишину реки. Человек шестьдесят — работники Верхнеанадырского района, колхозники Маркова и члены экспедиции — разместились на кунгасе. С берега позвали пить чай.

— Да куда же вы денете всех?

— Всех разберем, к нам, к директору, кто куда хочет!

Со смехом и шутками поднялись по откосу берега. Напуганные неожиданным гомоном, собаки забренчали сдерживающими их цепями. Уютная комната подействовала на гостей, — на минуту все притихли. Вскоре все освоились в новой обстановке, и до самого отхода катеров из дома неслись музыка и пение.

Старшина сдержал слово, и еще до рассвета завыли сирены катеров. Распрощавшись с гостеприимными хозяевами, все разместились на кунгасах. Натянулись буксиры, и медленно, один за другим в предрассветную муть поползли остроносые суда. Навстречу поплыли горы. На песчаных, отлогих берегах с левой стороны густые заросли кедровника уступили место лиственным породам.

Короткие дни еще заметнее уменьшились. Старшины катеров спешили, чтобы до появления шуги успеть спуститься вниз. Дорога была каждая минута, так как вода падала, а заморозки крепчали. Каждый раз снимались с якоря, когда чуть только брезжил рассвет, и шли до тех пор, пока темнота не скрывала из глаз окрестностей. Тогда выбирали приглубый берег и располагались на ночевку. Обычно разводили большой костер, и все усаживались вокруг него. Изуродованные стволы кедровника, словно змеи, стлались по земле, переплетаясь между собой и образуя труднопроходимые заросли. Сухие стволы ярко горели в костре, давая много тепла. Смолистый черный дым то высоко уходил вверх, то под влиянием ветра распластывался по земле. Люди до глубокой ночи просиживали у огня, делясь впечатлениями, вспоминая «материк», дом, знакомых и родных.

С зарей просыпался старшина.

— Матро-о-осы! — несется его хриплый крик над розово-черной поверхностью воды.

— На кун-га-са-х!.. Матро-о-сы!.. Якоря поднимай!

Снова гремят цепи, долго запускаются моторы. День начинается.

В палатке начальника экспедиции уже несколько дней решается участь геологического отряда. Лошади были проданы АКО. Надежды Скляра, мечтавшего пересечь Пекульней, не сбылись. Собак было мало; пока что экспедиция имела одну только упряжку. Нынешний улов рыбы был настолько плох, что каждая юкола, служившая основным продуктом питания для собак, была взята на учет. Единственным возможным транспортным средством оставались олени. Но когда Скляр и Васильев начинали говорить о том, что необходимо создать для экспедиции олений транспорт, местные работники улыбались с таким видом, что сразу пропадала всякая охота говорить на эту тему. Один старожил, между прочим, рассказывал, что когда формировался Оленсовхоз, чукчи и слушать не хотели о продаже оленей живьем. На мясо — пожалуйста, да и то без головы, живого же оленя и его череп, по чукотскому поверью, продавать ни в коем случае нельзя. Нечего и говорить о покупке живого прягового быка: чукчи вовсе засмеют того, кто сделает такое предложение. В Усть-Бельском районе есть богатый собственник Тынан-Пилау — хитрый мужик, типичный местный кулацкий заправила. Увидев, что русские серьезно ставят вопрос об организации Оленсовхоза, Тынан-Пилау собрал всех, кто побогаче, о чем-то долго с ними совещался и наконец заявил:

— Продаю вам, мильгитане (русские), 400 оленей. Разводите свое собственное хозяйство. Будете хорошо хозяйничать — через пять лет богаче меня будете!

Отобрал он четыреста штук самок, без единого прягового быка, плату взял сполна товарами, чуть не весь кооператив увез.

Вот при таких-то условиях и попробуйте создать свой олений транспорт!

День за днем подвигался караван вверх по реке при все усиливающихся заморозках. Скоро подошли к устью реки Майна. Выше река распадалась на ряд проток, дальше можно было продвигаться двумя путями: по главному руслу или по Луковой протоке. Лоцман убеждал выбрать второй путь: он хотя и длиннее, но зато протока была

глубока и не имела перекатов. Замечательно, что среди тысяч рукавов, проточек и островов лоцман без карты вел караван и ни разу не сбился с пути. Через несколько дней Луковая протока подошла к Гореловым горам. Днем ярко светило солнце, но тепла оно давало мало. В заводях появились первые забереги. Тонкий, прозрачный лед с каждым днем все больше и больше наползал на воду и усиливал беспокойство старшины.

— Успеем ли до шуги дойти до Маркова-то? — спрашивал он лоцмана и местных жителей.

— Однако пройдем, если перекаты пустят. Гляди, мольче, вода больно падает!

Вода действительно убывала, и если вчера у берегов она затягивалась льдом, то сегодня этот лед оказывался уже на суше.

Миновали Гореловы горы. Снова потянулись плоские, низменные, илистые берега, покрытые непроходимыми зарослями кустарника. Все чаще стал попадаться тальник. На каждой ночевке видели следы медведя, но сами звери не показывались, так как их, повидимому, пугал шум моторов и они уходили в непролазные заросли. Прошли Луковую протоку и опять оказались в главном русле реки. Вокруг расстилалась та же однообразная картина: плоские берега, покрытые зарослями тальника. Ширина реки заметно увеличилась, и течение стало сильнее.

— Ну, теперь до Крепости недалеко, там разгружаться будем, а от Крепости до Маркова всего 25 километров.

Но выгружаться пришлось раньше, — вода сильно спала, и камчадалы начали поговаривать о шуге.

За 15 километров до Крепости катера пристали к берегу. Впереди был Тарауков перекат, и старшины решили сделать промер, раньше чем проходить быстрину. На экспедиционном катере, имевшем малую осадку, отправились вверх по реке на разведку. Результаты оказались неутешительными, так как на перекате глубины были не больше 4½ футов, а один из катеров каравана имел осадку 5 футов. Разгорелись споры. Грузоотправители настаивали, чтобы старшины попытались пройти перекат, а те отказывались. Один катер безусловно мог пройти, но его старшина не соглашался итти в одиночестве, опасаясь, что вода еще больше спадет и ему с командой придется зазимовать в Маркове. Обе стороны настойчиво спорили, но ни к чему не пришли. Пришлось выгружаться.

На пустынном берегу появились палатки, задымили печи и костры. Один за другим выросли штабели кулей, ящиков и бочек. Неразгруженными оставили два небольших кунгаса — колхозников-камчадалов и экспедиционный. У работников отряда собралось экстренное совещание. Создавшаяся обстановка заставляла крепко задуматься. До Крепости оставалось 15 километров, от нее до Маркова еще 25. Часть грузов экспедиции находилась в Крепости, часть в Маркове. Для того чтобы добраться туда, отгрузить необходимое и возвратиться к Тараукову перекату, нужно было не менее двух суток. Начальник пошел сговариваться со старшинами.

— Ждать будете?

— Нет, конечно!

— Но ведь ждать-то нужно!

— Вам нужно, а нам нет!

Часа через два охрипший от спора старшина заявил:

— Буду ждать ровно 36 часов и ни минуты больше. Идите за своими монатками.

Вдруг последовало новое заявление:

— Однако ждать буду не более суток!

— ??

— Очень даже просто! Зачем мне из-за вас катера гробить? Если вы тут застрянете, мне ничего не будет, а если я не успею катера в Ново-Мариинск доставить или где-нибудь их в затоне брошу, — под судом буду.

Пока начальник спорил со старшиной, Скляр, Васильев и Мария уже ушли за грузами в Крепость. У них был составлен список, что нужно было отобрать со складов. С ними вышли двое марковцев для мобилизации пловучих средств под кооперативные грузы.

Над головой давно уже замелькали звезды, а Крепости все нет как нет.

— Далеко еще, ребята?

— Однако близко! — дружно откликнулись марковцы.

Ночь. Из-за леса вышла луна, кругом легли резкие тени. Наконец впереди замелькал огонек костра. Тишину прорезал суровый окрик:

— Стой! Кто идет?

На этот раз отряду сопутствовала удача. Старший рабочий, командированный еще с первым караваном, как раз сегодня приехал в Крепость, чтобы проверить состояние находившихся здесь грузов. С ним были два марковца.

Снова пришлось обсуждать план дальнейших действий. Двигаться сейчас дальше было нельзя, — луна ушла за облака, и наступила кромешная тьма. Нужно было ждать рассвета; следовательно, до Маркова, где можно мобилизовать пловсредства, не дойти раньше чем завтра к обеду. Сосчитали скупо отмеренные старшиной часы. К сожалению, их осталось очень мало. Закусили, забрались в спальные мешки и улеглись рядком. Славно спать под открытым небом, когда нет большого мороза! Проснулись затемно и пошли дальше, то прыгая через заломы, встречающиеся на каждом шагу, то бредя по колено в воде. К полудню из-за поворота реки неожиданно показались два карбаса.

— Стой! Куда карбасы уводите, да еще порожние?..

— Сзади еще люди едут, с ними байте.

В самом деле, еще несколько карбасов выплыло навстречу. Все планы неожиданно пошли насмарку: раз с карбасами не было экспедиционного катера, то, повидимому, он был неисправен, что совершенно исключало возможность сплавить груз к Тараукову перекату. Скляр решительным тоном предложил карбасам пристать к берегу. Еще целый час драгоценного времени ушел на переговоры. Наконец два карбаса повернули обратно.

В Марково пришли поздно ночью. Попали как в заколдованное царство, такая была глушь повсюду. Густой тонкоствольный лес плотной стеной окружил село. Сухая трава была выше человеческого роста. Сельские амбары стояли на сваях, как избушки на курьих ножках. Такая постройка защищала их от наводнений, зверя и собак. В настоящий момент берег крутым 20-метровым обрывом поднимался над рекой. Как-то не верилось, что весной вода поднимается так высоко, что заливает селение.

В темноте трудно было составить впечатление о размерах села. Во мраке мелькали только отдельные тусклые огоньки.

Люди отряда первым долгом разыскали моториста экспедиции.

— А ну-ка, парень, заводи кавасаки.

— Нету, товарищ Скляр! И «Пильтун» не в порядке, да и машина разобрана.

Всю ночь возились на складе с грузом экспедиции, упаковывая, отбирая и записывая нужные вещи. На рассвете у всех были лица серые от холода и бессонницы, но зато все остались очень довольны: успели собраться, и карбасы пришли как раз во-время. В один миг нагрузили суда и отпра-

вились вниз по течению. Васильев остался на берегу — зимовать в Маркове, чтобы обеспечить астрономическими пунктами съемку Меньшикова.

— До свидания, Гаврилыч!

— Нажимайте, ребята! — несется в ответ.

Время летит, а карбасы ползут. У отряда имеются и моторная лодка и кавасаки, а все же пришлось пользоваться только веслами и течением. В Крепости добрали недостающее снаряжение, на что ушло еще полчаса. Вдруг из-за поворота реки показывается быстро мчащийся «Пильтун».

— Иван Андреевич! Машина подана! — радостно кричит с лодки моторист Карпенко. — Грузи, товарищ Скляр, быстрее!

Когда успел неунывающий Карпенко собрать мотор — осталось его секретом. Через мгновение пошли вниз по течению со всей скоростью, на которую был способен «Пильтун» с двумя карбасами на буксире. Часов в пять вечера навстречу попался груженый карбас. С него что-то кричали. Карпенко на минуту заглушил мотор.

— Убезали, мольче, катера.

Часом позже суда остановились около покинутого накануне лагеря. Начальник экспедиции встретил прибывших с чрезвычайно смущенным видом.

— Это все летчики, плывшие из Маркова. Вынули свои мандаты, припугнули старшин, и те, отказавшись ждать, ушли с катерами в Ново-Мариинск!

Снова пришлось совещаться, — не оставаться же всем на Тарауковом перекате! Надо как-нибудь одним добираться до Маркова, другим — до Усть-Белой.

Для партии Скляра оставили большой пятитонный кунгас, так как спуститься вниз по течению в Усть-Белую можно было на веслах и под парусом. На кунгас погрузили часть припасов и снаряжения и отправили на нем Скляра и Марию.

Остальные тем временем энергично взялись за разгрузку застрявших на перекате грузов. Из Маркова сюда выехало все мужское население. Сверху появился кавасаки, тащивший на буксире длинную вереницу карбасов. Со дня на день должна была пойти шуга, и, чтобы не заморозить грузов, в дело пошло все, что можно было использовать для их переброски.

По окончании погрузки отряд Меньшикова отправился пешком в Марково, где его поджидал Васильев.

Это селение расположилось в центре буйной травяной растительности, обрамленной зарослями душистого тополя и ивы-кореянки. Поселок насчитывал около 30 дворов, среди которых выделялись большое здание школы, больницы и три-четыре дома бывших купцов и посредников: Брагиных, Алина, Соболькова и Косыгина.

Экспедиция принялась за ремонт дома, печей и складов для предстоящей зимовки. На карбасах по реке подтягивали грузы из Крепости и с летников. Вода настолько спала, что кавасаки смог пройти только до Крепости, где он и стал на зимовку. Через несколько дней по реке уже плыла ледяная каша. Лодки обмерзали, и навигация, таким образом, прекратилась. Скоро река окончательно стала. Температура воздуха упала ниже нуля. Короткая анадырская осень закончилась.

ГЛАВА IV

Недели две не было никакого сообщения с Крепостью, где остались главные грузы экспедиции и кооператива. На реке местами оставались еще полыньи, быстрины не успели покрыться льдом. В Маркове насчитывалось 34 упряжки собак, но почти одна треть из них была непригодна для грузопереброс ок. Улов рыбы был плохой, и уже с осени было видно, что для собак корма может хватить едва ли до марта: камчадалы отпустили часть собак, предоставив им самим добывать себе пропитание. Голодные своры бродили по поселку, грызлись между собою и тащили все, что было можно. Скоро на улице нельзя было оставить нарту, так как голодные собаки съедали ремни и большую часть груза, находившегося в санях. Скрюченные голодом в дугу, озлобленные псы при кормежке ездовых собак, несмотря на окрики и побои каюров, лезли в корыто, выхватывая из него варево из муки и рыбы. Юколу, ради экономии, не давали даже ездовым собакам. Перед торговыми организациями и руководством экспедиции стал вопрос о транспорте, так как корма не было, а работы для собак было много.

Приходилось срочно начинать подготовку к первому районному съезду советов, перебросить грузы за 120 километров вверх по Анадырю на ярмарку в Еропол и, наконец, доставить много снаряжения из Крепости в Марково. Оставшиеся упряжки едва могли справиться с этими задачами только при условии достаточного наличия корма. Ближайшей продовольственной базой был Ново-Мариинск, но пока собаки дойдут туда и возвратятся обратно, они съедят все, что смогут везти. Кроме того, пройдя туда и обратно 1200 километров, они, по крайней мере, на две недели выйдут из строя, и их придется усиленно подкармливать. Можно было бы пустить на корм муку, но продуктов могло

нехватить и для людей. В момент обсуждения вопроса в Марково приехали камчадалы из Пенжина, расположенного в 300 километрах к югу от Анадыря. Оказалось, что там в этом году был богатый улов рыбы, но продовольственных грузов прибыло явно недостаточно, нехватало муки и сахару. Пенжинцы предлагали товарообмен. Пришлось заключить с ними соответствующие договоры и, несмотря на темное время года, с первым снегом и в пургу послать в Пенжино собак с нартами. Здесь удалось купить еще одну упряжку, 3000 штук юколы, несколько мешков икры и нерпичьего жира.

Марковский оргкомитет пытался было передать все закупленное кооперативу, но экспедиция категорически запротестовала; тогда оргкомитет запретил камчадалам перебрасывать груз экспедиции и выезжать в кочевые районы с ее работниками. Положение экспедиции сделалось безвыходным. До Ново-Мариинска, где находились окружные организации, было 600 километров, радиосвязи ни с ними, ни, тем более, с центром не было. Непродуманное распоряжение оргкомитета угрожало срывом всей работы, а это влекло за собой потерю затраченных на экспедицию государственных денег. Никакие доводы, однако, не помогли. Оставалось ехать в округ. Камчадалы не соглашались и на эту поездку. Между прочим, оргкомитет в чем-то тормозил работу также и начальнику лесозаготовок Гриншпуну, с которым и было решено на экспедиционной упряжке собак доехать до лесозаготовок, расположенных в 150 километрах от Маркова, а оттуда уже на двух упряжках и с каюром добраться до Усть-Белой.

Это было смелое решение, так как управлять собачьей упряжкой без соответствующего навыка было делом далеко нелегким. Меньшиков первый раз в жизни взял в руки остол.

Запрягли собак, увязали нарту и толкнули ее вперед.

— Хак! Хак!

Собаки сделали рывок и опять сели. Задние из них, сторонясь нарты, которую Меньшиков усиленно подталкивал вперед, только отходили в сторону, но никак не желали двигаться прямо.

— Постой, помогу, — предложил молодой камчадал Яков Куркущский.

Он замахнулся на собак остолом и, усиленно понукая, заставил их нестройной кучей двинуться вперед. Собаки

путались в упряжке, беспрестанно оглядывались, но нарты кое-как выехали из поселка.

— Ну, счастливо! — Куркущский спрыгнул с нарты и повернул к поселку.

Собаки бежали все хуже и хуже и скоро опять сели. Дело в том, что на этой упряжке не было постоянного каюра, и собаки переходили от одного рабочего к другому. С новым человеком каждый раз повторялась одна и та же история. Собаки не слушали команды и не тянули вперед.

Еще не добрались нарты до летников, как уже со спутников пар валил столбом, — им приходилось все время толкать нарту вперед, а едва только люди садились, как в тот же момент усаживались и собаки. С отчаяния Гриншпун схватил остол и с недвусмысленными намерениями направился к собакам.

— Подожди, там сзади у меня плетка привязана, остолом-то, смотри, собак перекалечишь, — заметил Меньшиков.

Закрепив нарту, прогулялись плетью по спинам собак. Средство оказалось очень действительным, собаки пошли гораздо бодрее, но все же на первом подъеме сказалась их недружная работа. Скользя по крутому склону, нарта с половины подъема поехала вниз, и все усилия удержать ее были напрасны. От селения отъехали только 4 километра.

— Давай-ка я буду каюрить, — предложил Гриншпун, — мне раньше приходилось ездить на собаках.

Пересели и снова поехали. Поставив собак в нужном направлении и ухватившись за нарту, кое-как втянули ее на подъем. Гриншпун, усиленно понукая собак, ругался на чем свет стоит.

Нарта скользила легко, и, если бы собаки тянули хоть немножко дружнее, все было бы в порядке. Подъехали к летникам. Стая сорок поднялась на воздух. Собаки вдруг дружно рванулись вперед. Быстро замелькали деревья, нарта, прыгая по ухабам, пронеслась мимо домов, вешал и на полном ходу свернула на реку под крутой откос. Собаки точно взбесились, снежная пыль так и летела из-под нарты. Все попытки затормозить или хоть замедлить этот бешеный бег ни к чему не привели.

— Держись! — крикнул Гриншпун.

Меньшиков ухватился руками за крятку и весь сжался, готовый ко всяким неожиданностям. Нарта ухнула вниз и несколько раз перевернулась. Мягкий снег принял в свои объятия Меньшикова. Гриншпун, судорожно ухватившись за

дугу, перелетел через голову и вместе с нартой и собаками также завяз в рыхлом снегу.

— Здорово проехали!

— Да, что называется, с шиком. Давай-ка покурим.

— Кури, а я буду войдать нарту. Теперь собаки пойдут.

Немного передохнув, вытащили нарту на дорогу и опрокинули ее кверху полозьями. Намочив водой кусок шкуры оленя, вновь испеченный каюр стал быстро проводить ею по полозьям, отчего они покрылись тонким слоем льда, так что нарта начала скользить заметно легче.

Гриншпун оказался прав. Собаки потянули дружно и, постепенно ускоряя бег, быстро несли нарту вперед. На полпути к Крепости путники остановились ночевать. Развели костер, вскипятили чай и, отогрев у костра замерзший хлеб, с аппетитом поели.

До сих пор шла накатанная дорога, а дальше нужно было прокладывать путь по целине из глубокого снега. На этот случай Меньшиков и Гриншпун имели с собой две пары широких камчадальских лыж, подбитых камусом, ворсом назад.

Второе чаепитие устроили у протоки Прорва, недалеко от Крепости, в том месте, где дорога сворачивала в сторону. Встали на лыжи. Один шел впереди, протаптывая собакам путь, а второму приходилось управлять упряжкой и подталкивать нарту. Неожиданно на соседней протоке показался след от проехавшей вперед нарты. Надо было постараться во что бы то ни стало ее нагнать, так как двум упряжкам вместе будет итти несравненно легче.

Миновали волок, где нашли место покинутого недавно привала. Остатки костра еще не успели остыть. День кончался, наступили сумерки. Скоро совсем стемнело, итти стало очень трудно. Следы нарты исчезли, появилось опасение, что можно сбиться с пути.

— Давай, заночуем. Лучше завтра выедем пораньше и нагоним нарту еще на ночлеге, — предложил Меньшиков.

Свернули в лес, нарубили дров, разгребли лыжами снег и развели костер. В котелке вскипятили воду и спустили туда замороженных пельменей. Поев, залезли в кукули. Обоим не спалось. Костер медленно догорал, собаки повизгивали, укладываясь в вырытые в снегу норы. Мертвая тишина стояла кругом, холод забирался под одежду.

— Спишь?

— Нет, а что?

— И мне что-то не спится, — вздохнул Гриншпун. — Расскажи-ка что-нибудь про «материк». Я вот уже полтора года здесь, совсем оторвался от мира.

— Так ведь у тебя семья на материке, разве ты писем не получаешь?

— Как не получать! С парохода вот привезли один раз за полтора года.

— Скучно ведь без семьи?

— Скучать-то особенно некогда, но повидать детишек иной раз хочется.

— Так почему же ты семью с собой сюда не привез?

— Да куда же тут? Дома здесь, сам знаешь, какие. Сам я все время в разъездах: то в район вызовут, то на рубку, то на сплав леса едешь. Да и учиться ребятам надо.

Гриншпун рассказал, как он попал на Чукотку, и незаметно перешел на свои лесозаготовки.

Костер едва тлел. Ярче загорелись звезды, мороз крепчал.

— Ну, давай спать, — закончил рассказ Гриншпун. — Завтра рано встанем.

Забравшись с головой в кукули, оба замолчали.

Проснулись от нестерпимого холода. На небе ярко светила луна. Меньшиков достал часы, чиркнул спичку: шесть часов, пора подниматься. Сгреб в кучу угли потухшего костра, положил заготовленную стружку и дрова. Огонь быстро разгорелся. Набив снегом чайник, повесил его над костром. Собаки лежали неподвижно, внимательно следя за каждым движением человека. Поднялся Гриншпун. Позавтракав, уложили кукули на нарты, закрепили груз ремнями и, не задерживаясь, тронулись в путь. Собаки вначале бежали неохотно, но все же слушались команды.

Перед самым рассветом они прибавили ходу и, навострив уши, начали оглядываться по сторонам. Вот вперед рванулся передовик и перешел на крупную рысь. Вся упряжка подтянулась, нарта быстро покатилась. Придерживая ее левой рукой и тормозя остолом, выехали за крутой поворот. Собаки снова рванулись, но глубокий снег и остол быстро их осадили. Впереди показался дымок, потом костер и наконец человек, успокаивающий своих собак.

Гриншпун узнал его.

— Здравствуй, Антон! Ты куда это собрался?

— Да я, когда отвозил тебя в Марково, капканы поставил у Чукчей протоки и у Майна. Теперь смотреть еду. Там выдра ходит.

— Значит, на Майн теперь с нами поедешь?

— До Алгана с вами, а потом на Вакерную сверну.

— Ну, вот и ладно, вместе, значит.

— Чаевать будете?

— Налей по кружечке.

Выпили чаю, поговорили, покурили.

— Давайте мне кукули и мешок, у меня нарта пустая.

Антон поехал впереди. Собак не приходилось понукать. Они тянули во всю, ни на шаг не отставая от нарты нового спутника.

Заночевали у «Сыпучей Едомы», на реке Майне. Отвесные скалы трескались от мороза, и камни с шумом осыпались вниз. Появилась лиственица.

Скоро отдельные корявые деревья сменились густыми зарослями в пойме реки. Она была судоходна и удобна для сплава, но строевой лес рос отдельными кучками на большом расстоянии друг от друга и для эксплоатации был пока не выгоден. Лучшие участки были в среднем течении реки, где по долинам проток их разрабатывало АКО. Раньше лесозаготовки велись на самом Майне, теперь же лес рубили недалеко по реке Алгану, куда сейчас и ехал Гриншпун.

Ночь провели в изодранной палатке, поставленной здесь вместо поварни лесозаготовщиками. На следующий день приехали в устье Алгана. Сильный ветер с гор сдул на реке весь снег, и гладкий лед блестел, как стекло. Антон свернул в Вакерное, а Меньшиков и Гриншпун продолжали свой путь вдвоем. Ветра почти не чувствовалось, и только понизу тянуло мелкую снежную пыль. Едва, однако, путники выехали на реку, как сильный шквал подхватил нарту и поставил ее боком к собакам. На гладком льду собаки беспрестанно падали. Пришлось бежать рядом с нартой и придерживать ее, чтобы она не путала собак.

Наконец выехали на волок в густой лес.

— Ну, теперь скоро и лесозаготовки.

Нарта пошла по хорошо накатанной дороге. Ветра как не бывало. Хлопья снега причудливыми гроздьями висели на ветках, и, когда нарта задевала за дерево, снежный каскад в мгновение ока окутывал нарту, скрывая собак и лес. На пути то и дело попадались узкие, как просеки, протоки. Нарта стремительно летела вниз, собаки бежали вскачь через потоку и дружно выносили на противоположный берег. Вот дорога вышла на реку, поднялась на крутой берег, на откосе которого дымилась труба небольшой постройки.

— Удачно приехали. Видишь, баня топится, — обрадовался Гриншпун.

Собаки одним духом поднесли нарту к домам.

— А-а! Хозяин приехал! Здравствуй! — приветствовали Гриншпуна рабочие.

Из открытых дверей барака валил столбом теплый воздух. Путники привязали собак, бросили им по рыбе и вошли в помещение.

Вдоль стен с двух сторон стояли деревянные топчаны. Посреди виднелся длинный стол со скамейками. С потолка светила керосиновая лампа. За столом сидели десять рабочих перед двумя большими чайниками, кружками, горкой хлеба и консервными банками.

— Садитесь чаевать. С дороги-то оно куда как хорошо, — пригласил один из рабочих.

Гриншпун уже слушал доклад бригадиров и своего заместителя, тут же отвечая на вопросы.

— Придется дневать. Завтра выехать не удастся, — сообщил он вечером. — Положение-то хуже, чем я думал. Продовольствия мало. Мука на исходе, совсем нет сахара. Завтра надо с рабочими потолковать, как бы им голодать не пришлось.

— Что же, ладно, завтра днюем, а послезавтра с утра надо обязательно выехать.

Лес рубили на двух делянках, и одна партия рабочих ночевала в майнских бараках. На другой день Гриншпун уехал вместе с ними. Меньшиков остался в конторе.

В бараке непрерывно топили печи, сделанные из разрезанных пополам железных бочек из-под керосина. В помещении было тепло, но когда открывали дверь, белый клуб пара врывался в барак, и сразу же начинал чувствоваться холод.

На лесосеки рубщики пробирались на делянки по тропам и, утоптав снег вокруг дерева, валили его топорами. Труднее было вытащить бревно на берег реки, чтобы складывать в штабели, которые один за другим вырастали вдоль реки. Строевой лес укладывали отдельно от тонкого и крепежного. На реке лес плотили, чтобы с первым весенним паводком отбуксировать его вниз. Большое количество проток в устье Майна не позволяло сплавлять лес россыпью, что значительно ускорило бы его транспортировку.

После полудня возвратился Гриншпун и поделился своими впечатлениями. В майнской группе рабочие были

недовольны временным сокращением пайка, и часть их хотела бросить работу.

В здешних рабочих Гриншпун был уверен, бóльшая часть из них объявила себя ударниками и работала по-боевому. Настроение у всех было бодрое, и трудности никого не пугали.

Задолго до рассвета в бараке закипела жизнь.

Устьбельский камчадал Автоном уже уложил на нарту спальные мешки, запасную обувь, корм для собак и торопил с отъездом. Собаки вставали, потягиваясь, неохотно покидая снежные норы. По обыкновению, они оскаливали клыки и ворчали на соседнюю упряжку. Автоном подсунул остол под нарту и двинул ее вперед. Собаки взяли дружно, и нарта, поскрипывая, замелькала по дороге. Упряжка задней нарты заволновалась. Молодые так начали рваться вперед, что Меньшиков с трудом их сдерживал, ожидая, пока Автоном выедет на реку, чтобы не подбить его на спуске. Наконец тронулись и задние нарты. Собаки ринулись вниз к реке, и нарта стрелой помчалась догонять переднюю упряжку.

По старой дороге выехали на устье Алгана. Дорога была хорошо утоптана, ехать было легко. На волоках то и дело взлетали куропатки. Собаки бросались было за ними, но передовики неуклонно вели упряжку по дороге и нарта толчками подвигалась вперед. Километров через 20 остановились передохнуть и напиться чаю. Собаки жадными глазами следили за каждым куском, отправляемым в рот, беспокойно двигали ушами, но оставались лежать на месте. Их, как правило, кормили один раз в день, так как в пути кормить собак не полагается.

Скоро заросли лиственицы остались позади. На пойме и на островах деревья мельчали и сменились кустарником.

— Хак! хак! — погонял Автоном собак, поминутно вскакивая и толкая нарту вперед.

Собаки Меньшикова стали заметно отставать. Наконец Меньшиков остановил нарту, перестегнул передовых, а также поменял местами задних собак. Поехали дальше. Вспугнутые передней нартой, куропатки, как комочки снега, пронеслись над головой. Собаки рванулись вперед. Меньшиков, слегка притормаживая, чтобы не давать собакам итти вскачь, стал быстро нагонять своих спутников. Стало уже видно, как Автоном, понукая своих собак, то и дело «стрелял» остолом вперед, ловко ударяя им отстающих. На пути стали по-

падаться следы лыж охотников, ставящих в стороне от дороги капканы на лисиц и песцов. Камчадал далеко от дома пешком не пойдет. Раз появились следы, значит близко должно быть жилье.

Действительно, на противоположном берегу реки показались чуть приметные избушки. Струйки белого дыма столбом висели в неподвижном воздухе. Оглядываясь по сторонам, точно не зная, к какому дому направиться, собаки неслись между амбарами, домиками и вешалами. Путники направили упряжки в кустарник, где закрепили нарты остолом, подвязав конец потяга к замороженным в снегу кольям. Собаки жадно потянулись к нарте, но, так как кормить их было еще рано, они, поскулив, улеглись, обкусывая намерзший на лапах снег.

Грузы перенесли в избу. Выбили от снега меховую одежду и обувь и развесили ее над камельком. Во время езды холод не чувствовался, теперь же казалось, что он наполнил все внутренности, и легкий озноб заставлял поеживаться и подвигаться ближе к огню. Однако и он мало помогал, и только кружка горячего чая окончательно победила холод. Нестерпимо захотелось забраться в кукуль и уснуть.

Вечером накормили собак. К нарте привязали «сторожей», чтобы голодные бродячие псы не объели ремни и не растащили корм. В «сторожа» попал злой, серый, похожий на волка Очкан. Привязанный на длинном поводке, чтобы он мог обойти нарту кругом, «сторож» зорко смотрел по сторонам, и всякая приблизившаяся скрюченная, жалкая, голодная собака с воем катилась кубарем в сторону от его крепких клыков.

Бродячие собаки во время кормежки упряжек, проученные Очканом, уже не подходили близко и только с жадностью подхватывали отброшенные в сторону крошки юколы. Безрадостная, подлинно «собачья жизнь» является уделом северной ездовой собаки.

Выехали на рассвете и поздно вечером добрались до поварни, представляющей собою новую, просторную, бревенчатую избу, построенную специально для ночевок путешественников в дороге. Дверь поварни была завалена снегом, лишь с трудом удалось ее открыть. В избе было два окошечка, вокруг стен пристроены нары. Посередине стояла печка, сделанная из железной бочки. На стене были приколочены «Правила для каюров и пассажиров». Они были несложны:

«1. Уезжая, закрывай плотно дверь, чтобы снег не попадал в поварню.

2. Не забудь оставить запас дров и растопку.

3. Когда уезжаешь, не оставляй огня в печке».

Вот и все. Правила строго соблюдались. Двери, как было уже сказано, оказались закрыты, внутри нашелся запас дров. На подоконниках, на столе и на скамейках были вырезаны имена, фамилии и даты теми, кто в свое время пользовался гостеприимством одинокой поварни.

За ночь все тепло выдуло, но Автоном предусмотрительно подготовил растопку и сухие дрова; через минуту огонь затрещал в печке, быстро наполняя теплом маленькое помещение. Большим каюрским ножом накололи льду в чайник и котелок. Пока грелся чай, путники собрали дрова. В сенях на вбитых в стену деревянных гвоздях висела связка юколы и несколько штук свежих чиров. Автоном объяснил, что устьбельские охотники, повидимому, поехали промышлять пушнину на Луковую протоку и оставили запас корма на обратный путь. Перед отъездом залили огонь в печке и плотно закрыли дверь поварни.

Автоном решил спрямить дорогу через Волок и, минуя следующую поварню, добраться сразу до Оленсовхоза. Перед вечером выехали на реку, покрытую настолько плотными застругами снега, что даже груженая нарта не оставляла на них никаких следов. В бинокль можно было рассмотреть постройки Оленсовхоза. Собаки насторожили уши, беспокоились, поводили носами и внимательно всматривались в даль.

— Оленя чувствуют: должно быть, подкочевали чукчи, — объяснил Автоном.

Каюр оказался прав: ниже по реке стали попадаться многочисленные оленьи следы. Собаки, опустив головы, обнюхивали снег и все ускоряли свой бег. Автоном показал остолом на склон сопки, где двигались едва различимые отдельные черные точки. Вдруг передняя нарта остановилась.

— Смотри, не упусти собачек, олени близко, — предупредил Автоном.

Поехали дальше. Собаки были настолько возбуждены, что их приходилось постоянно сдерживать. Пружиня на полозьях, нарта неслась, как ветер.

Предусмотрительный каюр передал Гриншпуну толстую палку, чтобы помогать тормозить. Нарту бросало из стороны в сторону, и по напряженной фигуре Гриншпуна было видно, что ему стоило большого труда удерживаться на си-

дении. Меньшикову, который ехал один, было еще труднее сдерживать собак, и скоро его передовик поравнялся с передней нартой. Боясь, что возбужденные псы сцепятся, Меньшиков отвернул своих собак в сторону. К несчастью, в этот момент на реку выбежал отбившийся от табуна олень. Собаки взвыли и бросились к нему. Положение было критическое, — остановить нарты не было уже никакой возможности.

Олень, широко разбрасывая ноги, мчался вдоль берега, но расстояние между ним и собаками быстро сокращалось. Меньшиков решился на последнюю меру: выдернув остол, перегнулся через нарту, заснул его между копыльями и, держалась одной рукой за дугу, а другой за остол, дернулся всем туловищем в сторону и опрокинул нарту. Остол глубоко вошел в снег и тормозил без особых усилий, но нужно было ни в коем случае не выпустить дугу и не дать ему выскочить. Сделать это, волочась с боку нарты, было нелегко. Через сто-полтораста метров выбившиеся из сил собаки все же остановились. Мимо вихрем пронеслась нарта Автонома, с которой, как-то странно взмахнув руками, отлетел в сторону Гриншпун. Оказалось, что Автоном повторил маневр Меньшикова, не предупредив во-время своего спутника.

20 минут бешеной скачки почти наполовину сократили расстояние до Оленсовхоза, куда доехали еще засветло.

Здесь застали председателя окружного оргкомитета и уполномоченного ОГПУ. Представители округа быстро разрешили недоразумения и дали соответствующее распоряжение марковскому оргкомитету. На пятый день путники отправились в обратный путь со старой упряжкой Гриншпуна и вновь купленной для Меньшикова. В Марково Гриншпун и Меньшиков приехали на третий день поздно вечером.

Началась монотонная зимовочная жизнь. Длинные вечера проводили при тусклом свете лампы. В клубе готовилась постановка к празднованию дня Красной армии и Международного дня работницы. Поток грузов медленно шел из Крепости через Марково в Еропол для туземной ярмарки. В район выехали уполномоченные проводить выборы местных советов и делегатов на 1-й районный съезд, который предполагалось провести в середине марта в поселке Еропол перед туземной ярмаркой.

ГЛАВА V

Старшины катеров недаром так спешили увести караван с Тараукова переката. До шуги действительно оставались считаные дни, и отряд Скляра с трудом успел добраться до Усть-Белой. На 5-тонный кунгас, который моторист Карпенок пригнал из Крепости, поставили мачту и соорудили парус из брезента. В качестве гребцов подготовили трех марковцев, один из которых, Василий Дьячков, сделал весла из пойл.

— Ну и весла, по ним, как по сходням, ходить можно. Каково же ими грести будет? — заметили товарищи Дьячкова.

Первого октября отправились вниз по течению. Заморозки крепчали день ото дня, и белая кайма заберегов заметно разрасталась. Дул встречный ветер, парус лежал ненужной тряпкой. У гребцов на ладони появились кровавые мозоли. В первые два дня пути на время обеда причаливали к берегу, потом стали готовить пищу на ходу на примусе. Шли безостановочно от зари до зари, преодолевая бечевой крутые, отмелые излучины реки.

— Далеко ли еще, дядя Вася?

— Далеко, мольче. Вот пройдем Убиенку, там протоки начнутся. Далеко еще.

С седьмого числа грянули морозы. Дьячков не отходил от руля, весла упрямо покрывались ледяной корой, грести становилось все тяжелее. Нарядно белели одетые в иней берега. За ночь поверхностный почвенный слой тундры вспучивался от мороза, как опара. На ходу ноги проваливались, и было видно, что под слоем земли выросли ледяные стебельки до 8 сантиметров вышиной.

На девятый день встретили первое «сало», и тонкие ледяные «блины» зазвенели, как хрусталь, вдоль бортов кун-

гаса. Дьячков при виде льда хмурился. Знали и другие, что это за «блины» появились на воде.

На следующий день на ночевку остановились против устья Майна.

По карте, составленной геологом Полевым, до Белой отсюда оставалось не более 100 километров. Главная часть пути осталась позади.

Носовой якорь, как обычно, вынесли на берег и зарыли в гальку. Палатку разбили в густой чаще кедровника. Скляр и Мария остались дежурить на кунгасе, где также была сооружена палатка.

Глубокой ночью кунгас неожидано заворочался и застонал, как живой. Раздался режущий, царапающий звук, как будто кто-то зубами вцепился в его деревянные борта. Скляр и его спутница разом выскочили из палатки.

— Андреич! Да ведь это же шуга.

Там, где вчера журчала вода, в темноте угадывалось большое белое ледяное поле, которое своим краем уперлось в кунгас. Лед был настолько крепок, что при ударе о него тяжелое весло только отскакивало.

— Эгей-гей на берегу! Полундра!

Марковцы перепугались.

— На кунгасе! Тащит вас, тащит! На берег прыгай! — закричал Дьячков.

— Крепи лучше якорь! За кусты крепи, принимай другой конец! — командовал в ответ Скляр.

С реки, заглушая человеческие голоса, несся то тонкий мелодичный перезвон, как будто чья-то рука перебирала сотни хрустальных подвесок на огромной люстре, то вдруг раздавался шорох и, наконец, громкий треск. Закрепленный кунгас, зажатый между берегом и льдом, подставлял свои беззащитные бока острым зубам шуги. Скляр осветил кунгас фонарем. Широкая белая, с рванными краями рана шла вдоль его борта. Срочно пришлось напилить молодого березняка и из него сделать вокруг правого борта кунгаса скрепленный веревками частокол.

Рассвело... Выкатилось яркое, праздничное солнце. Впереди, за поворотом реки, образовался ледяной затор. Устье Майна и весь Анадырь быстро заполнились сплошной шугой. Если бы удалось перебраться с кунгаса к правому берегу реки, там можно было бы выгрузиться и пройти в Усть-Белую пешком, оставив груз на берегу до санного пути. По левому берегу итти было невозможно, — путь пре-

Фото И. Скляра

У Тарсукова переката (к Центральной магистрали)

Фото И. Скляра

Вниз по Анадырю. Шуга настигла

граждали многочисленные, еще не замерзшие речки. К сожалению, шуга не позволила сделать переправу.

Волей-неволей пришлось ожидать ледостав на месте возле палатки и груза.

Вдоль борта кунгаса намерз торосистый заберег.

Скляр внимательно осмотрел береговую гальку, в которой в изобилии встречались розовые сердолики, желтые опалы и полосатые халцедоны.

Занимаясь наблюдениями он отошел километра на три вверх по реке и, вернувшись, заявил:

— Завтра будем переправляться на тот берег.

Дьячков даже рассердился.

— Однако я дольше вашего здесь живу. Всякое видал, а чтобы в шугу по реке плыть, такого никогда не видал.

Спали тревожно. Ночью сорвало и унесло заберег, бывший защитой для кунгаса. Пока намерзал новый, пришлось дважды менять колья, так как их почти совершенно перепиливало льдом.

С рассвета Скляр снова побежал в разведку. Вернулся довольный.

— Смотрите на реку. Внизу затор прорвало, зато образовался новый выше по течению. Видите, какой редкий стал лед. Нужно сейчас же ехать. Пока прорвет верхний затор, мы успеем проскочить.

— Иван Андреевич! Как хочешь, не поеду я, — возразил Дьячков и пошел прочь от берега.

— Ну, а вы как? — обратился Скляр к остальным.

— Нам тоже жизнь дорога. Да и гляди, кунгас снова вмерз. Эво, сколько льду наворотило. Как теперь посудину на чистую воду выведешь?

Скляр молча взял лом и, подойдя к краю заберега, стал его обкалывать. Мария взяла другой лом и, пока Скляр подходил к кунгасу от края заберега, обрубала его вдоль берега. Лед не шел сплошным полем, и между отдельными льдинами оставались свободные участки воды. Введя в такое «окно» кунгас и лавируя среди льдин, можно было проплыть некоторое расстояние, пока кунгас не обледенеет. Ну, а тогда можно было уже пристать к берегу.

Через полчаса, когда благополучный исход работы Скляра стал очевиден, к кунгасу подошел и Дьячков с топором в руках.

Еще через полчаса, освободившись от ледяного плена, кунгас вышел на фарватер.

Теперь Дьячков «вошел во вкус». Он, поблескивая глазами, набивал трубку за трубкой и, обгоняя льдины, отдавал команду спокойным голосом, ловко маневрируя рулем.

Скляр стоял на носу, тараня длинным шестом тонкий лед между полями, что немало облегчало ход кунгасу.

Вдруг длинная, тягучая ругань расколола морозный воздух. Ледяной барьер перегородил реку от берега до берега. Льдины наскакивали на затор, лезли на него и ныряли вниз. Скрежет и звон неслись навстречу кунгасу.

— Митрофан, парус!..

Руки у Митрофана окаменели от весел — не слушаются. Скляр режет веревки ножом.

Дьячков круто поворачивает руль и ставит кунгас носом почти против течения, выбирая путь наискосок к берегу. Мария и Скляр по бортам отталкивают нагоняющие льдины.

Кунгас быстро сносит. Барьер становится все ближе. Назад лучше не оглядываться, — такая там образовалась каша. Очевидно, прорвался верхний затор.

Марковцы давно сбросили куртки и малахаи, пар так и валит от них, как от запыхавшихся лошадей.

Наконец выбрались из полосы фарватера, и кунгас с разгона врезался в широкий припай правого берега. Люди старались протолкнуть его как можно ближе к берегу, не желая вмораживать его в лед за полверсты от суши.

Часов в десять вечера, пошатываясь от усталости, вышли на песчаную отмель. Первым делом приступили к осмотру кунгаса. Он имел довольно жалкий вид. На обглоданных льдом боках судна белели глубокие царапины, верхняя обшивка правого борта превратилась в сплошные щепки. В общем же кунгас прекрасно выдержал испытание и был вполне годен для дальнейшей работы.

Покончив с осмотром кунгаса, сделали на берегу настил из ветвей, на котором сложили в кучу выгруженные тюки, мешки и ящики с экспедиционным грузом; сверху все тщательно укрыли брезентом и обвязали веревками. Освобожденный от груза кунгас подтащили ближе к берегу и, огородив его частоколом, занесли якоря в кусты.

Покончив с работой, улеглись спать.

Глаза раскрыли только к следующему полудню.

Ледяной затор переместился вверх по течению за мыс. Там, где вчера свободно плавал кунгас, сегодня река стала вполне по-зимнему. Озорной Иван, младший из марковцев, свободно плясал на молодом льду.

Скляр определил положение по карте. До Белой оставалось около 70 километров.

На следующее утро начали снаряжаться в путь, распределив запасные чижи (меховые чулки), спальные мешки, еду и посуду между отдельными членами отряда.

— Ну, все готово?

— Нет, еще не все!

Заботливый Дьячков решил устроить пугало для любопытных лесных обитателей, которые наверняка пожелают познакомиться с оставленным на берегу грузом. На гибкие ивовые ветки дядя Вася распялил драную камлейку (матерчатый балахон, надевающийся поверх меховой одежды для защиты ее от снега) и соорудил самое настоящее «пугало», совсем как на юге Союза делают на бахчах и в вишневых садах.

Наконец тронулись.

Дойдя до поворота реки, в последний раз обернулись назад. «Пугало» приветливо размахивало пустыми рукавами. Мачта кунгаса тонкой черточкой маячила на молочно-белом небе.

Ниже места остановки отряда на реке нигде не было видно свободной ото льда воды.

Даже не верилось, что всего три дня назад была еще осень. Сейчас, куда ни бросишь взгляд, всюду была видна хозяйская рука зимы. Ночью термометр показал —18° Ц.

На реке гулко трескался лед, отдаваясь многократным эхом вдали.

На другой день часа в три пополудни пришли на Снежную.

Директор Оленсовхоза, сутулый и приветливый, улыбаясь, сказал:

— У нас — правило: каждого гостя сперва выкупать. Вы не обижайтесь, но при нашей тесноте страшнее вши — зверя нет!

Еще через день отряд добрался наконец до Белой.

Первым встретил нас выбежавший из низенькой хатки возле школы сероглазый человек в меховой кепке.

— А, экспедиция! Привет! Мы вас уж и ждать перестали. У нас река шестого числа стала. Думали, вы теперь по санному пути приедете. Будем знакомы — Чекмарев, секретарь местного совета. Все равно работать вместе придется. Так я уже без церемоний...

— Ох, Андреич! Смотри. Катера-то тоже... того.

Как было не позлорадствовать! На берегу, подперевшись кольями, стояли бросившие нас катера. Напрасно, оказывается, спешили: стоять теперь вам, милые, до самой далекой весны!

— А летчики? Зазимовали тоже?

— Нет, успели на моторке удрать. Если зазимовали, то уж только в Ново-Мариинске.

— Гм. Жаль... Пусть бы пешечком топали... Наши где?

— Вон избушка на горке стоит. Там ваши ребята и живут. Ну, пока отдыхайте. Вечером, простите, уж приду проведать.

В маленькой хатке с крошечными оконцами кое-как разместились Первак, Бессарабец, Григорий и отставшие от каравана рабочие других партий нашей экспедиции — Баклан и Чайкин. Теперь прибавилось еще двое. Марковцы разошлись по знакомым.

Прибывшие сразу же окунулись в текущие события. Оказывается, Чайкин вез из Ново-Мариинска две бочки дельфиньего жира для собак и утопил их на одном из перекатов, когда кунгас сел на мель. Пришлось все тяжелое спустить за борт.

Чтобы добыть этот жир, в свое время было потрачено колоссальное количество слов и времени — и вот все же жир погиб.

Вечером Чекмарев сдержал свое обещание и пришел проведать.

Так началась зимовка в Усть-Белой.

С востока и запада поселок Усть-Белая был огорожен черными утесами. На юге виднелись круто обрывающиеся сопки Алганских гор. Вдоль восточного края долины протянулись зубчатые вершины Пекульнея, откуда зимой дули жестокие ветры. С запада к реке подошли синие вершины хребта Поиньян.

Кочковатая тундра раскинула свой моховой плащ по склонам сопок и разлогов, окружив людское жилье. Здесь же раскинулся пышными куртинами приземистый кедровый сланник. На песчаных островах против поселка выросли корявые рощи из тальника и красной смородины, подставляя морозам и ветрам беззащитные узловатые ветви. Зимой тут скапливалось огромное количество зайцев и куропаток, покрывавших девственный снег замысловатыми узорами следов.

Землянки и деревянные домики выстроились вдоль одной коротенькой улочки. Некоторые землянки, как бы отшатнувшись, стояли несколько в стороне, смотря в реку подслеповатыми глазами окошек. Стены строений были завалены грудой торфяных кирпичей. Крыши обычно представляли собой ивовое и тополевое корье, иногда доски, реже встречались толь и железо.

Все землянки и дома были построены по одному плану: с улицы входишь в сени, служащие одновременно и кладовой. Налево обитая оленьими шкурами дверь ведет в комнату. Стены комнаты обиты газетами и листками из книг. Здесь можно найти и страницы вездесущей «Нивы», и обрывки каких-то кровавых романов, неведомыми путями дошедших сюда с барахолок больших городов; иногда встречаются плакаты самого неожиданного содержания.

Печей здесь нет, но зато в каждой землянке и хатке стоят раскаленные американские камбузы. В самых бедных землянках вместо камбузов с их духовками и прочими удобствами занимают место российские «буржуйки». Обыкновенная русская печь была бы здесь куда как кстати — и хлеб можно в ней печь, и тепло она держит круглые сутки, а от камбуза днем идет нестерпимая жара, а под утро вода мерзнет в чайнике. Из-за таких резких температурных колебаний зимой и старых и малых одолевает злейший бронхит.

В Усть-Белой, как и вообще в округе, нередко можно услышать:

— Нет, мы не русские! Камчадалы мы... Мы с чукчами, почитай, чуть не все в родстве держимся.

Это верно. Поречане основательно забыли своих предков-казаков. Российский корень, завезенный на далекую, забытую окраину, так основательно привился на чужой земле, что через несколько поколений отказался от своей родины.

Необходимо, однако, заметить, что под одеждой, перенятой у туземцев, долгое время еще жил прежний дух русских промышленников-завоевателей. Вышли из употребления пистоли и копья, но казак научился владеть другим оружием — рублем. Делу помогли американские товары, которые проникли с побережья Чукотки по реке Анадырю до самых ее верховьев. Американцы ввозили не только медные котлы для чукчей и камбузы для поречан: большой удельный вес в их ввозе имел также и спирт. Камчадалы, потребляя этот напиток, приучили к нему чукчей и скоро начали менять спирт на пушнину: блестящие безделушки, иногда

пустую жестянку из-под керосина — на ценные лисьи, песцовые и волчьи шкуры. Постепенно камчадал превратился в посредника между чукчами и американским капиталом. Так из среды охотников, рыболовов вышли торговцы.

Царский режим, поощрявший создавшийся контакт американского и местного капитала, немало способствовал развитию в здешних местах настолько своеобразных форм эксплоатации, что и сейчас можно встретить бедняка, считающего истинным «благодетелем» только своего непосредственного притеснителя. Даже среди беднейших камчадалов, закабаленных торговцами, появились мелкие хищники, которые, с одной стороны, зависят от кулаков, а с другой, в свою очередь, не прочь запустить руку за пазуху простаку-чукче.

Докатившаяся с опозданием до берегов Тихого океана волна революции всколыхнула стоячее болото тундры и положила начало новым формам жизни, создав новых людей и новые отношения.

О революции в Анадырском крае рассказал Скляру и Марии Чекмарев.

— В 1918 году вместе с другими моряками-кронштадтцами я приехал на Дальний Восток. Людей здесь всяких много было. Беднота совершенно не разбиралась в происходящих событиях, а кто чуть побогаче, тот с торговцами имел прочную спайку. Про Февральскую революцию можно сказать, что она здесь «состоялась» просто по «распоряжению» из Петропавловска.

Пока было еще мало снега, Скляр и Мария ходили с рекогносцировкой по ближайшим горам. Рабочие были заняты заготовкой дров, для чего приходилось рубить за рекой кедрач и ставить его в «костры». Дырявые стенки экспедиционной хибарки отдавали много драгоценного тепла улице, и поэтому топить печь приходилось чуть ли не круглые сутки. Дней через 10 после прихода в Усть-Белую над тундрой закружилась пурга, когда же прояснилось, то оказалось, что равнины, как и прежде, были без снега, но зато каждый овраг, каждая долинка до краев наполнились блестящим снежным пухом. Ходить стало трудно, а проводить дальние геологические экскурсии и совсем невозможно.

Теплая одежда, вывезенная с материка, оказалась здесь мало пригодной. Полушубки делались на морозе как железные и стояли коробом, рабочие предпочитали ходить в одних только суконных куртках. Высокие сугробы не позволяли

ходить в валенках — в них в один момент набивался снег, и поэтому даже в сильные морозы пришлось ходить в сапогах. Наши фланелевые и вязаные рукавицы вызывали у камчадалов улыбки. Постоянно отмораживаемые руки распухали и невыносимо зудились в тепле.

Камчадалы были одеты совсем иначе. Вместо тяжелых валенок у них были зимние камусовые торбаза, портянки заменяли у них меховые чулки (чижи), одетые шерстью внутрь. Пыжиковые брюки и куртка без всяких застежек, сквозь которые в наших полушубках пургой наметало за пазуху целые сугробы снега, были куда удобнее нашей экспедиционной одежды.

Дни шли, и солнце почти перестало показываться над горизонтом. Поселок Усть-Белая расположен южнее Полярного круга и поэтому настоящих полярных ночей здесь не бывает, но в декабре кромешная тьма стояла над поселком до 10 часов утра. В домике экспедиции каждое утро ровно в 7 часов вставал дежурный. Первым долгом он записывал температуру наружного воздуха и давление атмосферы. Этому делу были обучены все, не исключая и малограмотного Сени Бессарабца. В 8 часов проводилась общая побудка, после чего следовали уборка и завтрак, состоявший из кофе, хлеба, масла, сыра, колбасы и гордости здешних мест — кетовой икры. После завтрака каждый брался за свое дело, а его было не мало: заготовлялись дрова и вода, расчищался снег, шла работа в кладовой. Дежурный обычно возился с обедом. Мария обрабатывала летние дневники и вела ежедневную «летопись» событий. Скляр был всецело поглощен организационными заботами, добывая нарты, юколу, одежду и т. д. В иные дни он с утра до вечера бегал от одного председателя к другому.

Часов в 11 в доме открывались ставни, представлявшие собою рамы, обтянутые оленьими шкурами. В здешних местах они были абсолютно необходимы; иначе ординарные стекла окон за ночь покрывались толстым слоем льда. Надо сказать, что даже и меховые ставни не всегда спасали от мороза, и к утру, обычно, ртуть в комнатном градуснике держалась около нуля.

В хорошую погоду в 11—12 часов дня дальние вершины Пекульнея окрашивались в розовый цвет. Небо над горами казалось беспредельно прозрачным. Сам поселок в это время оставался в тени, отбрасываемой Алданскими горами. По утрам дремотная тишь на улице нарушалась визгом и хохо-

том школьников, спешивших на занятия. Как только шумливая ватага наполняла школу, в ее дворе появлялся истопник Савва. Он был мал ростом, молчалив и угрюм. Огромный, косматый малахай давил к земле его маленькое тело. Ловко, без лишних движений, колол он дрова и разводил костер, на котором в огромном котле варил «собачью едуску» — рыбу с мукой или какой-нибудь крупой. Изредка Савва выходил на берег и подолгу наблюдал за тем, что делается в реке.

Вот промчались артельные нарты ставить загородку на рыбу; у кооператива копошится Куркущский со своим помощником Алиным, приводя в порядок грузы, привезенные катерами; камчадалки, одетые в длинные кухлянки, таскают из проруби воду.

Ровно в полдень начинают выть собаки. Всегда в это время какой-нибудь «дежурный» пес подает жалобный, длинный сигнал. Ни одна европейская дворняга не в состоянии вывести таких душераздирающих трелей, как северная ездовая собака: здесь и детский плач, и самые неожиданные переходы от тонкого визга к густому рычанию...

Услышав сигнал, Савва выливает содержимое котла в деревянное корыто и размешивает варево палкой, чтобы оно скорее остыло. Концерт обрывается. Для собак наступает блаженный час — их кормят только один раз в сутки.

Без лампы в помещении можно провести часа два-три, не больше, а там уже снова надо закрывать ставни. После обеда, часов в 6 вечера, в северо-восточном углу неба часто появляется бледное северное сияние, напоминающее лучи отдаленных прожекторов. Этот слабый, дрожащий отблеск на широком экране звездного неба придает невыразимое очарование морозным долгим ночам.

Вечерами школа превращалась в хлопотливый муравейник. Первак, Бессарабец и Баклан стучали молотками, устраивая сцену и отгораживая помещение для красного уголка. Посреди будущего «зала» устанавливали объемистую железную печку; камчадалки Валя Соболькова и Сима Падерина с чукчанками Верой и Ковлей, под руководством Марии, оклеивали стены газетами, желая по возможности лучше украсить свой будущий театр.

Официальное открытие красного уголка наметили в Октябрьские дни, но кружковая работа фактически началась сразу же, как только по селу пронеслись слухи о том, что Первак поет, а Сенька, мольче, пляшет. С первых же дней

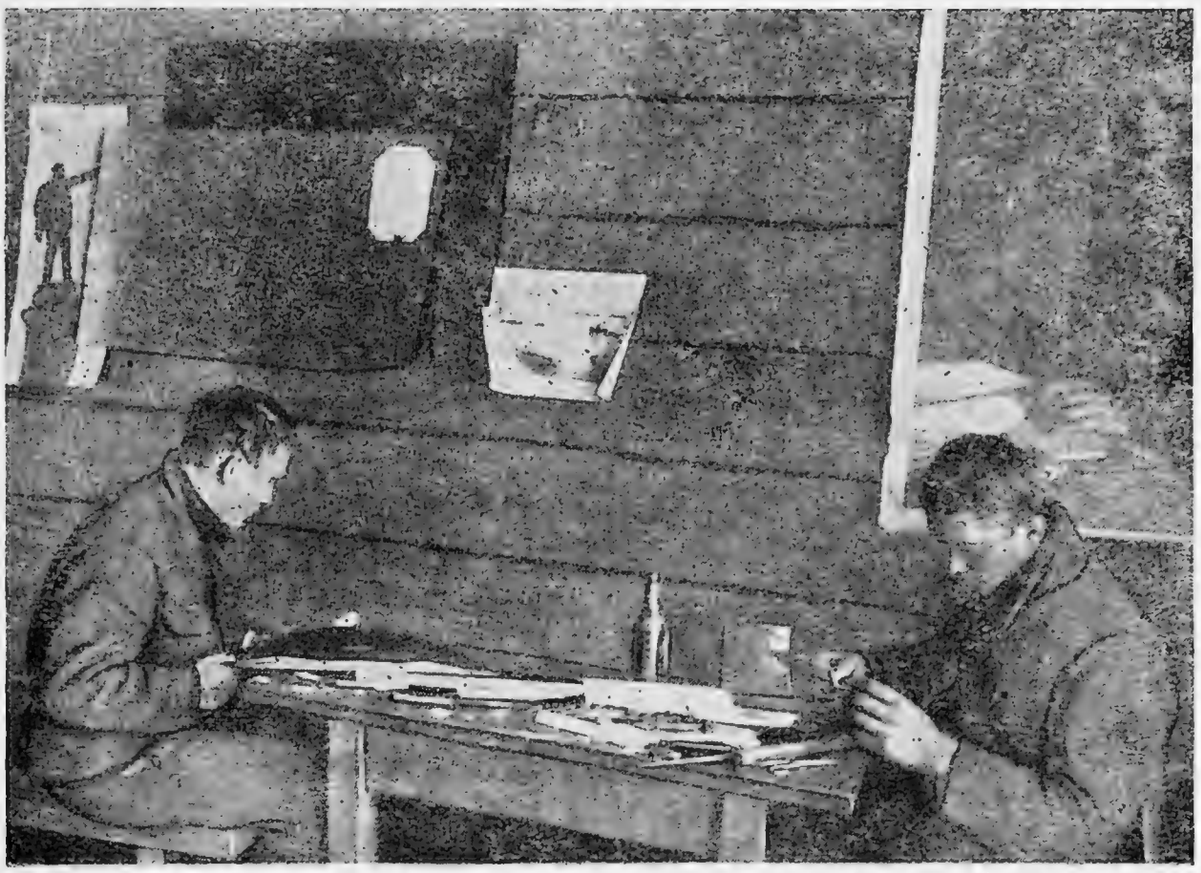

Фото И. Скляра

Первак (слева) и Баклан (справа) за оформлением стенгазеты «Голос Устьбельца»

Фото И. Скляра

Поселок Сталино. Актив Красной яранги

по вечерам в школе зазвенели гитары и балалайки, и от смеха и топота многих ног задрожали стены.

Библиотека школы представляла собою сплошное убожество. Пришлось немедленно пополнить ее небольшими запасами экспедиции и наладить связь с передвижкой совхоза. Собрался большой хоровой кружок из интернатцев, школьников и учителей. Драмкружок, в котором участвовали и Чекмарев с женой, деятельно готовил пьесу. Самым трудным делом было привлечь к работе ликбеза местных женщин. В конце концов собралась группа в 10 человек. Занятия ликбеза начинались по сигналу. По вечерам учитель Петров шел к столбу, возвышавшемуся около школы, и поднимал на блоке фонарь «летучую мышь». Слабо мигающий огонек посылал в темноту зовущие тонкие лучи. Путаясь в длинных камлейках, к школе бежали ликбезницы, пряча в широких рукавах тетради, карандаши и книги.

7 ноября неожиданно потеплело, и ртуть в градуснике поднялась с —30° до —1°. В этот день в доме экспедиции никто не успел пообедать, так как спешно заканчивалось оформление стенгазеты. Ребятишки хлопотали в школе с гирляндами из сланника. Бессарабец декорировал сцену написанными им же самим лозунгами. Первак и Куркущский готовили призы для лучших стрелков.

После стрелковых состязаний началась торжественная часть, с докладом и выдачей призов в виде нерпичьих шкурок, сахара и конфект. Вечером был спектакль.

Перед большинством жителей поселка впервые в жизни поднялся кумачевый занавес сцены. В особо «острые» моменты театрального действия слышался сдержанный шопот:

— Так его, сукина сына! Отчитывай, отчитывай его, Михайлыч!

С огромной седой бородой, загримированный Чекмарев играл неподражаемо. После спектакля пляски и пение продолжались чуть ли не до утра. Бессарабец мастерски, до седьмого поту, выбивал чечетку. Девушки водили хоровод «по-своему», под аккомпанемент пастушечьего рожка горбуньи Веры. Тщедушная, болезненная на вид девушка высоким чистым голосом, почти без передышки, «казала приказки», свободно покрывая неистовый шум и топот, царивший в школе.

Наутро Чекмарев уехал в Мухоморную, оставив в наследство отряду маленький домик, обреченный на снос, потому что он стоял слишком близко к школе и был опасен

в пожарном отношении. Скляру удалось отстоять его еще на одну зиму, и таким образом экспедиция получила в безраздельное пользование целых три комнаты.

Отряд энергично принялся за устройство нового жилья. Прежде всего пришлось выморозить клопов и сложить печку. Первак починил в одной из комнат ветхий камбуз и заново оклеил стены самодельными обоями. Перед переселением в новое жилье отправили в Марково тамошних рабочих и Чайкина, дав им легкую нарту с пятью собаками для перевозки багажа. За неимением большего количества собак, люди должны были совершить переход пешком.

ГЛАВА VI

За рекой Мухоморной, в устье которой Чекмарев основал поселок Сталино, есть другая река — Ванакуа, которую русские называют «Серная река». Почти все местные жители знают, что на этой реке есть источники, в которых отлагается кристаллическая сера. Ее некогда искал геолог Полевой, но не нашел. Позднее какой-то инженер также пытался отыскать место, откуда чукчи добывают серу. К источникам его привел проводник, но, так как инженер ездил ранней весной, вся долина оказалась покрытой глубоким снегом и инженер вернулся ни с чем. Скляр выяснил, что к серному месторождению летом вообще попасть нельзя: чукчи в эту пору кочуют далеко в горах, следовательно, найти оленей для поездки невозможно. Реки настолько мелеют, что по ним не может пройти даже лодка. К источникам надо ехать в самом начале зимы, когда станет река и образуется хорошая дорога по льду, а в долинах еще не успеет нанести снегу.

Скляр договорился с Чекмаревым, чтобы он подыскал проводника и надежного каюра-переводчика. Попутно с осмотром серного месторождения Скляр хотел объехать возможно большее количество оленных чукчей, чтобы попытаться закупить у них оленей и нарты.

Было начало декабря. Дни стояли короткие, но ждать их увеличения было нельзя: если бы выяснилось, что чукчи не продадут пряговых быков, тогда нужно было бы успеть самим объездить диких. Для поездки необходимо было раздобыть собак, — имеющаяся в отряде упряжка все время была занята подвозом на базу экспедиции дров.

В середине декабря приехал Чекмарев и обещанный каюр-переводчик, неплохо говорящий по-русски. Он охотно соглашался на все условия и, когда договор был подписан, добавил, усмехаясь:

— Ты уж мне, Иван Андреевич, верь!.. Аймет собаку понимает. Аймет хороший каюр и для тебя все сделает.

Наедине Чекмарев сказал:

— Аймет — каюр действительно хороший, но только будь с ним построже и помни, что он на руку слабоват. Сахар свободно не держи!

Оставалось достать собак, в чем также помог Чекмарев. Наутро он собрал общее собрание села, на котором Скляр рассказал о задачах экспедиции и о значении ее работ для экономики края. Собрание постановило дать Скляру две нарты с каюрами Антропом Дьячковым и Алешей Собольковым.

На рассвете другого дня каюры подкатили к базе экспедиции. Алеша проинструктировал Скляра и Марию, как надо сидеть на нартах: спиной к собакам и так, чтобы не мешать каюру, который за дорогу много раз будет спрыгивать с нарты и снова садиться на ходу.

Скляр одел две пары брюк — меховые пыжиковые из шкуры молодого оленя, а поверх них суконные, меховую рубаху, сверх нее свитер и, наконец, поверх всего короткий пыжиковый стаканчик. Теплый малахай, шарф, рукавицы, чижи и торбаза дополнили его достаточно неуклюжий наряд. Алеша внимательно рассмотрел торбаза Скляра.

— Почему это торбаза на тебе худые?

— Что ты, Алеша! Да ведь они совсем новые.

— Однако, летние короткошерстые и на ноге вот как туго сидят. Холодно будет, поморозишь ноги!

На Марии красовалась розовая камлейка, одетая поверх пяти одежд. Из белоснежной опушки малахая чуть торчал только нос, да видны были ее черные глаза.

Каюр Антроп был одет в двойные пыжиковые брюки и ладно скроенный стаканчик. Вся его одежда была пригнана по росту. На Алеше была «оправа» из белого с желтыми пятнами пыжика; он и вовсе казался нарядным. С партией должны были ехать попутчики — охотники Падерин и Алеша.

— Хак! хак!

Свистит остол, метко выбирая ту или иную собачью спину.

— Подь! подь!

Вожак поворачивает вправо.

— Кхр, кхр... — трудно повторимый гортанный звук направляет упряжку влево.

Легкая дорога идет по следу, оставленному чекмаревской артелью.

Как только выехали из полосы тени, отбрасываемой устьбельскими сопками, стало видно, как на востоке, над пухлыми облачками загорелась алая полоса зари и тундра заиграла желтоватым отблеском во всем величии своего девственного простора. Выехали на лед реки Белой. На очередном привале термометр показал около 40 градусов, но в это же время на реке то и дело приходилось объезжать полыньи, окутанные густым туманом. Наблюдалось совершенно непривычное сочетание льда, сугробов, сорокаградусного мороза и весело журчащих струек воды. Каюры то и дело проваливались, так как обманчивая корка льда выдерживала нарту, но обламывалась под тяжестью бегущего за ней человека. Алеша постоянно вытирал торбаза снегом, чтобы они не промокли насквозь. Быстро стемнело. Каюры по очереди шли впереди нарт, чтобы «беречь» дорогу, т. е. придерживаться колеи, оставленной чекмаревской артелью. Непонятно, как им удавалось в темноте, а иногда и на совершенно гладком льду так хорошо ориентироваться.

— Хлестко едем! — радовался Алеша.

— У Чуванской поварни ночевать будем, верно там и Чекмарева нагоним.

Усталость давала себя знать. Во всех суставах ныла какая-то тупая боль. Одолевала дремота, глаза упрямо не хотели открываться. Нельзя было сохранить никакого представления о направлении пути. Нарты то выпрямляют путь по гладкому льду, то прыгают по кочкам стариц и проток.

Вдруг громкий лай прогнал дремоту. Из Чуванской поварни подавали сигнал артельные упряжки. Предвкушая горячий ужин и сон, путники живо полезли в маленькую дверь.

Под потолком поварни на шестах сушилась обувь, издавая удушливый запах. Десять человек блаженствовали вокруг накаленной до-красна железной печки. Среди сидящих одних только Иванов оказалось восемь человек. Скляр был девятым. Всего с вновь прибывшими в поварню собралось 14 душ, которым и пришлось разместиться бок-о-бок на площади в 8 кв. метров. Поварня представляла собой яму, стены которой были обложены плахами. Потолок имел форму крышки гроба. В поварне встретили Чекмарева и директора Оленсовхоза Друри. Последний был бос и раздет до пояса.

— Я уж не извиняюсь... привыкайте...

— Экспедиция! Ну, значит, пельмени на мази, — подает голос Чекмарев из дальнего угла.

Чукча Иван Кумча из Мухоморьенской артели занялся стрижкой своих пыжиковых брюк.

— Кумча, зачем это?

— Жарко.

Скляр и Мария знали Кумчу по Белой. Это был добродушный и тихий человек, но ночью он оказался крайне беспокойным соседом. Он то задыхался от кашля, то вдруг начинал петь во сне диким голосом чукотские песни.

Кто бы мог подумать, что в этой северной пустыне мог вырасти такой внушительный лес! Могучие тополя, метров на 15, выбросили над землей раскидистые ветви. Под их защитой разросся молодой подрост. Белыми цветами инея расцвели заросли ольховника, окутанные ожерельями заячьих и куропаточьих следов. В гостеприимной чаще леса приютились крытые горбылями кладовушки, поставленные на полутораметровые столбы. Между ними, зарывшись в снег по самые карнизы, раскинулись землянки. В стороне стояла по-русски срубленная изба, занятая местным советом и одновременно служащая жильем Чекмареву. Над гребешком крыши красовался алый флаг. Эти землянки и дом с флагом и представляли собой новый поселок Сталино.

Каюры затормозили. Приветствия утонули в собачьем гомоне. Дверь заскрипела на петлях, и в клубах морозного пара в дом ввалились заиндевевшие люди. Накаленный камбуз дышал жаром и многообещающим запахом оленины. Никогда не снимающийся с плиты огромный чайник бурно кипел, роняя шипящие капли.

Напротив двери, между маленькими окнами, стоял стол. Налево за занавеской виднелась кровать. Пара табуреток и полка с книгами дополняли обстановку жилища Чекмарева.

Алеша Собольков и Антроп подрядились доставить отряд только до поселка Сталино. Здесь, по договору с Чекмаревым, Аймет должен был со своей упряжкой собак перейти полностью на службу в экспедицию.

Вторым каюром сделался Кумча. Оставалось найти знающего проводника, но сколько Скляр ни ездил от одного стойбища к другому, в проводники никто итти не хотел. Надо сказать, что Скляра чукчи встречали хорошо и обещали

Фото И. Скляра

Поселок Сталино. Слева — дом совета, справа — Красная яранга

Фото И. Скляра

Типы хозяйственных построек в поселке Сталино

даже продать ему оленей на ярмарке, но в нужном человеке почему-то категорически отказывали.

Ильпинэ, потеряв мужа, не растерялась, а крепко взялась за хозяйство и, поприжав пастухов своего стойбища, вырастила прекрасное стадо оленей.

Скляр и Мария подъехали к ее яранге. Ильпинэ встретила гостей неприветливо, но они все же вошли в полог и, не дожидаясь приглашения, зажгли свою свечу. Аймет и Кумча накормили собак и пошли пить чай к пастухам Ильпинэ.

Хозяйка сердится... Залезла в полог, угощает чаем так, как будто бы отраву в кружки льет. Скляру предстояло уговорить старуху продать ему нескольких оленей, причем он знал, что если бы она ему в этом отказала, то ни один пастух из ее стойбища не посмел бы продать ему ни одной штуки. Мария угостила Ильпинэ сахаром и галетами. Хозяйка как будто бы сменила гнев на милость, заулыбалась и послала за Айметом. Скляр решил, что хозяйка будет говорить о деле, но Ильпинэ все только показывала пальцем на Марию.

— Чего она хочет?

— Застежки ей больно нравятся, что у Марии Тихоновны на рубахе, — отвечает Аймет.

По зеленому борту юнгштурмовки Марии поблескивали медные пуговицы.

— Отдай их ей, Мария! Пусть себе наряжается.

Ильпинэ берет острый нож и аккуратно, по одной обрезает все пуговицы.

Тут Скляр заговорил об оленях.

— А зачем они вам?

Долго через переводчика объяснял Скляр цель своей поездки. Говорил он о том, как оторван этот край от «материка», где производятся товары, необходимые в чукотском быту, о том, что экспедиция пришла изучать край, чтобы следом за ней могли притти другие люди и наладить плохо организованное чукотское хозяйство. Скляром не были забыты и богатства горных ущелий, лежащих втуне, он говорил и о том, как нужны эти богатства на сырье для тех самых предметов, в которых так нуждаются чукчи. Много и долго говорил Скляр. Аймет переводил фразу за фразой. Ильпинэ слушала, изредка кивая головой. Наконец Скляр кончил, думая просить продать не меньше десяти быков. Ильпинэ выслушала просьбу и буркнула:

— Цамам! (отказ в резкой форме).

— Иам цамам (почему нет)?

— Мильгитане в тундру придут, чукчам ночевать негде будет. Не дам вам быков, у меня нет лишних!

Сколько ни уламывали старуху, так из этого ничего и не вышло.

К этому времени полог до отказа наполнился обитателями стойбища.

— А кто из вас знает, где тут сера находится?

Почти все утвердительно закивали головами.

— Ну, а кто нас туда проводит?

В ответ — мертвое, смущенное молчание.

— Хозяйка им заказала не ехать с нами, — говорит Аймет.

Вдруг заговорила сама Ильпинэ.

— Есть поблизости чуванец один, его зовут Епичава. Своего стада у него нет, всего 12 быков, делать ему нечего, он только от одного соседа к другому в гости ездит. Вот он вас пожалуй и проводит.

— А где его найти?

— Чумча (близко)! В Котыргино.

Наутро поехали в Котыргино, до которого было километров 12. Епичава, оказывается, уже знал, чего от него хотят, и быстро договорился о цене. Он запряг в легкие санки всего только трех собак и, вместо того чтобы, как полагается проводнику ехать впереди, только показывал Аймету направление, а сам ехал сзади по готовому следу.

Декабрьские дни коротки. До источника думали за два дня добраться, а вот уже третий раз стали на ночевку, но Епичава все говорит, что до Ванапуна далеко.

Продуктов и собачьего корма осталось в обрез. Надо было спешить. Выезжали затемно, по очереди прокладывая дорогу в глубоком снегу. В середине четвертого дня дали затуманились и в воздухе закружились «белые мухи». Стало трудно вести съемку. Аймет забеспокоился.

— Иван Андреевич! Сдается что-то мне, что проводник этот с дороги сбился. Я его спрашиваю — скоро ли доедем, а он говорит, что и сам не знает. Давно, мол, в этих местах не бывал.

Епичава вдруг остановился. Долго смотрел по сторонам и, наконец, хитро улыбаясь, заявил:

— Позабыл я дорогу! Думаю, лучше надо домой скорее повернуть. Смотри, пурга идет.

Непогода пришла с воем и свистом. Это была та пурга, о которой так часто приходилось читать в книгах о севере.

В придавленной снегом палатке шумел примус. Густая изморозь покрыла изнутри холодный брезент и при каждом неловком движении за ворот сыпались колючие холодные иглы. Епичава безмятежно пьет чай с крошечным кусочком сахара. Продуктов почти не осталось. Горсть риса, щепотка соли, банка консервов — вот и все. Епичава обещал обернуться в четыре дня, но вот уже прошло шесть и неизвестно, сколько еще времени продлится пурга. Собачьего корма осталось только на один день.

Только через неделю измученные вконец путники смогли добраться до хаты Чекмарева, где, отдохнув, восстановили свои силы, после чего выехали на базу экспедиции в Усть-Белую.

При дыхании был слышен как бы легкий треск. Это значило, что мороз перевалил за —55 градусов. Лютый холод забирался в спальный мешок. Даже привычные к таким температурам камчадалы, обычно выкапывавшие себе на ночь в снегу нечто вроде берлоги, то и дело вылезали к костру. Белоснежная опушка малахая Марии совсем почернела. Она чуть не с головой лезет в огонь, так что не только малахай, но и брови и ресницы опалила.

А река попрежнему шумит на перекатах, и каюры то и дело проваливаются в воду. Ванну пришлось принять и пассажирам, так как в летних торбазах при таком морозе усидеть на нарте было мудрено, а как только они спрыгивали на лед, — то и дело попадали в воду.

В глухую ночь подъехали к Усть-Белой и только по собачьим голосам разыскали в сугробах снега поселок.

Наступила пора готовиться к весенним маршрутам. Ни один из геологических отрядов до сих пор не был обеспечен перевозочными средствами. Предсказания местных работников пока что оправдались, и пряговых оленей приобрести не удалось ни марковскому, ни устьбельскому отрядам.

Все надежды возлагались теперь на местные съезды, созыв которых намечался на март. В Усть-Белой должен был состояться съезд Нижнеанадырского, а в Ерополе — Верхнеанадырского районов. Судьба экспедиции целиком зависела от решения съездов, которым предстояло ознакомиться с задачами отрядов. Местному населению нужно было разъяснить, что необходимо положить конец зависимости бед-

няков, чукчей и ламутов от своих богатых соплеменников. Необходимо было доказать, что богачи-кулаки, враждебно относившиеся к проникновению мильгитян в кай, где они до сих пор были полными хозяевами, наносят тем самым непоправимый вред беднейшему населению края. После этого можно было говорить с бедняками о помощи экспедиции.

Вернувшись из своей неудачной поездки к серным источникам, Скляр и Мария застали в Усть-Белой представителей анадырских властей, приехавших проводить предвыборную кампанию.

Выписка из протокола № 4 от 27 января 1932 г. заседания геологической партии Анадырско-чукотской экспедиции Всесоюзного Арктического института, совместно с дирекцией Оленсовхоза.

Присутствовали: Скляр, Кирюшина, Первак; от Оленсовхоза: директор Друри, зам. директора Гусев, агент по закупке оленей — Приведенцев, учитель Петров и окружной инструктор Оленсовхоза — Куриленко.

Повестка дня: Информация тов. Скляра о плане работ на предстоящий весенне-летний сезон и обсуждение вопросов о транспорте.

Прения:

1. Друри считает организацию оленьего транспорта в экспедиции невозможной, исходя из следующих соображений: русские не умеют обучать диких оленей и следовательно придется обратиться к помощи чукчей, которым требуется для обучения оленя срок от одного года до двух лет. До момента выхода партии в поход осталось только два месяца, следовательно вопрос о подготовке оленей к упряжке сам собою отпадает. В Оленсовхозе на 1 января 1932 г. насчитывается всего 59 быков, причем в это количество входят пряговые быки, принадлежащие пастухам, и молодняк, негодный для объезда. Кроме того, в течение двух месяцев совершенно невозможно закупить или сделать самим десять нарт, а экспедиции их нужно не менее двадцати.

2. Куриленко заявляет, что Оленсовхоз находится на хозрасчете и не может, во вред себе, делиться тем немногим, чем он располагает в настоящий момент.

3. Гусев напоминает о значении экспедиции для края и о том, что совхоз не может и не должен считать себя сво-

бодным от каких бы то ни было обязательств по отношению к такому крупному, всесоюзного значения, делу. В случае срыва работ партии из-за отсутствия транспорта, ответственность ложится не только на экспедицию, но и в первую очередь на Оленсовхоз, как на единственную организацию края, которая конкретно может помочь экспедиции в этом вопросе.

4. Петров считает единственным выходом из создавшегося положения увязать маршрут партии с путями кочевок кавралян, которые приходят на сельскую мартовскую ярмарку, а затем спешат обратно в табуны к периоду отела. Кавраляне очень подвижны и путь от Усть-Белой до Колючинской Губы проходят в три недели.

Этот протокол точно отобразил общее положение экспедиции и отношение к ней со стороны местных работников.

Наступала весна, а отряд не имел ни одной нарты и ни одной полной упряжки собак. Ждать больше было нельзя ни одного дня. Воспользоваться помощью кавралян не представлялось возможным, так как отряд не мог выехать раньше конца марта, ибо теплая одежда для его состава не была еще готова, и пошивка ее могла быть закончена лишь после подвоза рухляди на мартовскую ярмарку.

Кавраляне здесь обычно не задерживаются более трехчетырех дней и вряд ли согласятся поджидать отряд. Кроме того, пути кочевок кавралян были совсем иные, нежели намеченные отрядом маршруты. По плану экспедиции за время от первых чисел апреля и до половины августа партия должна была пройти от поселка Сталино к верховьям Канчалана по южным склонам хребта. Без своих оленей отряд обойтись никак не мог. Скляр решил довериться чукчам, обещавшим ему, в свое время, продать пряговых быков на ярмарке и таким образом создать транспортное ядро голов в пятнадцать. Если бы сверх того удалось приучить хотя бы десяток диких быков, партия имела бы уже половину необходимого ей количества оленей. С этим можно было бы начать работу.

Несмотря на категорическое утверждение Друри о бессмысленности обучения диких оленей своими силами, Скляр решил приступить к этой работе. Партийная часть Оленсовхоза деятельно помогала этому первому в истории края начинанию, предоставив в распоряжение экспедиции пастуха-инструктора и 12 диких быков.

Первак и Семен работали на складе, развешивая и отбирая продукты и снаряжение для предстоящего маршрута. Рабочим, назначенным для обучения диких оленей, достали пыжиков на две кухлянки и торбаза.

В половине января солнце в первый раз осветило противоположный берег реки, а в конце месяца в полдень яркий луч ударил в окна экспедиционного домика. Не дождавшись сменной обуви, рабочие и Скляр уехали в табун. Температура воздуха упорно держалась около —48 —50 градусов.

Аймет повез в Марково Баклана. В Усть-Белую они возвратились вместе с начальником экспедиции.

— А, дружище! Здравствуйте! С вас причитается, — закричал он Скляру, слезая с нарты.

— Сколько и за что?

— Я вам двадцать ламутских оленей достал!

Этот вечер был похож на праздник. Стены дома кряхтели и трещали от мороза, ярко пылали дрова в печке и камбузе. Начальник экспедиции и неожиданно приехавший с Мухоморной Чекмарев прогревались чаем с портвейном. Блаженно ухмылялся Аймет. Радоваться было чему, так как начальник экспедиции договорился с ламутами о том, что они подгонят к Усть-Белой проданных оленей к началу ярмарки.

Вскоре начальник уехал в Ново-Мариинск, а в Усть-Белой появились новые гости: председатель окрисполкома, его заместитель, уполномоченный ОГПУ и судья. Приближались перевыборы местных советов, совпадавшие по времени с ярмаркой, т. е. периодом наибольшего наплыва сюда чукчей.

База экспедиции превратилась в самый настоящий постоялый двор. Здесь то чаевали анадырцы, то приезжие со Снежной, то местные организации экспромтом устраивали совещания. Чаще стали наведываться чукчи. Красный уголок превратился в дом туземца, где проводились беседы с беднотой и готовилось помещение для делегатов районного съезда.

Положение с транспортом опять обострилось, так как на служебные разъезды окружных работников были мобилизованы все каюры и переводчики и для нужд экспедиции пока не оставалось ни одного. Окрисполком в этом отношении ничем не мог помочь экспедиции, так как передача ей переводчиков грозила срывом предвыборной кампании.

Кое-кто из камчадалов знал чукотский язык, но в большинстве случаев это были малонадежные люди, еще недавно занимавшиеся спекуляцией и жестокой эксплоатацией бедняков-чукчей.

Однажды в полдень заскрипела дверь, и в комнату ворвался белый, морозный туман. Какой-то, седой от инея, бородатый человек остановился у порога.

— Экспедиция здесь живет? — голос показался знакомым.

— Меньшиков? Ты это?

— Я-то и есть! Собак где взять можно?

Меньшиков приехал для выяснения некоторых вопросов в отношении транспорта, с которым у него обстояло дело еще хуже, чем у устьбельской партии. Он жаловался, что марковские власти не только не помогали, а даже тормозили его работу.

Представители округа в это время находились в Оленсовхозе, поэтому работникам экспедиции пришлось выехать на Снежную, где, кстати, надо было проведать рабочих, уехавших к табунам.

Подъезжая к ярангам, увидели толпу чукчей, которая при приближении нарт немедленно раздалась в стороны. На земле лежал коротко привязанный к шесту олень, непрерывно бивший головой о твердый снег, забрызганный кровью. Перебитая нижняя челюсть животного болталась из стороны в сторону.

— Зачем мучаете оленя?

— Не мучают, а учат, — прошептал Аймет, отворачиваясь.

Первак отозвал Скляра в сторону.

— Это уже другой олень из наших двенадцати пропадает. Этот челюсть поломал, первый ноги переломал. Бьются — пугливые очень и дикие... Впрочем, Иван Андреевич, не у нас одних такие неудачи. Зато вон четыре быка стоят... Те уж почти готовы — за человеком идут.

— А ну, покажи, как?

Первак взял за конец чаута, на котором один из быков ходил вокруг кустов, и начал осторожно подтягивать его к себе. Бык слегка упирался, но все же уступал силе человека. Подтянув оленя совсем близко, Первак ловко схватил его левой рукой за шею. Олень взвился на дыбы, но под тяжелой рукой Первака скоро присмирел. Василий переждал минутку и шагнул... Олень упирается... Первак сделал

еще пару шагов... Короткий повод заставил и оленя сдвинуться с места. Еще два-три усилия — и покоренный бык спокойно пошел за человеком.

— Вот молодец! — похвалил его Первак. — Ну, а теперь иди гуляй, завтра запрягать попробуем...

Освобожденный бык отряхнулся, как собака, выбравшаяся из воды, и легкой рысцой побежал в табун.

В упряжке олени некрасивы, но свободный их бег прекрасен. Олень несет ветвистые рога как корону, голова поднята вверх, грудь рассекает воздух. Кажется, что олень не бежит, а летит над землей.

— Что же, Вася, не плохо получается. Как думаешь, с десятком управишься?

— Если не будет таких упрямых, как те два, управимся. Завтра начнем запрягать с ездовым вместе до тех пор, пока не привыкнут к упряжи и к саням. Как привыкнут в паре ходить, то и по одному тянуть будут. Пастухи так говорят!

Меньшиков спешил со Снежной к себе в Марково, где уже шли сборы: его отряд отправлялся на ярмарку в Еропол. После ярмарки геодезист Васильев, зимовавший с Меньшиковым, должен был приехать в Усть-Белую и вместе с отрядом Скляра выйти в намеченный поход. Скляру и Марии тоже надо было спешить в Усть-Белую, где уже готовились к большому наплыву людей со всего района, так как ко времени ярмарки был приурочен и местный съезд.

Ярмарка еще не началась, но чукчи уже стягивали кольцо своих кочевий вокруг Белой.

Настали хлопотливые дни.

База экспедиции стояла на боёком месте, между Домом туземца и кооперативом, и постоянно была полна людей.

На видном месте были поставлены чайник и медный таз, неизбежно привлекавшие внимание посетителей. Попив чайку, благо кипяток грелся весь день и на камбузе и на примусах, чукчи принимались обсуждать качество меди таза.

Он казался им безукоризненным, и гостей постепенно начинал интересовать вопрос — как бы приобрести эту необходимую в их обиходе вещь.

В конце концов разговор сводился к ездовым оленям и нартам. Скляр вел переговоры на эту тему. Беседы осложнялись тем, что Аймет уехал в Ново-Мариинск за кормом для собак и в качестве переводчиков приходилось использовать случайных людей.

Во время этих переговоров Мария усердно потчевала гостей; продукты, особенно мука, сахар и масло, таяли с катастрофической быстротой.

В домике уже привыкли к тому, что каждое утро, чуть покажется из-за гор солнце, к двери начинали стягиваться пестрые камлейки. В ожидании чая гости сами кололи дрова и пытались растопить камбуз. Надо отдать им должное, что ни к сахару, ни к галетам и маслу они не притрагивались, терпеливо ожидая, пока неушка (женщина, девушка) сама не предложит угощение.

Наконец прибыли самые дальние гости — кавраляне. Ярмарка открылась. В этом году все было необычно. В тундру и горные стойбища проникли какие-то слухи. Богачи почему-то сначала присылали на разведку своих пастухов и уже после приходили сами, а некоторые и совсем не прикочевывали. Последними появились многотабунные хозяева — толстяк Танатыргин и Тынян-Пиляу.

Однажды вечером кто-то тихонько стукнул в окошко. Оказались Алеша Собольков с чукчей в пестром стаканчике.

— Иван Андреич, я к тебе хорошего человека привел. Этот тебя с оленями выручить может...

— Кто такой?

— Тынян-Пиляу.

О Тынян-Пиляу в экспедиции не раз слышали от Чекмарева. Этот чукча первый продал Оленсовхозу «дикарей», на чем сумел хорошо разбогатеть. Он же кормил камчадалов в голодный год, а после милостиво принимал в подарок песца и лисицу. Про него же говорили, что он прогнал своего брата, когда тот потерял силы на работе.

Большая была слава у Тынян-Пиляу. Он не просто кулак, но и тончайший политик, и оборотливый торговец. Своих невесток старик заставлял умываться. Говорят, в его пологах поддерживается небывалая для чукотского быта чистота.

Что же привело его в домик экспедиции?

— Помочь он вам хочет, — объяснил за чаем Собольков.

— После ярмарки посылает он своего сына, хромого Ковранто, на Чаун. Так вот, говорит, что, если вам надо, он вам грузы подбросит на Мухоморную и оленей продаст, сколько сможет.

Тынян-Пиляу и чай пил не так, как все. После третьей чашки сказал по-русски «спасибо» и смахнул рукой крошки со стола. Когда налили ему супа, старик вытащил из-за па-

зухи серебряную столовую ложку. Поел и опять сунул ложку за пазуху.

Наутро старик сел в углу и долго смотрел, как приходили и уходили чукчи и как чаевали приезжие.

В обед подозвал молодого парня и что-то сказал ему.

Часа через два пастух привез на санках тушу большого жирного быка.

— Это зачем?

Кто-то из камчадалов объяснил:

— Вам дарит быка Тынян-Пиляу.

С того дня у Марии прибавилось дела: кроме чая, пришлось варить для гостей и мясо... Хитрый был старик, ничего не скажешь.

Как-то зашел Чекмарев. Скляр рассказал ему о предложении Тынян-Пиляу.

Чекмарев рассмеялся.

— Ну и бестия! Вы, конечно, всех этих тонкостей не знаете, а дело ведь вот в чем: у чукчей узаконен обычай, по которому пастух работает в сущности бесплатно, за одежду, кров и пищу. Правда, из нового приплода хозяин иногда выделяет одного-другого теленка в пользу пастуха. Но стоимость работы пастуха остается неоплаченной. В этом году будут судить многих кулаков, на которых их пастухи подали иск за проработанное время. Будут судить и Тынян-Пиляу.

У него есть брат Айчик. Он на Тынян-Пиляу 20 лет работал. Так вот, даже по самому скромному подсчету, выходит, что Айчик за это время заработал 1000 оленей. И теперь он предъявил иск. Старичок и заволновался... Он ведь так думает: даст вам свой транспорт, вроде как в аренду. Впрочем, он и бесплатно может дать, все равно выгодно ему будет, а потом и скажет: «Нечего у меня отбирать, на моих оленях ваша же экспедиция разъезжает!»

Чекмарев добавил:

— Когда он узнает решение суда, сам вам откажет. Лучше ждите помощи от бедняков. Из быков, которые отойдут к пастухам по суду, мы постараемся обеспечить вас транспортом.

Скляр и Мария опоздали к открытию съезда, и Красный уголок был уже полон народа и дыма.

В президиуме сидели Чекмарев, переводчик Куна, Кирик, Гусев и несколько чукчей. Это был первый районный съезд народов чаучу.

Кирик читал по-чукотски отчет о прошлой работе. Много здесь было лиц, на которых выражались и любопытство и удивление, и недоверие и спокойное внимание. Рты полураскрыты. Слушают... Вон Кирштваль — первая женщина-делегатка на первый районный съезд. Вокруг головы легли седые косы.

Вдруг Кирик замолчал: к окну проталкивался один из приезжих кавралян. Увидел его и Чекмарев.

— Дайте дорогу Котыргину! Пусть идет обратно! Он не имеет права присутствовать здесь. Здесь собрались трудящиеся. Котыргин — кулак.

Ряды заволновались... Котыргин прямо сел на скамейку.

Кирик бросил в толпу две-три короткие фразы. Скамейки раздвинулись, от места, где сидел Котыргин, образовался коридор к выходу. Наступило молчание. Котыргин встал и неловко протащился к двери.

Через минуту Кирик снова заговорил.

Всего неожиданнее, однако, была картина, которую Скляр и Мария застали дома. На двух примусах кипели чайники, а за столом чаевали без сахару все кулаки, съехавшиеся на ярмарку. Здесь были и сухенький, внешне невозмутимый старичок Тынян-Пиляу, и Камаиро, и Котыргин и многие другие.

Необычайно высокий для чукчи молодой парень неловким движением стянул с головы собачий малахай. С пригожего лица глянули широко открытые карие глаза.

— Вот... вот... — парень оказался отчаянным заикой, — здравствуйте! Рентыургин я, Иван... Меня Чекмарев к вам послал...

— Как же, слышали! Чекмарев нам говорил, что ты с нами кочевать будешь.

— Правда, так я говорил...

Рентыургин всю жизнь провел на северном побережье. Мальчиком взяли его на факторию и, обучив слегка грамоте, поставили продавцом. Смышленный мальчик «пришелся ко двору» и скоро стал переводчиком. Встречался Иван с американцами и понимал английскую речь, а когда на Чукотке разбился американский летчик, перевозивший на Аляску пушнину купца Свенсона, Ване пришлось участвовать в его розысках. Тогда он и на аэроплане летал.

Теперь Ваня — кандидат партии и заведующий факторией мыса Отто Шмидта. Рентыургин известен по всему побережью своей честностью и энергией. Попав в кандидаты партии, Ване захотелось учиться, и он стал ждать случая как бы попасть в Ново-Мариинск. Случай представился, и вот Ваня со своими пятью собачками вошел в геологическую партию.

ГЛАВА VII

Отряду Меньшикова приходилось туго. Никак не удавалось наладить радиосвязь. Поселок был совершенно отрезан от внешнего мира. Новости привозили только каюры, изредка приезжавшие с низовьев Анадыря.

Партия не была обеспечена транспортными средствами и кормом для упряжек.

Все надежды были на съезд и ярмарку. И надежды эти не обманули.

В Марково приехал уполномоченный округа по выборной кампании советов. Возобновились заседания и совещания. Слушали отчет правления кооператива о подготовке к ярмарке. Ярмарка и съезд были назначены в одно время, чтобы привлечь больше туземцев и этим обеспечить как успешную работу съезда, так и приток товаров на туземную ярмарку. В Еропол были заброшены товарные фонды Оленсовхоза. С ним договорились: он передаст эти фонды кооперативу с тем, чтобы часть их была выделена экспедиции для закупки оленей на ярмарке. Это решение сразу улучшило положение как кооператива, так и экспедиции: кооперативу надо было меньше перебрасывать грузов в Еропол, а экспедиция получала необходимые ей транспортные средства.

12 марта двадцать собачьих упряжек длинной вереницей вытянулись по дороге. Почти все нарты были загружены товарами, многие пассажиры вынуждены были итти пешком. От Маркона до Еропола было 125 километров.

По протокам рек, через острова и по речным террасам дошли до селения Оселкино. Здесь подкормились, выпили чаю и через час выехали дальше. Впереди шли нарты с грузом. По протоке выехали в тундру. Справа раскинулась огромная снежная равнина, впереди виднелись горы; снег на солнце

переливал яркими блестками; во избежание «полярной слепоты», пришлось одеть темные очки. Мороз пощипывал щеки. На укатанной дороге лед на полозьях нарт быстро стирался, через каждые 10—15 километров их приходилось заново войдать.

У подножия гор вблизи небольшого ручья раскинулась группа душистых тополей. Это место, называвшееся Осинничкн, самой природой было создано для привала путников. Во время половодья рекою сюда приносился плавник, и огромные кучи дров держались здесь среди безлесной тундры.

Задымились костры. Покончив с чаем, пассажиры сразу же отправились вперед, не ожидая, пока каюры уложат котелки, чайники и увяжут грузы.

Путь шел с горы прямо на перевал. Перед подъемом дали передохнуть собакам. Все надели лыжи. От передней дуги через всю нарту к заднему ее копылу были протянуты крепкие ремни, за которые можно было держаться, не отставая от быстрых собак и следя в то же время за грузом. Перевал был не крутой, но очень длинный. Казалось, что ему не будет конца. Собаки напрягли все силы, но подвигались медленно. Всем стало жарко.

Одежда липла к вспотевшему телу. Местами подъем был так полог, что не улавливался глазом, и только тяжелое дыхание собак показывало, что подъем продолжается. Не останавливаясь, непрерывно понукая собак, измученные люди тащили тяжелые нарты. Только на самом верху перевала упряжки остановились и можно было, наконец, присесть и отдохнуть. Впереди раскинулись белые шапки гор. Гребни хребтов напоминали застывшие волны. Острые пики и изрезанные, ребристые вершины сливались с горизонтом. Позади раскинулась тундра. Гигантским черным змеем извивалась река Анадырь. На горизонте чуть были видны Гореловы горы. Огромная вершина острой Майнской сопки сливалась с сизой дымкой, и только ее теневая сторона резко выделялась над волнами гор.

Нарты начали скользить вниз по укатанному ветрами снегу. По извилистой речонке добрались до леса и, выехав в долину реки Ворожеи, подъехали к горам. Еще несколько поворотов — и собаки вынесли нарту к небольшой поварне. Выбрав место на опушке густых зарослей, привязали собак. Кругом закипела жизнь. В поварне было тесно. Рабочий Баклан, удивлявший камчадалов своим ростом, успел уже

повесить над очагом чайник со льдом и, помешивая его, подсыпал новые порции льда. Еду варили снаружи у костров. В поварне, несмотря на большую дыру в потолке, стало тепло. Мерзла только спина, но когда сзади разложили шкуры, стало тепло всему телу. Бесчисленные чижи и торбаза сушилась над очагом. Потолок поварни был очень низок, — Баклан почти упирался в него головой. Дверь была еще ниже, и, чтобы пройти в нее, всем приходилось сгибаться. Когда дверь отворялась, дым разносило по всей избушке и он нещадно ел глаза. Поварня не могла вместить всех путников; часть из них, забрав оленьи шкуры и кукули, устроилась спать в вырытых в снегу ямах, на свежем воздухе.

Утром отправились дальше. Путь шел между сопок по речке. Сегодня предстояло перейти речку, перевалить через хребет, спуститься по другому ручью и выйти на реку Анадырь. Там по реке до Еропола оставалось уже не более 20 километров.

До перевала ехали не спеша, сберегая силы собак. Долина реки к верховьям расширялась. Дорога шла то по ручью, то по неровным террасам. Незаметно стали подниматься к перевалу. Лес сделался реже, и скоро из-под снега стали выглядывать одни только кустарники. Впереди долина становилась еще шире и сливалась в густом тумане с широким перевалом. Вдали виднелись две пологих вершины, наполовину скрытые в тумане. Перед подъемом опять все надели лыжи и стали помогать собакам тащить нарты. Лыжники-пассажиры шли стороной, стараясь спрямить путь. Собачий «тракт» шел по более отлогим местам, извиваясь по речке, и только на половине подъема повернул прямо на перевал, который оказался гораздо круче вчерашнего. Позади было видно, как внизу по дороге извивался обоз. Иногда люди останавливали собак и присаживались, чтобы передохнуть. Чем выше, тем труднее становился путь, и чаще приходилось отдыхать и людям и животным.

Передние нарты уходили в туман и точно таяли на перевале. Учащенно билось сердце, нехватало воздуха, дыхание было затруднено. Хотелось лечь на снег и закрыть глаза. Во рту пересохло. Заиндевевшие собаки, тяжело дыша, беспрестанно лизали снег.

Наконец перевал был пройден, и пелена тумана осталась позади; дорога круто уходила вниз, теряясь где-то внизу в неширокой долине.

Меньшиков прилег на нарту в ожидании коллектора Дорошенко. Одна за другой проходили мимо него груженые нарты, каюры которых спешили на отдых на привале. Потянул ветерок, стало холодно. Мороз забирался в рукава и за ворот. Меньшиков надвинул малахай, крепче завязал шарф и повернулся спиной к ветру. Спустя немного времени в тумане появилось темное пятно и скоро обозначилась фигура человека с лыжами в руках. Это шла, еле переставляя ноги, Дорошенко.

— Как дела?

— Едва дотащилась, думала — не выдержу.

— Ничего, садись, дальше легко будет.

Нестройно, врассыпную побежали вниз собаки. Тянуть нарты им не приходилось, наоборот, ее с трудом удавалось сдерживать остолом, чтобы не подбить собак. Снег чем ниже, тем становился более рыхлым. Оступившаяся с лыжницы собака вязла в нем и с трудом выбиралась опять на дорогу.

Пока дорога пролегала по широкому скату, все шло хорошо, но как только выехали на извивающийся ручей, так на первом же повороте нарта по инерции пошла прямо и, соскользнув с дороги, перевернулась в глубокий снег. Нелегко было вытащить тяжелый груз и поставить нарту на дорогу. Меньшиков поправил спутавшихся собак и тронул нарту с места. Собаки дружно рванули, Меньшиков прыгнул в нарты, и в тот же момент она соскользнула на другую сторону дороги и снова опрокинулась. Незадачливый каюр и его пассажирка снова окунулись с головой в глубокий снег.

В дальнейшем нарта беспрестанно падала то на одну, то на другую сторону. Это было еще хуже подъема на перевал. Иногда удавалось проехать метров 50—100, но чаще нарта сразу же падала на бок, едва ее успевали водворить на дорогу. Когда совершенно измученный Меньшиков присел закурить, он вдруг заметил, что вдоль всего пути с правой стороны тянулась лыжница.

Меньшиков надел на правую ногу лыжи и тронул собак. На первом же повороте нарта благополучно прошла и плавно покатилась дальше. Меньшиков облегченно вздохнул. До открытия нового способа передвижения, на расстоянии каких-нибудь десяти километров нарта опрокинулась 54 раза. Это была полярная «школа».

К привалу каравана Меньшиков и коллектор приехали, когда там уже кончили пить чай. Наскоро закусив, двинулись дальше и еще засветло были в Ерополе.

Поселок насчитывал всего шесть домов и жил тихой жизнью от ярмарки до ярмарки, которая встряхивала поселок, наводняя его людьми, собаками и оленями. С неделю жизнь била ключом, чтобы снова замереть на целый год.

Расположенный внизу, у неширокой протоки, недалеко от гор, поднимающихся за лесом, поселок был совсем незаметен с реки. Самая высокая гора этого района — Терпухой — высоко уходила в небо своей белой шапкой и казалась совсем близкой, хотя до нее было не менее 8 километров. Почти напротив горы в Анадырь впадала река Еропол. Многочисленные протоки между островами образовали здесь сложную сеть. Немного выше в Анадырь впадала вторая большая река Яблоновая, или, как называли ее чукчи, Кераль-гуам.

В поселке приезжие разместились с большим трудом. Трубы печей и камельков отчаянно задымили. По поселку сновали люди. Обращало на себя внимание отсутствие бродячих собак, обычных для всех северных поселений. Все собаки были привязаны, — каждый момент ожидали приезда оленных чукчей. Непривязанные собаки неминуемо порвали бы оленей, или же чукчи, защищая свои упряжки, перестреляли бы собак.

При появлении оленей обычно спокойные, забитые ездовые собаки становятся положительно неузнаваемыми. В них пробуждаются дикие инстинкты их предков, глаза наливаются кровью, и ни побои, ни ласки не могут удержать их на месте. Как бешеные, бросаются они на оленя и в несколько секунд его разрывают. Ездовая собака ценится здесь значительно дороже, чем упряжка оленей. Особенно дороги передовые собаки, понимающие команду. Они играют ведущую роль, и всем известно, что «какие передовики — такова и вся упряжка».

Из года в год из глухих горных областей на ярмарку в Еропол подкочевывают с оленями чукчи, чуванцы и ламуты, населяющие Колымские горы. На ярмарку они стекаются по долинам рек через горные перевалы, по глубокому снегу, чтобы обменять продукты своего хозяйства и охоты на ружья, капканы, чай, табак, спички и другие товары.

На ярмарку идут с семьями, ярангами, с небольшими табунами ездовых и мясных оленей, навьючив весь свой скарб и промышляя по дороге пушнину. С низовьев реки кооперативы на собаках подвозят товары. Тихий поселок оглашается надрывным лаем псов и говором людей. Русская

речь камчадалов, смягчающих шипящие звуки, перемешивается с гортанным говором чукчей и чуванцев и с отчетливой, несколько грубоватой для непривычного уха, но оживленной речью ламутов.

Нередко чукчи, подъехав совсем близко к поселку, оставляют у околицы оленей и идут смотреть товары, чтобы, возвратившись к нарте, сообща решить с оставшимися, что купить из имеющихся в кооперативе товаров.

Почти всю ночь в поселке горели огни. Большие медные чайники не снимались с очагов. Жители радушно встречали каждого прибывшего и первым долгом поили его горячим чаем.

Лишь под утро все стихло, и только яранги ламутов курились дымками круглые сутки. Население поселка настолько породнилось с камчадалами, что по внешности было трудно отличить русских от природных жителей края.

Все прибывшие с нетерпением ждали объявления дня бегов, которыми обычно открывалась ярмарка. Бега были с призами. Соревнования происходили на оленях, на собаках, на лыжах и без них. После бегов начиналась борьба. Правила и в бегах и в борьбе были особые. В бегах едущий впереди сам устанавливал дистанцию. Все должны было доехать до места его поворота, и собственно тут-то и начинались бега. До поворота все берегли силы и шли не спеша, обратно же неслись стрелой. Особенно большую скорость развивали на оленях.

В борьбе победителем признавался победивший всех желающих с ним померяться силой. Боролись в рыхлом снегу обнаженными по пояс, при морозе в —45° —50°. Побежденный падал прямо в снег. Победителями в борьбе всегда оставались камчадалы как более рослые и сильные. Они же обычно побеждали в пеших бегах, но надо заметить, что у камчадалов часто дело не обходилось без некоторого жульничества.

Во время бега полагалось держать в руке палку, на которую опирались на плохо утоптанной дороге и на рыхлом снегу.

У финиша разгоряченные бегуны усаживались прямо на снег, чтобы закурить трубку и отдохнуть, и уже после этого расходились по домам и ярангам пить чай.

Еще задолго до ярмарки чукчи ежедневно запрягают своих беговых оленей и разъезжают по соседним стойбищам, стараясь ехать всегда впереди и не позволяя никому обго-

нять свою упряжку. Олени привыкают к тому, что, если у них сбоку появляется другая нарта, то необходимо бешено нестись вперед, чтобы оказаться первыми. Во время такой езды снег комьями летит из-под копыт, слепит глаза и как иголками колет кожу на лице. Нарты управляются ногами, и нужно большое искусство, чтобы не налететь на полном скаку на кочки, пни или деревья. Легкие, связанные ремешками сани настолько хрупки, что приходится удивляться, как они могут выдержать тяжесть человека.

17 марта были объявлены бега. Стоянки чукчей подтянулись ближе к поселку. Многие в одних только пологах, без яранг, расположились у самого берега на опушке леса. К ним подтянулись оленные чукчи с сырьем, пушниной и рухлядью.

В день бегов участники большой группой собрались у призов на легких франтоватых нартах. Олени были отданы на попечение женщин и стояли в стороне. Их внимательно рассматривали старики, после чего группами размещались на террасе реки, усаживаясь прямо в снег, поджав под себя ноги. Наконец участники бегов, разобрав оленей, двинулись вперед. На отмели, где снег был более мелкий, передние нарты остановились и молча ждали отставших. С приездом последней нарты все лавиной двинулись вперед и быстро скрылись за далеким поворотом реки. Находящиеся у финиша спокойно беседовали, но чем дальше, тем с бóльшим напряжением вглядывались в даль. Через 40—50 минут на повороте появились одна за другой несколько черных точек, все ближе и ближе подвигавшихся к финишу. Победившей упряжке необходимо было схватить выложенные на снегу призы: винчестер, медный чайник и камлейку.

То одна, то другая нарта вырывалась из общей массы. Обгоняя друг друга, соперники размахивали руками, кричали и нахлестывали оленей. Ожидающие у финиша присмирели, так как достаточно было сделать какое-нибудь резкое движение, чтобы передняя упряжка бросилась в сторону, и тогда приз, буквально из-под носа, был бы выхвачен другим. Наконец мчавшийся на первой упряжке подхватил винчестер, едущий за ним — медный чайник, и третий — камлею.

Ярмарка открылась. К фактории потянулись нарты, нагруженные до отказа пушниной и оленьим меховым сырьем. У амбаров около приказчиков выстроилась длинная очередь. Сдавшие свои меха получали расписку, которую потом обме-

нивали в фактории на необходимые им товары. Все без исключения туземцы запасались, первым долгом, чаем, табаком, спичками и медной посудой. Остальной ассортимент имеющихся на фактории товаров разбирался покупателями в зависимости от района их постоянного жительства и основного занятия. Чукчи и чуванцы обычно выбирали яркие камлеи, винчестеры, топоры, ножи и очень немного стеклянной посуды; ламуты предпочитали головные цветные платки, мелкокалиберные винтовки, различную чайную посуду, напильники, бисер и олово. В сдаваемых товарах еще более ярко отражалось деление прибывших на ярмарку по роду их занятий. Все без исключения чукчи привозили различные оленьи шкуры, и лишь наиболее богатые из них сдавали пушнину, вымененную в свое время у чуванцев и ламутов. Последние являлись основными сдатчиками ценных мехов — песца, лисицы, белки и бурых медведей.

Торговля продолжалась дня три-четыре. За эти дни почти все население района успело перебывать на ярмарке. К этому же времени был приурочен и первый районный съезд советов. На съезд прибыли уполномоченные с верховьев реки Яблоновой и Еропола и ламуты с рек Майна и Саламиха. Бывшая церковь, превращенная ныне в школу, с трудом вмещала делегатов и всех желающих присутствовать на съезде. Уполномоченный округа открыл съезд вступительным словом, которое поочередно переводилось тремя переводчиками — чукчей, чуванцем и ламутом.

Одобрительным «-И-и-и-и» (знак полного согласия) приветствовали делегаты докладчика, когда он говорил об организации власти местного населения, о помощи беднякам и задачах советской власти.

— Валюмаркин (поняли)? — спрашивал переводчик.

— Валюмаркин! — хором отвечали делегаты.

Для облегчения работы съезда делегаты были разделены по национальностям на три секции. В секциях долго обсуждались назревшие организационные вопросы и, наконец, приступили к составлению наказа первому районному исполнительному комитету и делегатам на окружный съезд. Туземцы один за другим выступали с предложениями и пожеланиями. Общими во всех трех секциях требованиями были: перенести районный центр из Маркова ближе к кочевьям, хотя бы в Еропол, постройка здесь школы, интерната и больницы, улучшение и расширение ассортимента товаров на фактории и, наконец, оказание возможно большей помощи вновь орга-

низованным колхозам. На съезде докладчик районного правления интегралкооперации сообщил о целях и задачах своей организации и обратился к присутствующим с призывом вступить в члены кооперации. После заседания у его стола образовалась длинная очередь будущих пайщиков. Замечательнейшим событием для всех присутствующих было то, что женщины впервые заседали на равных правах и сообща решали вопросы о новой жизни.

Непрерывно в течение работы съезда в помещение школы входили новые люди, и нередко бывало так, что делегаты вдруг замолкали и, указывая на пришедшего новым для них русским словом «кулак», давали знать, что они уже научились определять своего классового врага. К концу съезда оформилось три колхоза-артели. Наиболее многочисленный из них — чуванский колхоз на Ерополе — пожелал называться именем вождя партии тов. Сталина. К этому колхозу была прикреплена красная яранга-школа; вторая такая же яранга была передана чукотской артели на реке Саламиха.

На третий день съезд закончил свою работу, после чего сразу же открылось первое заседание исполнительного комитета, на котором был выбран президиум и утвержден план нового строительства. Далекая окраина окончательно стала советской.

На ярмарке Меньшикову удалось купить ездовых оленей, и таким образом летний транспорт был обеспечен. Тут же договорились с чуванским колхозом о том, что он будет пасти купленных отрядом оленей вместе со своими табунами до летней кочевки, после чего выделит четырех пастухов для обслуживания экспедиции.

Часть груза отряда была отправлена с чуванцами на реку Еропол в лагерь колхоза. Небольшое количество продовольствия было послано с чукчами в верховье реки Яблоновой, чтобы летом было легче итти на оленях по горной тундре. Во время ярмарки из Маркова подъехал Васильев со своими сложными инструментами, возбуждавшими всеобщее любопытство у местных жителей. В помещении экспедиции все время толпился народ. Сначала приходили ламуты, с которыми Меньшиков вел длинные разговоры о продаже вьючных оленей. Ламутов сменяли чукчи и чуванцы, с которыми пришлось договариваться о проводниках. Гости заходили просто почаевать. Северный обычай требовал широкого госте-

приимства, и поэтому чай с галетами не сходили со стола, а сотрудники экспедиции по очереди исполняли роль хозяек.

Иногда гости приносили с собой подарки в виде местных лакомств: оленьих языков и костного мозга. Экспедиция в свою очередь одаривала посетителей табаком, чаем и галетами. Бывало так, что не все могли разместиться за столом, и тогда приходилось устраиваться на полу вокруг вьючных чемоданов и ящиков. В помещении все время находился переводчик, с помощью которого и велись все разговоры.

На другой день после съезда делегаты уехали на окружной съезд советов. Постепенно уходили в горы чукчи и ламуты. Торговали только опоздавшие на ярмарку.

Фактория спешно отправляла в больших мешках пушнину. Нарта за нартой покидали поселок с ценным грузом, так как оставлять меха в Ерополе до лета было нельзя. Здесь их негде было хранить, и, кроме того, летняя перевозка по порожистой реке была очень опасна, так как можно было или подмочить, или совсем утопить пушнину.

По окончании всех дел Меньшиков и Дорошенко направились в Марково. Ехать решили по реке Бараньей, чтобы обследовать новые места. Исполнение этого намерения затруднялось тем, что дорогу знали только ерополъские камчадалы, но у них не было пригодных для этого пути собак. Марковские жители дороги не знали, а поэтому категорически отказывались сопутствовать членам экспедиции. Выручил Елизарыч.

Иван Елизарыч Собольков, чукча по национальности, давно уже забыл родной язык и с большим трудом объяснялся со своими родичами. Еще ребенком его усыновил русский купец Собольков, и с тех пор до самой революции Елизарыч работал на своего «благодетеля» в роли бесправного батрака, получая за свою работу только питание и одежду. Жизнерадостный, работящий Елизарыч был отличным каюром. Лучшего спутника нельзя было и желать. Корма для собак было всего на четыре дня для двух упряжек. Надо было спешить, поэтому решили выехать на другой день рано утром. С вечера поделили поровну корм, распределили на две нарты груз, уложили палатку и продовольствие и отправились к старику Березкину, чтобы расспросить о предстоящей дороге. Утром выехали до света. По накатанной дороге быстро добрались до реки Бараньей. Резкий ветер дул из долины, обжигая лицо. Это, как говорили камчадалы, «хпузное» место, славилось своими постоянными ветрами.

В устье реки находились летники, состоящие из нескольких домишек, приютившихся среди зарослей ивы. С гор спускались лиственичные леса.

По берегам ветер сдул с гальки весь снег и только с подветреной стороны островов оставались снежные тропочки, по которым и можно было, переходя от острова к острову, двигаться вверх по реке. Вскоре острова кончились и река заметно сузилась. Снегу стало больше. По пути приходилось часто останавливаться, чтобы взять интересные образцы горных пород и зарисовать местность. Чем выше по реке поднимались путники, тем слабее становился ветер и рыхлее делался снег. Скоро пришлось стать на лыжи, чтобы прокладывать дорогу для собак. Нередко в помощь собакам приходилось самим тянуть нарту, так как лыжи плохо уплотняли сыпучий снег, передовики глубоко проваливались и быстро уставали. Горы подступили ближе к реке, берега которой стали обрывистее. Из-под снега во многих местах черными пятнами выступали горные породы. Меньшиков то и дело отбивал образцы и делал замеры.

Снег с каждым часом становился глубже, затрудняя движение.

За день приходилось два раз останавливаться на отдых, и все же, только напрягая последние силы, кое-как продвигались вперед к месту ночевки.

Малахаи давно уже болтались за спиной. Несмотря на 40-градусный мороз, от людей и собак валил пар. Иней осаждался на шарфах, и волосы на голове обратились в белые шапки.

Для ночлега выбрали опушку леса на невысокой террасе. Первым делом накормили собак, разгребли снег для костра, запасли дров, после чего поставили палатку.

Взошла луна. Глубокая тишина гор действовала как-то угнетающе. Было неуютно и холодно.

Вдруг металлическим звоном брякнула цепь; насторожив уши, вскочил передовой пес Иллике, второй передовик Нэ сел с ним рядом. Заворочались в своих снежных гнездах и другие собаки. Иллике поднял кверху морду, весь подтянулся, сжался и жалобно завыл; остальные собаки точно ждали сигнала. Они надрывно подхватили вой, душераздирающие звуки то нарастали, то падали, глухо перекатываясь эхом в далеких горах. Временами псы замолкали, к чему-то прислушивались — и снова протяжный, тоскливый вой оглашал окрестности.

Казалось, что это была жалоба на безрадостную жизнь, на побои и голодовки, на непосильную работу, на жалкую участь ездовой собаки. Тишина наступила так же неожиданно, как ранее прервалась, и собаки снова улеглись в снег.

Утром, поеживаясь от холода, выбрались из кукулей и двинулись вперед. Весь день шли по рыхлому снегу. Местами горы точно сжимали реку, образуя глубокие ущелья с отвесными каменными стенами. К вечеру сильно дали себя чувствовать 30 километров изнурительного пути. Скользя по склону и проваливаясь в глубокий снег, путники взобрались на берег и разбили палатки. Температура упала до —45°.

Развели большой костер и, сняв меховую одежду, вымороздили ее и выбили изморозь. Переобулись в сухие чижи, и только Дорошенко настолько устала, что, выпив чаю, сразу же залезла в спальный мешок, не переодеваясь.

Елизарыч рассказывал, как до революции приезжали сюда американцы и проводили геологопоисковые работы под руководством женщины «мисс Кэлли». Рассыпавшись по всему бассейну реки, отдельные геологические партии американцев заходили далеко в горы, пробираясь на лодках и пешком.

— Вот тогда американский профессор и говорил, что полезно жевать табак, так как он хорошо рот очищает, — закончил Елизарыч, перекладывая жвачку за другую щеку.

— Ты вот попробуй, хорошо получается, — предложил он Меньшикову.

— Нет, спасибо, я уж лучше чаю еще выпью.

Перед сном Меньшиков подошел к собакам посмотреть, не перепуталась ли упряжка. Передовой Нэ медленно приподнял голову и безразлично посмотрел на человека. Около него лежала нетронутая юкола. Обеспокоенный Меньшиков позвал Елизарыча.

— Чего-то пес не ест!

Елизарыч подтолкнул ногой рыбу к самой морде собаки. Нэ отвернулся. Елизарыч осмотрел его и отстегнул от потяга. Собака дрожала и пошатывалась на ногах, а ведь всего час тому назад она работала наравне со всеми другими. Заболевшему Нэ устроили место на нарте, положив рядом с ним рыбу.

Утром рыба оказалась также нетронутой. Собака лежала без движения, Нэ был лучшим передовиком и особенно хорошо работал в глубоких снегах. Вставал вопрос — как поступить с ним дальше? Везти с собой больную собаку не

представлялось возможным: упряжка и без того едва тянула нарту.

— Оставим здесь, может отлежится и догонит, — посоветовал Елизарыч.

Тяжело было бросить Нэ на произвол судьбы, но другого выхода не было. Меньшиков оставил рядом с собакой вчерашнюю «норму» юколы, снял аллык и наклонился к Нэ, чтобы погладить его на прощание. Нэ лизнул руку Меньшикова и печально смотрел на приготовления к отъезду. Все надеялись, что, когда тронется упряжка, Нэ может быть пойдет сзади.

Отъехав шагов на 50, оглянулись. Пес лежал, вытянув шею, и смотрел вслед. Позвали его, собака подняла на мгновение голову и опять уронила ее в снег. Елизарыч уже скрылся за поворотом. Скверно стало на душе. Стараясь не думать о Нэ, Меньшиков зашагал рядом с нартой.

В полдень вышли на широкую каменную россыпь. Елизарыч еще издали заметил в устье ручья невысокий столб с прибитой к нему доской. Подошли ближе. На куске фанеры оказалась надпись геолога Попова с заявкой на участок в пользу АКО, датированная маем 1928 г.

От столба надо было свернуть с реки Бараньей и итти вверх по ручью. Вскоре перевалили через россыпь и вышли в широкую долину. Ровные, точно подрезанные ножом, вершины огромных гор остались позади. Каменные громады образовали в верховьях долины цирк, на склонах которого переливал разноцветными огнями освещенный лучами солнца снег.

Через невысокий перевал по лесу вышли на речку без названия, впадающую в реку Ворожея. Местами из-под снега выступали озера. Горы отступили.

По льду собаки бежали легко, и нарты быстро двигались вперед. В лесу приходилось опять становиться на лыжи и помогать собакам. Перед вечером в пойме появились ива и душистый тополь. Солнце скрылось за горами, спустились сумерки. Склоны были покрыты снегом, и выходы горных пород нигде не встречались. Собаки, точно чувствуя приближение отдыха, несмотря на глубокий снег, шли очень быстро. На опушке зарослей то и дело взлетали куропатки, которых стреляли из малопульки. Часто белый комок, трепыхаясь, падал в снег; скоро около десятка куропаток было уже привязано к нарте. Становилось все темнее. Не останавливаясь, шли дальше: хотелось дойти до поварни, чтобы

не ночевать под открытым небом. В зарослях протоки во всех направлениях пересекались спутанные тропы зайцев и песцов. Елизарыч прокладывал в глубоком снегу дорогу. Ногу он ставил как-то особенно, с вывертом, и очень быстро подвигался вперед. Там, где позволял снег, он бежал на лыжах, и его фигура, сливаясь с темным фоном леса, таяла впереди. Стало настолько темно, что глубокий лыжный след едва различался. Когда собаки чересчур отставали, издалека доносился резкий свист Елизарыча — упряжки снова ускоряли свой шаг. В темноте ветки деревьев задевали по лицу и больно царапали кожу. Заросли ивы на протоках стали еще гуще. Силуэты гор слились с темным небом, и только звезды мерцали вверху.

Неожиданно собаки ускорили бег, и вскоре впереди блеснул огонек. Ушедший далеко вперед Елизарыч, не найдя поварни, решил заночевать в лесу и уже успел развести костер.

Ночь была безветреная. Палатку решили не ставить, а просто вырыть в снегу широкую канаву, обставить ее лыжами и сделать из палатки стену, чтобы она отражала тепло от костра. Безмолвный лес стоял глухой стеной. Собакам сверх рыбной нормы дали по половине куропатки, чего они более чем заслужили за сегодняшнюю работу.

Костер уже догорал, когда вдруг раздалось тихое, но грозное рычание передовика. Елизарыч приподнялся на локте и внимательно прислушался. Передовик ринулся вперед, загремев цепью. Ему ответило не менее грозное рычание, и, вздыбив шерсть, из темноты выступил... Нэ. Всеобщей радости не было конца. Нэ вилял хвостом и тыкал носом в лежавших людей. Меньшиков встал, чтобы достать ему еду.

Собака с жадностью разорвала острыми клыками рыбу и, мгновенно проглотив порцию, облизываясь, смотрела на Меньшикова. На радостях Нэ получил еще полрыбы. Покончив с едой, пес свернулся клубком и лег рядом с Меньшиковым.

Только к полудню следующего дня путники вышли к поварне на Еропольском тракте. До Маркова осталось 50 километров хорошо накатанной дороги. Теперь не надо было помогать тянуть нарту, и только на перевалах приходилось соскакивать на снег. Елизарыч ехал впереди.

После перевала напились чаю и направились дальше, с расчетом заночевать в Осинничках. Утомленные люди си-

дели на нартах, борясь с дремотой. Впереди поднялся большой ворон и, тяжело махая крыльями, стал описывать круги в воздухе. Собаки рванули, остол выпал из рук.

— Лови! — едва успел крикнуть задремавший было Меньшиков.

Дорошенко, уцепившись рукой за крятку, схватила остол, но не удержалась на нартах и скользнула в снег. Не сдерживаемые ничем, собаки неслись вперед. Меньшиков тщетно пытался затормозить нарту ногами. Оглянувшись, он увидел, что Дорошенко, с остолом в одной руке и опираясь на копыл другой, тащится по снегу за быстро уносящейся вперед запряжкой. Меньшиков ухватился за потяг и спрыгнул с нарты, ногами вперед. С трудом удавалось держаться в сидячем положении. Собаки попрежнему быстро мчались.

Если бы Меньшиков отпустил потяг, то нарта, находившаяся позади него, неминуемо должна бы была подмять его под себя. Медленно перебирая руками, он стал подбираться к передовым собакам.

— Тах! — собаки замедлили бег и остановились. Впереди на дороге, на нартах сидел Елизарыч, поджидая отставших.

— Завтра, мольче, пурга будет.

— Почему?

— Смотри, небо-то какое!

В предвечерних сумерках безоблачное небо горело фиолетово-красным багрянцем. На горизонте виднелись свинцово-серые тучи.

— Ну, что ж, попьем чаю и двинемся прямо до Оселкина.

Подошла Дорошенко. Немного передохнули — и опять тронулись в путь. Сразу же после привала наткнулись на труп собаки. Через полчаса нашли второй. Видно было, что полуголодные псы не выдерживали тяжелого пути и издыхали буквально на-ходу. На расстоянии 15 километров нашли шесть павших собак. Вороны сидели на трупах и, отяжелев от обильной пищи, с трудом взлетали, перекликаясь мрачными, гортанными криками.

Стемнело. Елизарыч вскакивал, понукал собак и разгонял нарту. Скоро он скрылся в темноте. Равнина казалась бесконечной. Тускло светили звезды, небо подернулось дымкой морозного тумана. Приближались к реке. Чуть виднелся пойменный лес. В этом месте дорога должна была раздвоиться. Одна вела в Оселкино, другая мимо него, прямо в Марково. Боясь просмотреть поворот, приходилось, напря-

гая зрение, пристально всматриваться в темноту. Неожиданно впереди выросла фигура Елизарыча, стоявшего у разветвления дорог. Свернув в сторону, поехали по узкой, похожей на просеку тропинке.

Собаки почуяли жилище и сразу подбодрились. Дорога была настолько узка и деревья так близко подступали к ней, что нарта то и дело задевала за стволы. В темноте можно было поломать ноги, приходилось изо всех сил удерживать собак. Скоро выехали на протоку и повернули к поселку. Оставшиеся до Маркова 20 километров шли по долине Анадыря.

На другой день при начавшемся снегопаде путники добрались, наконец, до Маркова.

ГЛАВА VIII

В Усть-Белой, как и в Ерополе, ярмарка началась бегами. На оленях первый приз взяли сыновья Тыпотыргина и Тынян-Пиляу. Последнему не повезло, так как предсказания Чекмарева полностью оправдались: из Анадыря приехал суд и, после рассмотрения нескольких мелких бытовых дел, приступил к разбору исков, предъявленных пастухами их хозяевам. Тут-то над Тынян-Пиляу и стряслась беда: суд постановил взять у него 1000 оленей в пользу его брата Аачика.

Как и предсказывал Чекмарев, старик на суде козырнул и прошлыми своими «заслугами» перед Оленсовхозом, и «помощью» экспедиции, но суд твердо стоял на своем, и нищий Аачик превратился в табунного «чаучу».

Были и другие дела с таким же исходом. Здесь же на съезде выигравшие дело истцы объединились в коллективы.

Кулаки быстро покинули Усть-Белую, следом за ними выехали судебные исполнители. После рассказывали, что один из исполнителей заехал к Тыпотыргину и слышал, как тот целую ночь напролет выл и плакал около своей яранги. Табун у него был огромный и отбитые по суду олени не делали его беднее, но он был так скуп, что трясся над каждой убитой на мясо важенкой. И теперь, потеряв несколько сот оленей, никак не хотел с этим примириться.

Тынян-Пиляу похудел и был невесел, но держался с достоинством и, повидимому, на что-то надеялся. На другой день после суда он лично осмотрел все нарты экспедиции: кое-что подвязал, починил и «приказал» быть готовыми. Кавранто должен был через три дня начать кочевку на север. Свое обещание в отношении экспедиции старик пока что оставлял в силе.

В числе оленей, выделенных для экспедиции, было 10 кавралнских быков.

В это же время разрешался вопрос и о пастухе-проводнике. Безносый Тэпинто (ему сонному волк откусил нос) согласился проводить партию до Канчалана и, взяв задаток, уехал, чтобы нагнать караван.

Через несколько дней ламуты пригнали обещанных 20 быков. Чукчи посмотрели и подняли ламутов насмех:

— Разве это быки? Они у вас завтра подохнут!

Олени, действительно, были малорослые и «худомозглые».

Следом за ламутами один за другим стали приходить чукчи, обещавшие продать оленей для зимней поездки отряда.

Первым пришел Калянто; он сдержал слово, привез с собой грузовую нарту и отвел в табун двух быков. За Калянто потянулись Нуттеций, Котыргин, Теперкез и другие. Возле дома выстроились в ряд 25 нарт.

«Пошивочный коллектив», не покладая рук, мял шкурки и мастерил обувь и одежду. Спешно шились брезентовые вьючные сумы.

Аймет оскандалился. Ездил он на пост за юколой для будущих поездок, которые Скляр думал сделать на собаках от Мухоморной, но Аймет вместо 2000 юкол привез едва третью часть. Остальное он пропил и скормил своим собакам.

«Растратчик» сидел перед Скляром, опустив глаза вниз и не зная, куда деть руки.

— Прости меня, Иван Андреич! Правду скажу тебе: прогулял я, мольче. Не плати мне жалованья, не корми, виноватый я...

— Ты мне юколу, парень, доставай! Нечего каяться. Мне работать нужно.

После этого два дня бегал Аймет по знакомым, выпрашивая в долг где свежих чиров, где юколу. Набрать растраченное зря количество, конечно, не удалось.

На прощание камчадалки несли «на память» отряду рукавички, кисеты и сшитые «от себя» чижи. У Первака таких памятных рукавиц набралось пар пять. Ободранный домик экспедиции был похож на узловую станцию. Одна из его комнатушек была до потолка завалена остающимся снаряжением. Были уже приготовлены доски, чтобы заколотить окна.

Васильев должен был в пути присоединиться к партии Скляра, чтобы во время переходов сделать астрономические

определения. Скляр рассчитывал его встретить на Мухоморной или где-нибудь дальше.

Наконец тронулись. Хорошо поскрипывал снег под ногами. Дошли до восточного конца ближнего острова, нанесенного на карте. Достали компас и блокнот. Здесь партия должна была привязать свою будущую съемку к съемке геолога Полевого. Отсюда начинался маршрут экспедиции. Скляр определил азимут... Считает шаги: «И раз, и два, и три!..»

Первый кочевой день начался рано. Раньше всех проснулась жена Кавранто (спали в его пологу), развела огонь. Было слышно, как потрескивают сухие ветки.

Попили чаю, закусили холодным вареным мясом. Поев, Кавранто и его сын обулись, натянули стаканчики, взяли чааты и пошли гонять оленей. Из другой яранги, позевывая, выползли Ваня Рентыургин, Первак и пастух Кавранто — Пиненкэу с женой и братом. Женщины разобрали шатры и уложили груз на нарты, из которых построили загон с широким входом и узким выходом.

Кавранто и Пиненкэу к этому времени отделили диких оленей от ездовых. Из загона в загородку оленей пришлось принять Марии, которой дали в руки ремень и приказали спрятаться у выхода из загородки.

Остальные оцепили группу ездовых быков, оставив свободным лишь путь к входу в загородку. Затем людское кольцо стало понемногу стягиваться. При этом следовало соблюдать массу предосторожностей, так как резкие движения или неуместный крик могли создать лавину, которая легко бы разорвала людскую цепь. В этом случае ездовые олени смешиваются с дикими и надо снова начинать гоньбу. Несмотря на принятые предосторожности, гоньбу пришлось повторить четыре раза, и лишь на пятый удалось медленно подогнать быков к выходу. Несколько оленей были заранее привязаны внутри загородки для приманки остального табуна. Олень всегда спокойно идет к стоящей спокойно же группе.

Когда головные быки зашли в загородку, тишине настал конец. Люди с громкими криками погнали задние ряды. Все стадо ринулось за передовиками к соблазнительному выходу. Настал черед Марии, которая выскочила из-за прикрытия и перегородила дорогу оленям. На помощь Марии пришла жена Пиненкэу.

Внутри загородки в кучу смешались рога, головы и ноги. Пастухи бесстрашно вошли в круг, начали выводить оленей

и запрягать их по одному в каждую нарту. С этим делом провозились часов до двух. Наконец все было готово и караван разбит на звенья. Впереди каждого звена помещались легкие санки звенового вожатого, запряженные парой быков. Кавранто один уехал вперед; след его санок должен был указывать путь каравану. Ему же вменялось в обязанность назначать места для ночевок и корма оленей.

Караван растянулся более чем на километр. У Тепенкау и Кавранто в трех звеньях было около полсотни нарт. Тридцать нарт экспедиции также оказались разбитыми на три звена, во главе которых стали Рентыургин, Первак и брат Тепенкау — Тепеней. Скляру запрягли пару ламутских оленей и показали, как надо пользоваться погонялкой, ибо ему предстояло разъезжать отдельно от всего отряда в поисках обнажений. Мария подвязала к ногам лыжи-снегоступы. До приезда Васильева ей поручалась шагомерная съемка, так как одометр должен был привезти Гаврилыч, а пока расстояния приходилось измерять шагами.

Сзади всех гнал табун брат Кавранто.

Ровным полотном лежала впереди дорога по правому берегу реки Белой. За три дня отошли от Усть-Белой не более чем на 25 километров. Двигались настолько медленно, что Скляр заподозрил какие-то козни со стороны Тынян-Пиляу. На четвертый день закрутила такая пурга, что даже в пологу казалось, что вот-вот разнесет ярангу. На пятый день примчался сам старик. Его выдержки как не бывало. Он что-то долго сердито говорил Рентыургину, пока женщины ставили для него отдельный полог. Оказалось, что у старика взяли оленей по исполнительному листу, и теперь он начал изливать свое горе перед Скляром. Тынян-Пиляу не забыл сказать и о том, что вот, мол, хотел он продать еще несколько оленей для экспедиции и послать одного из своих сыновей на все время кочевки, но теперь не может этого сделать, так как вместе с отобранной тысячей быков ушел от него и пастух с семьей. В заключение старик пожалел, что продал таких хороших быков. Он уже не интересовался, как прежде, экспедицией и даже приказал Кавранто не подходить близко к Мухоморной, не желая встретить Чекмарева, на которого он больше всего злился за то, что, благодаря его разъяснительной работе, местный совет запретил Кавранто заниматься перепродажей мехов. Повидимому, Кавранто вел большие торговые операции. Однажды, когда Первак нечаянно опрокинул примус и керосин потек под шкуры, жен-

щины вынуждены были раскрыть нарту Кавранто, причем обнаружилось, что она была наполнена самыми первосортными пыжиками.

Рентыургин вдруг заболел. Он долго крепился, но температура поднялась до 40° и начались озноб и рвота. Пришлось отправить его в Усть-Белую вместе с Тынян-Пиляу. Отряд остался без «языка». Двигаться стало труднее. Необходимо было держаться ближе к горам, синеющим слева, но Кавранто упорно уклонялся вправо, к реке, ссылаясь на то, что в горах, мол, очень плохие корма.

Весна торопилась. В полдень снег начинал подтаивать, а за ночь образовывалась плотная корка наста. Солнце светило в спину, так как караван шел вдогонку своей тени на север.

Однажды ночью партию нагнал Чекмарев, сообщивший, что Гаврилыч уже проехал на Мухоморную. От Усть-Белой до Сталино было всего лишь 100 километров, но на этот переезд затратили тринадцать дней. Кавранто не торопился; он мог в любую минуту бросить партию, но видимо считался с тем, что получил вперед плату.

Наконец открылись знакомые по зимней поездке Мухоморинские утесы. Первак уже освоил пастушьи навыки. Правда, у него не было еще той ловкости, которой гордятся чукчи, и его чаат не летал по воздуху безукоризненно правильными петлями и не ложился так ловко вокруг шеи бегущего оленя, но все же было теперь ясно, что старожилы напрасно пророчили отряду неудачу.

Рентыургин нагнал партию у поселка. Он переболел оспой-ветрянкой и, не дождавшись полного выздоровления, ушел из больницы. С Василием Гаврилычем караван чуть было не разминулся в пути. В Маркове ему удалось нанять одну упряжку собак. Это сделать было нелегко, так как камчадалы разъехались в Пенжино и Каменское подкармливать «собачек». Корма в Маркове почти не было, и собакам выдавали половину, а иногда даже и одну треть нормы. Ехать Васильеву надо было во что бы то ни стало, чтобы не подвести партию Скляра. Меньшиков выделил Гаврилычу из своих небольших запасов часть юколы и собрал еще одну упряжку. Скляр поджидал Васильева и радиста к 1 апреля, но им удалось выехать только 30 марта, причем на переход до Усть-Белой требовалось 4 дня. Чтобы заставить собак двигаться быстрее, приходилось слезать с нарт и самим бежать за ними вдогонку. Такой метод «езды» был для Ва-

сильева делом привычным, так как всего две недели тому назад он получил хорошую тренировку, идя за нартой от Маркова до Еропола на протяжении 100 километров.

Полтора месяца тому назад Васильев писал Скляру:

«Выедем из Маркова на Еропол и, закончив определение астропунктов, тронемся вверх по Анадырю до Мичкиревой, а затем напрямик на Усть-Мухоморную».

Сейчас из-за отсутствия корма для собак и оленей все вышло совсем не так. Радист Добровольский взял у каюра лыжи, а Васильев пошел пешком. Дорога была не везде одинаковая. В свежевыпавшем снегу ноги проваливались по колено, но там, где был только старый снег, итти было очень хорошо. К вечеру астроном и радист добрались до Вакерной. До сумерок оставалось часа два, и можно было бы ехать дальше, но каюры наотрез отказались продолжать путь, так как впереди поблизости не было ни одного поселка или поварни и ночевать пришлось бы в снегу.

На следующее утро выехали на реку Майн, а затем каюры повернули в тундру и, отыскивая среди отдельных островов кустарника следы ранее проезжавших нарт, медленно продвигались вперед. Ориентироваться приходилось по отдельным сопкам, но они были так похожи друг на друга, что человеку, не привыкшему узнавать их издали, зачастую приходилось блуждать целые сутки. Вообще приходится удивляться, как уверенно каюры находят дорогу, хотя бы они проехали по ней всего лишь один раз. Правда, чаще всего они ездят по следам ранее проезжавших нарт, и тогда передовые собаки сами следят за дорогой, но нередко, особенно в тундре, след быстро заметается снегом, и каюру приходится самому выбирать путь.

Солнце склонялось к западу, когда отряд выбрался из тундры на реку Анадырь. Снег здесь был настолько плотно утрамбован сильными ветрами, что не только собаки, но и люди проваливались в нем не больше чем на 5 сантиметров. Перебравшись на другую сторону, каюры решили заночевать и дать отдых собакам. Утром, не дождавшись конца чаепития, Гаврилыч и Добровольский вышли вперед. К вечеру они добрались до поварни, где увидели двух упряжных собак. Через низкую узкую дверь протиснулись во внутрь. В темноте слышались голоса, но людей не было видно.

— Кто здесь? — окликнул Васильев.

— А-а! Василий Гаврилыч, это вы? Ну, здорово дружище!

— Начальник экспедиции! Как вы сюда попали?

— Ананий Михайлович! Вы какими судьбами?

— Как видишь, проводил Скляра на Мухоморную, а теперь еду проведать Меньшикова.

— Как, разве Скляр вышел из Усть-Белой?

— Да, сегодня утром.

— Значит, мы опоздали?

— Немного, но это не беда, вы их нагоните, — успокаивает Гаврилыча Ананий Михайлович.

— Нагоним! А на чем? Каюры брались довезти нас только до Усть-Белой, дальше они не поедут, так как нет корма собакам.

— Ну, так попробуйте их уговорить.

— Уговорить? А у вас, Ананий Михайлович, есть корм?

— Немного есть, но он нужен будет, когда я поеду из Маркова в Ново-Мариинск.

— Вы, Ананий Михайлович, может быть уступите часть нам, а себе потом где-нибудь найдете?

Ананий Михайлович подумал и через пару минут решил выделить для упряжки Васильева двадцать мороженых чиров.

С кормом вопрос был улажен, оставалось уговорить каюров. Каюр Васильева, взявшийся довезти его до Усть-Белой, наотрез отказался продолжать путь до Мухоморной, так как до последней было больше сотни километров. Каюры Анания Михайловича, на предложение поменяться маршрутами с каюрами Васильева, тоже запротестовали. Дело в том, что обычно каждый каюр, соглашаясь на перевозку пассажира или груза, связывает с поездкой свои личные дела: одному надо повидаться с родными, другому — заехать за кормом для собак.

Переговоры затянулись часа на три, но все же увенчались успехом. Каюры Васильева согласились вернуться в Марково с Ананием Михайловичем, а его каюры должны были отвезти Васильева и радиста до Мухоморной.

Через три дня Васильев уже ночевал в лесу на полпути между Усть-Белой и Мухоморной. К вечеру начался сильный ветер и погнал поземку. Дорогу так перемело, что собаки не могли итти даже с легким грузом. Дневать было рискованно, так как у собак вышел весь корм. Каюры выжидали и, наконец, решили, что если ветер утихнет часа через три, то они поедут вперед, а в противном случае оставят груз и вернутся в Усть-Белую.

Через два часа ветер немного стих, в воздухе посветлело. Васильев и радист вышли вперед искать дорогу вдоль берега реки Белой. Пробираясь среди редколесья, они то и дело проваливались в глубокий снег. Собаки работали дружно, но по ненаезженной дороге проходили не больше трех-четырех километров в час. Самое трудное, как уверяли каюры, было перейти на другую сторону реки. Прозрачный полутора-двухметровый лед не имел снежного покрова, который ветром сносило к берегу и был отполирован, как наждаком. Сильный ветер дул вдоль реки и сбивал с ног. Держаться было не за что. Нарту с 80 килограммами груза вместе с собаками несло, как под парусом. Чтобы столкнуть ее с места, не требовалось почти никакого усилия, но удержать ее на правильном пути было почти невозможно. Собаки на льду держались еще хуже людей. Сильный ветер ежесекундно сбивал их с ног, и они, не успев встать снова попадали одна к другой под ноги или под нарту. Чтобы облегчить собакам движение, один из пассажиров направлял нарту, упираясь в нее остолом, а другой шел, а иногда просто полз, прикрывая собак от сбивавшего их ветра. На переход стометровой полосы льда затратили целый час. Дальше путь лежал вдоль берега, по чуть запорошенной снегом гальке. К вечеру путники добрались до поселка Сталино.

Во время работы устроились жить в доме местного совета. Скляра с отрядом в поселке еще не было. Васильев воспользовался морозными звездными ночами для астрономических наблюдений. Звезды были прекрасно видны, и Васильев в два вечера закончил определение пункта. На четвертый день от Скляра пришло письмо, в котором он просил Васильева, до его прибытия, пройти со съемкой боковым маршрутом по реке Мухоморной. В качестве каюра Скляр рекомендовал взять знакомого ему местного жителя поселка, чукчу Аймета.

Васильев решил на другой же день выехать на работу. С вечера приготовили все необходимое и попробовали приделать к нарте одометр. Подошедший Аймет пристально посмотрел на непонятное «сооружение».

— Однако, зачем это? Я с ней не поеду, «собачкам» худо будет!

— Как не поедешь? Дал согласие, а теперь на попятную?

— Поедем так, без нее, — настаивал Аймет.

— Без нее ехать — лучше совсем не ехать, а оставаться сидеть здесь в поселке. Я еду не на прогулку, а на работу

Фото И. Скляра

«Геодезическая» упряжка

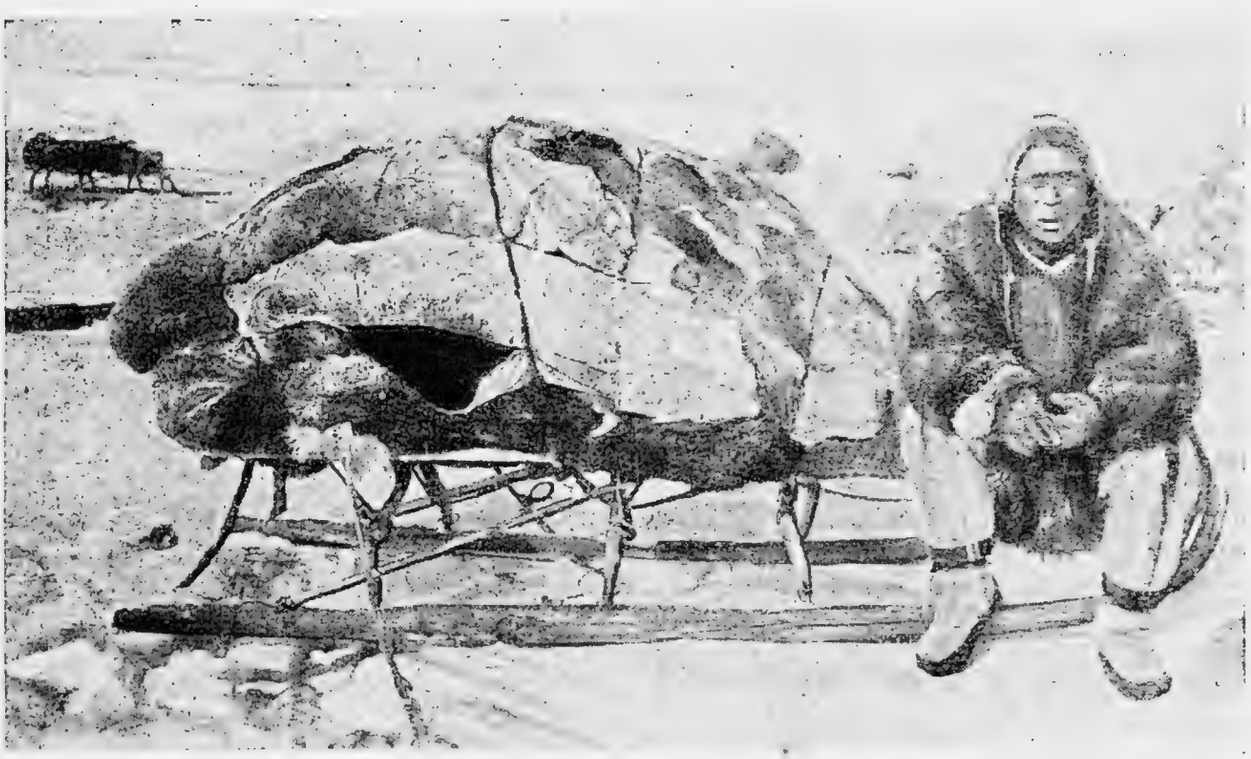

Фото И. Скляра.

Чукотская грузовая нарта

Ты пойми, Аймет: чтобы зарисовать правильно реки, надо знать пройденное расстояние, а как мы будем учитывать его без колеса? Шагами мерить? А кто за это дело возьмется? Если ты согласен итти пешком и считать шаги, я колеса не возьму, а если не хочешь, колесо поедет с нами.

Аймет держался на этот счет своего мнения. Он считал, что колесо — просто ненужная забава, а посмотреть окрестности можно прекрасно и без него. Под конец Аймет все же согласился ехать с «загадочным» колесом.

Утром выехали на работу. Путь лежал вверх по реке, протекавшей по долине, имевшей более 10 километров в ширину и уходящей на восток. Ровная, как футбольное поле, долина была покрыта глубоким снегом, из-под которого только местами виднелись маленькие островки леса и кустарника.

От блестящего снега больно резало глаза, — пришлось воспользоваться темными очками.

Выехав на реку, решили двигаться по льду, так как на нем лежал небольшой слой снега, — ноги почти не скользили. Река сильно извивалась, и Аймет, где это было можно, старался сократить путь. Чтобы взять азимут, часто приходилось приостанавливать движение, это особенно сердило Аймета. Он все время доказывал, что от частых остановок собаки устают больше, чем если бы они непрерывно бежали. К вечеру прошли 30 километров. Для ночлега выбрали место в кустарнике, расчистили снег до самой земли, наложили груду веток, и спальное ложе было готово.

На 40-градусном морозе долго, однако, не проспишь! Поднялись еще до восхода солнца, когда на небе виднелись звезды и только чуть брезжил рассвет. За чаем немножко согрелись и, так как предстоял тяжелый путь, долго не задерживались. Долина реки все время суживалась. С обеих сторон тянулись высокие горы, уходившие куда-то далеко на север. Чем уже делалась долина, тем больше было снега. Сначала ноги проваливались по колено, а потом пришлось итти чуть ли не по пояс. К полудню, пройдя не более четырех километров, совершенно выбились из сил, и пришлось остановиться. Корма для собак оставалось только на одну кормежку, поэтому повернули с реки к горам и по их склонам направились в обратный путь. В тени днем температура держалась около —20—25°, но на солнце снег уже начинал подтаивать. Чувствовалось приближение весны, и можно было ожидать, что через месяц весело зажурчат ручейки.

В поселок собирались возвратиться к ночи, так как до него оставалось не более десяти километров. К сожалению, в сгустившейся мгле было очень трудно держаться правильного пути, — пришлось остановиться еще раз на ночевку. Спешно занялись разбивкой лагеря. С подветреной стороны поставили нарту, а под спальные мешки наложили веток кустарника. Аймет был все время недоволен. Дров не было, надо было использовать редкий кустарник. Сырые ветки долго не загорались. Мелко наструганная стружка и кусочки бумаги все же сделали свое дело, и через полчаса при морозе в 35—40° путники с наслаждением пили горячий чай.

Перед тем как улечься спать, Аймет разулся и натянул на ноги сухие оленьи меховые чулки, вынутые из мешка. Снятые чижи он вывернул на обратную сторону, выколотил их об нарту и положил возле себя вымораживаться. В спальный мешок Аймет полез первым. У Васильева смены чулок не было, и он залез в кукуль, не снимая даже торбазов. На озере потрескивал лед. Мороз усиливался, холод забирался в кукуль, но усталость брала свое, и оба скоро заснули.

В полдень Васильев и радист добрались до поселка, где их встретили Скляр и Мария. За обедом собрали небольшое совещание. Скляр осветил положение с транспортом и указал, что можно было бы уже завтра направиться в дальнейший путь.

— К сожалению, есть маленькое но... — добавил Скляр. — Пастухи-проводники взялись вести только до Мухоморной, а дальше на реку Осиновую должен был итти другой пастух. Он обещался прибыть сюда два дня тому назад, но, как видите, его до сих пор нет.

— Слушай, Андреич! А как ты с ним договаривался?

— Договорился я с ним еще на ярмарке на Усть-Белой. Дал ему в задаток медный чайник, таз, сахару, чаю, табаку, и пастух согласился быть здесь к нашему приезду.

— Он взял задаток? — спросил радист.

— Взял!

— Раз взял — будет обязательно! Чукчи держат этот закон крепко.

Решили подождать еще два дня, а там видно будет. Дни прошли, но пастух как в воду канул. Наутро третьего дня в поселок заехал кочевник-чукча. У него спросили, не знает ли он, где сейчас находится законтрактованный отрядом пастух. Назвали имя. Чукча силился вспомнить, перебирал приметы и, наконец, указал на его местопребывание.

— Так что же, он собирается сюда приехать или нет?
— Нет, не приедет!
— А почему же?
— Этого я не знаю.

Без проводника отряд оставался как без рук. Завербовать кого-нибудь в Сталино, хотя бы и за очень хорошую плату, не удалось. Кое-как Скляр уговорил пришедших с ним сюда пастухов проводить караван километров на сорок, поближе к горам. Васильев отправился в Смежную за подрядившимся ранее проводником.

Через день Васильев был уже у цели. Пастух оказался на работе в Оленсовхозе. Васильеву пришлось выехать в стойбище за три километра от поселка. Собаки почуяли оленя и понеслись во всю прыть, хотя всю дорогу до пастбища они еле-еле плелись. До ближайших оленей оставалось всего около 200 метров. Казалось, что вот-вот собаки врежутся в стадо и начнут рвать беззащитных животных. Метров за пятьдесят от табуна Аймет пулей соскочил с нарты и так накренил ее, что Васильев, как пробка, выскочил в снег и кубарем покатился под откос. Через несколько секунд перевернутая и подпертая остолом нарта стояла неподвижно у ближайшей яранги.

День был солнечный, и все население стойбища проводило время на свежем воздухе. Пастуха и здесь не оказалось. За ним послали в табун ребят. Через полчаса пастух явился вместе со своим отцом. Через Аймета Васильев начал выяснять причину его неявки. Пастух мялся, было видно, что ему крайне неприятно отвечать на вопросы, но истинную причину своего поступка он почему-то скрывал. После часовой беседы все выяснилось: у Оленсовхоза нехватало пастухов, и он нанялся здесь на работу. На его заявление администрации о том, что он обещал работать Скляру и взял с него задаток, дирекция совхоза обещала все дело уладить.

Теперь пастух ни под каким видом не соглашался бросать место своей службы, и Васильеву пришлось возвращаться в лагерь без проводника. К ночи он добрался до поселка Мухоморное, а на другой день продолжал путь к хребту Пекульней.

День выдался трудный. Еще с ночи начало нести поземку, а к утру разыгралась настоящая пурга. Следы каравана чуть-чуть выступали на поверхности снежного покрова. У реки Малая Осиновая следы исчезли, и Аймет держал путь наугад. Впереди за пятьдесят метров все скрывалось

в слепящей глаза пурге. На берегу реки в кустарнике решили сделать привал. Для привычных рук Аймета развести на сильном ветру костер и вскипятить чай — было делом пяти минут. Он достал из мешка большого мороженого чира и стал его строгать. Тонкие пластинки свежей рыбы летели из-под ножа, как стружки из-под рубанка. При помощи этих «стружек» Аймет быстро развел большой огонь.

После чая продолжали путь. К вечеру начал стихать ветер, перестал итти снег, и видимость значительно улучшилась. Случайно напали на следы оленя, но следов от нарт на снегу не было видно. Аймет повеселел. Он все чаще и чаще начал подбадривать собак, которые послушно усиливали бег. Скоро выехали на высокий холм. Аймет остановил нарты и пристальным взором окинул местность. На севере виднелась чуть приметная точка.

— Чукчи! — радостно закричал Аймет.

— Чукчи, говоришь? Сейчас посмотрим! — Васильев взялся за бинокль.

Сомнения не было, — несколько яранг расположились неподалеку одна от другой. Это открытие было очень кстати, так как, если бы здесь не оказалось Скляра, чукчи знали бы, где его можно найти и, кроме того, в ярангах можно было переночевать и отдохнуть. Минут через сорок путники подъезжали к стойбищу. Встречать прибывших вышли все, от малого до старого. Оказалось, что Скляр прибыл сюда еще вчера, но, опасаясь спутать своих оленей со стадом чукчей, разбил свой лагерь в трех километрах в стороне. Аймет остался чаевать у чукчей, а Васильев на паре оленей через двадцать минут достиг лагеря Скляра.

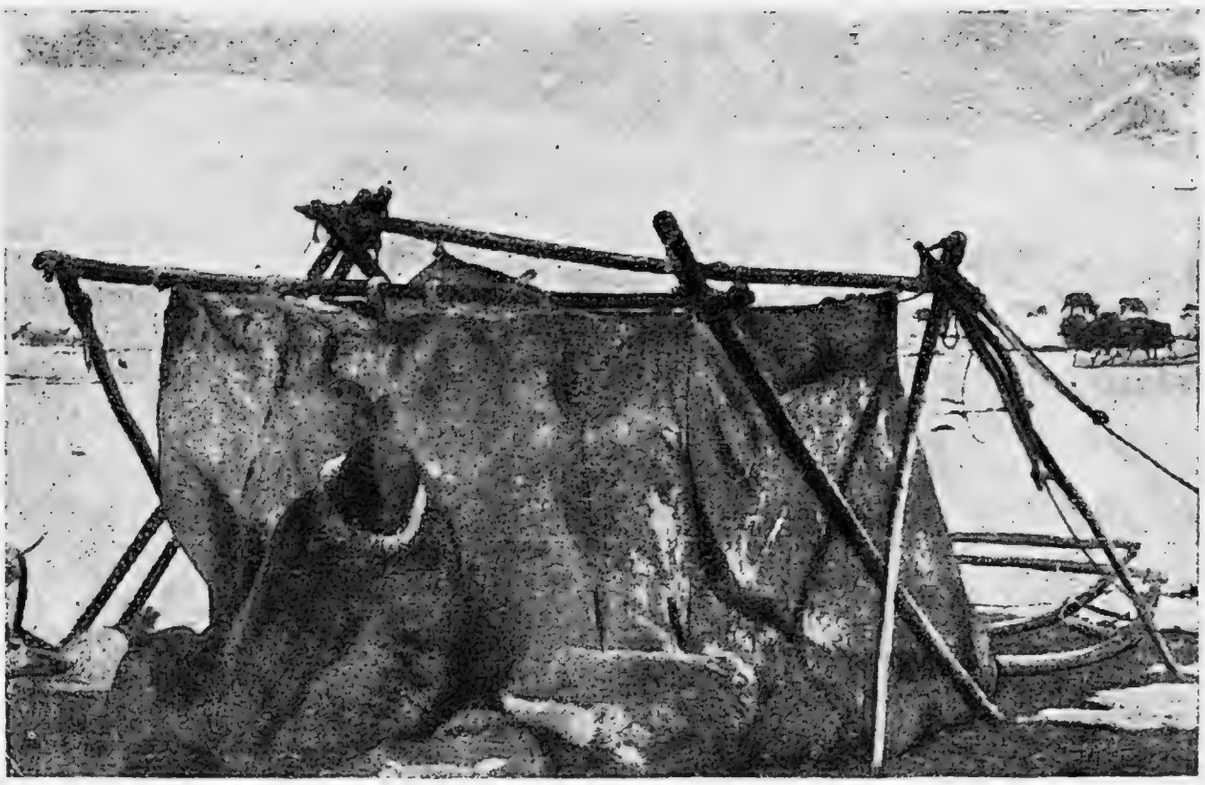

Фото И. Скляра

Зимняя палатка-полог

Фото И. Скляра

Работники отряда за починкой упряжки

ГЛАВА IX

Не дожидаясь возвращения Гаврилыча со Смежной, Скляр и Мария направились в северо-восточном направлении к горам Пекульней. Кавранто долго капризничал, не желая итти дальше, но в конце концов согласился проводить партию до стойбища Омрытагина, кочевавшего где-то в долине Ирумки.

16 апреля отбили своих оленей от табуна Кавранто и отогнали километра на три в сторону. Первый раз заночевали в собственных пологах.

Неожиданно в лагерь заехал зоотехник Оленсовхоза Сережа Скориков. Оказалось, что он кочевал с вновь закупленным табуном Оленсовхоза в долине реки Осиновой. Скориков обещал дать партии проводника из числа пастухов, перешедших с семьями в Оленсовхоз. Среди них был один бедняк-чукча, имевший всего десять быков. У чукчи была семья, состоявшая из жены и двух дочерей, одна из них была еще совсем ребенок, а другая — девушка лет пятнадцати. Пастухи почему-то не хотели кочевать с этим чукчей, и он должен был искать себе нового хозяина, так как с десятью оленями в тундре не проживешь.

После ярмарки ни один из богачей не хотел принимать к себе новых пастухов. В стойбище Омрытагина сам Игы (так звали будущего спутника партии) не хотел итти из каких-то собственных соображений. Скориков обещал уговорить его присоединиться к экспедиции.

Условились, что Кавранто доведет партию до Омрытагина, где Скляр возьмет проводника до табуна Скорикова и уже отсюда пойдет с Игы.

Первый день самостоятельной кочевки положительно всех измучил. Оказалось, что чем меньше табун, тем быстрее бегут олени.

Все дело портили дикие олени, которых было слишком мало для того, чтобы отделить от пряговых быков; на них махнули рукой и загнали в загородку всех целиком. Дикари били копытами и быков и людей, калечились сами, ломали загородку и увлекали своим примером остальных быков. Даже смирная Еврашка скакала по тундре, задрав свой короткий «заячий» хвостик.

Местность, по которой шел отряд, представляла собой всхолмленную низину с возвышающимися кое-где базальтовыми сопками. К вечеру сопки собрались в группы и гряды, образовав водораздел рек Энмувима и Ирумка. Водораздел пересекли в его пониженной южной части. С вершины пологого холма открылась широкая долина реки Ирумка. Эта река, как и Белая, вилась замысловатыми петлями, образуя перекаты и незамерзающие полыньи. К востоку, уже совсем близко, развертывалась панорама хребта Пекульней. В свете яркого апрельского дня над обширной долиной подымались островерхие, конусообразные горы. Отдельные вершины имели форму правильных пирамид. Черные пятна голых скал четко вырисовывались на фоне синих или белых снежных полей. Воздух был настолько прозрачен и чист, что хребет Пекульней казался совсем близким, хотя до окраинных его цепей оставалось еще не меньше шестнадцати километров.

Сразу же за Ирумкой партию встретили колхозники из коллектива Омрытагина, пришедшие сюда по просьбе Скорикова. Кавранто уехал на другой день, даже не простившись со своими спутниками, что было очень уж похоже на бегство.

В апреле покой незабываемо ясных дней часто еще нарушался злейшими метелями. Такая пурга остановила караван вблизи стойбища Омрытагина. Здесь партию нагнал Гаврилыч, и здесь же окончательно распрощались с Айметом.

Наконец, партия подъехала к стойбищу коллектива Омрытагина. Местность кругом состояла из холмов неправильной формы и мелких озер, лежащих на разных уровнях. Подошедшие с востока горы были сглажены; долины и перевалы имели корытообразную форму, присущую местностям, пережившим ледниковый период. До сих пор в краевой литературе оставался спорным вопрос о наличии и формах бывшего здесь оледенения, поэтому раскрывшийся перед глазами явно моренный ландшафт приобретал большое значение. Издали казалось, что яранги расположены на краю

отвесного обрыва метров 40 высотой. Подойдя к спуску, можно было видеть, что обрыв имеет наклон около 60 градусов.

Коллектив Омрытагина обязан своим существованием исключительно инициативе Чекмарева. Немало труда стоило ему доказать беднякам, что им выгоднее объединить свои маленькие стада в одно общее, чем итти в пастухи к богатым чаучу. Ныне во главе коллектива стоит пожилой чукча Омрытагин. Под его руководством табун непрерывно растет, колхозники сыты, у всех имеются крепкие яранги и теплые полога. Лучших песцов на ярмарку привезли их артельные посыльные.

В коллективе встретили много знакомых, которых во время ярмарки на Белой экспедиция угощала в своем домике. Вскоре подъехал сам Омрытагин. Он ездил за волком, попавшим недавно в капкан; зверь оборвал цепь и унес капкан на защемленной ноге. Омрытагин его нагнал, убил и привез в стойбище. Волк лежал на нарте во всю ее длину. Это был огромный зверь с роскошной пушистой шкурой; с правой задней ноги еще не был снят погубивший его капкан.

Совершенно незаметно подошли белые ночи. В полдень солнце припекало так, что нарты глубоко вязли в рыхлом снегу. Пришлось переключиться на ночные кочевки. Тундра покрылась лысыми проталинами. Олени меняли рога, линяли, худели и были очень раздражительны. Личинки оводов во множестве ютились под кожей животных и в носоглотке. Олени непрерывно чихали, окрашивая снег брызгами крови. Все это было явным признаком наступления весны. Местные чукчи весьма критически относились к плану отряда — добраться по снегу до Канчалана. Впрочем, чукчи в большинстве случаев не имеют представления о местностях, лежащих за Пекульнеем, и о Канчалане знают лишь понаслышке. Места их кочевок располагались в долине рек Белой и Ирумки, где они и проводили всю свою жизнь.

Надо было торопиться, чтобы не застрять где-нибудь в горах вдали от Канчалана. Задержка в пути обрекала экспедицию на вторую зимовку.

30 апреля остановились близ скориковского табуна, а 1 мая приехал в гости сам Скориков с тремя пастухами, среди которых был Игы. Праздник отметили дневкой и стрелковыми состязаниями. На радиомачте гордо развевался красный флаг. День был пасмурный, кружились снежинки.

Игы был еще не стар. Глаза у него постоянно бегали по сторонам, широкий рот расплывался в улыбке. Вся его фигура была олицетворением тонкой хитрости. На Канчалане он не бывал, но дорогу на Танюрер, как будто бы, знал. Договорились о цене. Игы намеревался подкочевать к лагерю дня через два, когда отряд остановится вблизи табуна колхоза.

В дальнейший путь пошли по реке Осиновой. Ехавший впереди проводник вдруг остановился, круто повернул оленей к берегу и испуганно закричал:

— Миммель (вода)!

Взобрались на холм и, оглянувшись назад, увидели, как по льду реки несся бурный поток воды от растаявших в горах наледей. Было и радостно и страшно смотреть на веселые, говорливые струйки. Радостно — потому что люди привыкли всегда встречать весну и солнце улыбкой, страх же основывался на возможности застрять где-нибудь поблизости и остаться на вторую зимовку.

В том месте, где долина реки Осиновой сузилась до 5 километров, ее перегородила большая морена. На ней и был разбит последний лагерь в бассейне реки Белой. Отсюда в один из погожих дней на севере увидели белые, похожие на облачка, далекие вершины Анадырского хребта. Партия должна была повернуть на восток, перевалить на низменную часть Пекульнея, называемую чукчами Бараньими горами, и выйти в долину Танюрера.

Пока Гаврилыч с помощью радиста определял астрономический пункт, подкочевал со своей семьей Игы. Старшая дочь Игы, Вильгичейнэ, была веселая, живая девушка, сразу же очаровавшая всех своим нравом, любознательностью и готовностью помочь каждому. Она впервые сталкивалась с русскими и с их бытом. Совсем настоящая «дикарочка». Что ни скажешь — спешит повторить и запомнить незнакомые слова, а после просит Рентыургина объяснить их значение. Игы оказался вспыльчивым, ворчливым и ленивым человеком, но зато Вильгичейнэ работала за двоих.

Недалеко от астропункта в реку Осиновую впадала небольшая речка. По ее островам разросся тополевый лес. Чем дальше к северу, тем приречный кустарник становился ниже и беднее. На земле лежали поваленные стволы деревьев в два обхвата толщиной.

Пройдя мимо рощицы, отряд поднялся метров на 300 над уровнем долины и попал словно в Швейцарию. Перед гла-

Фото И. Скляра

Фото И. Скляра

Вильгичейнэ — дочь пастуха Игы

зами, среди крутобоких гор, лежало длинное узкое озеро с ровной, как зеркало, поверхностью.

Гаврилыч долго стоял на месте.

— Бывал я на Кавказе, а такой красоты еще не видывал!

Все притихли, — будто вошли незваными гостями в строгую лабораторию, где каждой мелочи отведено свое место и где нельзя шутить и громко говорить. Было торжественно и изумительно тихо.

Озеро и окружающие его горы назывались Бараньими. Самих баранов увидеть не пришлось, но четкий их след не раз пересекал дорогу партии.

Перед тем как тронуться вдоль озера, пришлось 18 часов подряд гонять оленей. Животные не хотели слушаться, как бы предвидя тяжесть предстоящего пути. Лишь на другой день после безрезультатной гоньбы, безжалостно расстреляв двух бегунов-дезорганизаторов, удалось переловить оленей.

Искусство управления оленями не сложно, но требует сноровки: например, к чукотскому пряговому быку нельзя подходить слева, оленей нельзя менять местами в упряжке, так как только правый понимает и слушает команду. Пряговые быки всю жизнь проводят на каком-нибудь определенном амплуа. Среди них есть «правые» и «левые», и каждый из них приучен к своему месту в упряжке. Олени не слушаются крика; управлять ими приходится тихим посвистыванием и легкими ударами палочки с костяным наконечником. При помощи этих приемов оленей можно заставить бежать любым аллюром.

Чтобы обеспечить Гаврилычу спокойную работу и не отвлекать его внимания возней с оленями, его упряжку привязали к нарте Марии.

Выехали на лед. На четвертом километре Ваня Рентыургин, гнавший свободный табун, нагнал караван. Вдруг три оленя повернули обратно в лагерь. Желая помочь Ване, Мария остановила свою упряжку и побежала наперерез к беглецам. В это время правый бык упряжки Вани повернул к табуну и с разбега врезался в самую его гущу. Олени бросились врассыпную, увлекая за собой быков Марии. Все это произошло в одно мгновение, и Гаврилыч не успел спрыгнуть с нарты, чтобы остановить переднюю упряжку. Олени, сделав несколько широких кругов по льду, бросились вверх по склону горы, из-под наста которого торчали острые камни. Нарта Гаврилыча почти висела над откосом. Несущиеся олени круто повернули за выступ горы. Гаврилыч держался

одной рукой за нарту, а другой прижимал планшет к груди.

Мимо пробежали Иван и Первак.

— Карауль аргиш! Береги табун! — кричали они Марии на ходу.

На другой стороне озера Добровольский, торопливо привязав собак к утесу и роняя на бегу рукавицы, помчался на помощь отряду.

Наконец показались запыхавшиеся Первак и Гаврилыч, ведшие успокоившихся оленей.

— Послушай! — крикнул Добровольский, — одометр-то уцелел! Хорошая, крепкая работа!

Баранье озеро вытянулось в длину километров на 30. В восточном его конце брала начало речка Тырьпеургин, по которой предстояло выбраться в долину Танюрера.

Весенние дни и ожившая река Осиновая остались позади; за перевалом караван встретил глубокие снега, бешеные ветры и пургу. Казалось, что вернулся март месяц.

Здесь пришлось помучиться больше, чем с лошадьми на Канчалане.

Олени по шею проваливались в рыхлый снег, заполнивший ущелье. Звеновые ползали от одного оленя к другому. Даже на лыжах человек тонул в сугробах.

На третий день долина раздалась вширь на километр; впереди открылась величественная панорама. Слева в тумане и в облаках высились горы, на которых лежал нетронутый снег. Причудливые очертания вершин, как башни готических построек, и цирки, зиявшие зевами провалов, почти вплотную подходили к реке. Ближе всех стояла гора в форме гигантского накрытого скатертью стола.

Резкий ветер гнал в долину снеговые тучи, которые скатывались вниз, осыпая землю снежными лепестками. Горы словно стряхивали с себя ненужный груз.

К югу долина расширялась, и горы левого берега, постепенно снижаясь, поворачивали к юго-востоку.

По правому берегу реки Танюрер тянулась гряда Пекульнея. Там высоко поднимала свою вершину остроребрая гора Учкипай (Тоненькая).

С трудом перебрались через реку, промерзшую до дна. Лед местами потрескался, образуя опасные трещины, запорошенные снегом.

Олени часто оступались и падали. Идущие впереди быки прыжками одолевали препятствие, затягивая потяги на шее упавших.

Лагерь разбили на левом берегу, у подножия горы Учкипая. Здесь необходимо было определить астропункт. Гавриличу для определения координат нужны были звезды и солнце, а погода все хмурилась и сплошные тучи плыли над горами, задевая за их вершины.

Игы заявил Скляру:

— Дальше я дороги не знаю. Слышал только, что чукчи здесь поблизости кочуют. Может быть назад пойдем? — прибавил он, помявшись.

Игы страшно боялся оказаться летом вдали от жилых мест, так как и у него и у партии табун состоял из одних только быков. Такие табуны ненадежны, — олени разбегаются в поисках важенок. Кроме того чрезвычайно опасными являлись имевшиеся здесь мошки и комары, нередко превращавшие богатых оленеводов в нищих.

Было решено поискать чукчей в окрестностях. Ваня запряг своих собачек и поехал «искать счастья».

18 мая в небе показались журавли, а к вечеру Добровольский подстрелил на-лету гуся. Весна пришла и в долину Танюрера. Куропатки постоянно кружились на проталинах. День и ночь не умолкала пронзительная перекличка птичьих голосов.

Через два дня приехал Рентыургин. Уже издали по довольному выражению его лица можно было угадать удачу. Действительно, Ваня сообщил, что километрах в 30 отсюда, по ту сторону гряды, находилось большое стойбище с огромным табуном и большим количеством пастухов. Табуны принадлежали старому Вуук-Вукаю.

Последний не на шутку испугался, увидев нарту, запряженную собаками, так как сюда еще не забирался ни один камчадал. Когда же хозяин узнал, что вблизи находятся русские, он выскочил из полога и приказал пастухам гнать табун дальше от стойбища, несмотря на то, что отел был в полном разгаре. Он долго расспрашивал, куда и зачем идут русские.

Вуук-Вукай сам на ярмарке не был, однако знал о решениях местного съезда, так как «чукотский беспроволочный телеграф» быстро разносил по тундре все новости.

— Но это ничего! — закончил Ваня свой рассказ. — Вуук-Вукай — кулак и собакин сын, но он от нас не спрячется. Он не птица, по земле свое добро повезет. Теперь пурги нету, по следу найдем, а там уж ты, Андреич, с ним говори!

Вечером Игы снова пришел в полог к Скляру.

— Мои олени худомозглые стали, не пойду дальше. Останусь у Вуук-Вукая. Кочуй дальше один.

— Что ж, иди, если хочешь, — махнул рукой Скляр.

Образ жизни Игы был несложный: или Игы спал, или у него живот болел. Вильгичейнэ и у табуна дежурит, и днем работает, помогая матери, а Игы из полога ленится выйти, здесь же у костра исполняет все свои естественные надобности. Не слушается олень, на чаат не ловится, — садится тогда Игы на корточки, визжит, как бесноватый, от злости чаат грызет.

Ночью дождались мороза, и Ваня повел караван ближайшей дорогой к стойбищу Вуук-Вукая. Наутро, не успели поставить полога, как явились пастухи. Один из них все время болезненно морщился, держась руками за живот. Оказалось, что у него была грыжа и несчастный все время должен был ее поддерживать, так как иначе она мешала ему при ходьбе.

Чукчи с любопытством рассматривали приезжих. Они впервые в жизни видели русские лица и русскую утварь. Обступили нарту Марии. Она им говорит «здравствуйте», а они только руками размахивают.

— Каку-мэй? Русская неушка оленями правит?

Они рассказывали, что обычно вблизи этих мест никто не кочует. Дорога на Канчалан имеется, и даже не одна. Скляр сказал, что хочет пройти наиболее северной из них. Старший пастух, тот, у которого была грыжа, покачал головой:

— Олени у вас плохие, нельзя ту дорогу выбирать, да и время уже позднее. Однако, если оленей не жалко, пожалуй, дойдете. Только людей не скоро встретите, и не знаю, как сами найдете дорогу.

— Может быть кто-нибудь из вас проводит? Мы хорошо товарами заплатим!

— Сам я не могу! Видишь, живот в руках ношу, а сын мой пожалуй пошел бы. Вот хозяину скажет — и пойдет.

Позже приехал сам Вуук-Вукай с двумя сыновьями. У отца было узенькое лицо, седая, почти белая, жиденькая борода, глазки маленькие, видимо — трахомные. Седые космы на голове уцелели только у висков. Улыбаясь, он обнажал остатки коричневых зубов. Сыновья Вуук-Вукая смотрели исподлобья, делая вид, что ничем не интересуются.

Старик начал торговлю, высыпав кучу выпоротков. Все — «отборный» брак.

— Мне сахар нужен, возьмите шкурки!

Иван приценился. У него рубаха давно от пота коробом стояла. Старик потребовал примус, сахару, масла, муки и ситцу.

Первак разозлился:

— Немного ли ему натощак будет? Скажи-ка ему, Ваня, что у нас есть пыжики, пусть это барахло себе бережет.

Старик тоже обозлился и кое-как запихал рухлядь в мешок.

Ваня завел разговор о проводнике, указав на пастуха, изъявившего согласие итти с отрядом до первого встречного чукотского стойбища. Вуук-Вукай крикнул что-то пастухам, те неохотно поднялись и пошли прочь.

— Приказал им в табун итти, — перевел Рентыургин. — Я ведь говорил, что он собака.

Ваня сердился, но, владея собой, долго уговаривал старика.

— Нет у меня свободных людей, важенки телятся. Дело у каждого есть. Про дорогу вам рассказали, ну, и поезжайте сами. Меня нашли, значит и других найдете.

Сыновья Вуук-Вукая подобрали мешки и направились вслед за отцом к нартам. Игы увязался с ними, однако скоро вернулся страшно злым. Оказалось, что Вуук-Вукай в свое стойбище его не принял.

Наутро Скляр отдал распоряжение двигаться каравану дальше, а сам поехал с Иваном к Вуук-Вукаю. Поздно вечером он вернулся вместе со стариком и его зятем.

— Неужели сам поедет? — удивился Гаврилыч.

— А почему же и нет? — сказал Скляр.

— Но как же ты его уговорил?

— Очень просто!

Скляр рассказал, как было дело.

Старика он застал за дележкой туши оленя. Оказывается, он сам распределял мясо не только пастухам, но и своим домашним, и всех держал впроголодь. Табун у него был действительно огромный. В настоящий момент настал период отела, и быки были отогнаны в другую долину.

Увидел старик Скляра и даже затрясся:

— Зачем пришел?

Скляр достал блокнот и написал на листочке: «Предъявитель сего оленный чукча Вуук-Вукай отказался помочь экспедиции Всесоюзного Арктического института. Долина Безымянной реки. Май 1932 г.».

Рентыургин передал записку старику.

— Ну, а теперь пойдем, Ваня!

Немного успели отъехать, как видят, что старик выскочил из полога, что-то кричит и руками размахивает. Еще немного проехали, видят — догоняют двое. На передней нарте несется сам Вуук-Вукай, позади него торопится зять. Скляр и Ваня прибавили ходу, и старик нагнал их уже у самого лагеря.

Ваня просунул голову в полог.

— Вуук-Вукай очень просит бумажку назад взять. Говорит, что и без нее поедет. Боится он бумажки этой!

— Ну, уж нет! Пусть проведет отряд на Качкаургуам, тогда бумажку обратно возьму, но никак не раньше. Так и передай. И передай еще, что за работу мы ему заплатим, — категорически заявил Скляр.

Чем дальше шли к востоку, тем сильнее сказывалась весна. Днем было томительно жарко, хотя температура не поднималась выше восьми градусов. Журавли стаями летели на север, и их курлыканье было слышно повсюду. Зимняя тишина тундры уступила место несмолкающему шуму. Журчанье ручьев и птичий гомон наполнили долину. На кустарнике надулись почки, хотя самые кусты еще стояли в глубоком снегу.

В одной из долин путь пересек огромный след проснувшегося после зимней спячки хозяина гор — бурого медведя.

Мария и Скляр постоянно отставали от каравана в поисках обнажений. Все чаще и чаще приходилось подбирать упавших от истощения оленей. За караваном всегда шел маленький табун «про запас». Упадет один олень — его оставляют лежать, авось отдохнет и догонит. У животного глаза прикрыты, нос горячий, снег кругом усеян личинками и кровавыми брызгами. Оленю помогают встать; стоит, бедняга, с опущенной вниз головой и расставленными врозь ногами. Караван уходит; если олень бредет за ним помаленьку, значит все в порядке, если только зверь его не съест.

Люди тоже вконец измотались. Из двадцати четырех часов в сутки тринадцать уходит на кочевку. За вычетом времени, затраченного на приготовление пищи, запись дневников и разборку и упаковку образцов и фотоснимков, на сон остается не более 5—6 часов. В конечном счете этот срок был не так уже мал, так как отоспаться можно было на дневках и в непогожие дни, но на непривычного человека чрезвычайно плохо действовала здешняя весна. Воздух был,

как молодое вино, пьешь — не пьянеешь, но и с места не встанешь. Кочевать стали по ночам, видимость для работы была хорошая, но совершенно некуда было скрыться от постоянного рассеянного света. Не раз случалось засыпать, сидя на нарте; очнется человек, смотрить — олени лежат, тоже рады случаю отдохнуть, упряжь спутана, погонялка вывалилась из рук.

Обычно ехали порознь. Впереди шел караван, сзади, несколько поодаль, Василий Гаврилыч и по обеим сторонам долины — Мария и Скляр.

Спасались от дремоты тем, что, сойдясь вместе по пути, совали друг другу за воротник снег.

Проводники чуть не каждый день просили отпустить их домой, но Скляр был неумолим, и проводникам оставалось только отводить душу за чаем и едой. Пили и ели они так, что даже Игы удивлялся, а уж он ли не был мастером покушать!

Наконец добрались до главного водораздела между бассейнами рек Танюрера и Канчалана. Забрались на одну из самых высоких гор. Взор обратили прежде всего на север, где должен был находиться Анадырский хребет, до сих пор не пересеченный еще ни одним геологом. Заманчивого хребта, однако, не увидели. Он был скрыт ближайшими горами. Горы были невысоки и без выдающихся вершин и приметных точек.

В целом этот лабиринт создавал величественную, но и тоскливую картину. Положительно нехватало терпения постоянно видеть себя в этом первозданном хаосе. На востоке горы еще более снижались. В широких долинах темнели кустарники. Как на ладони, было видно расположение рек, но, так как Вуук-Вукай не пошел на гору, то никто и не знал, которая же из этих рек Качкаургуам. Через день, спустившись с водораздела, путники увидели на другой стороне долины несколько яранг. Проводников можно было отпустить домой. Они съездили к ярангам и, возвратившись, попросили себе на дорогу еды и чайник. Из предложенных товаров взяли только сахар, а остальную плату потребовали деньгами. К неописуемой радости Вуук-Вукая, Скляр взял у него свою записку. Старик даже в сторону отскочил, словно «страшный» листок мог опять оказаться у него.

Дорога по другую сторону перевала оказалась очень плохой. Пошел мокрый снег, сменившийся скоро дождем. В тундре был хорошо виден каждый ручеек, но в лож-

бинах вода предательски накапливалась под снегом. Одну из рек пришлось переезжать уже по воде, идущей поверх льда.

Ваня Рентыургин, не обращая внимания на проливной дождь и слякоть, отправился на разведки в стойбище.

В палатке начальника отряда было созвано производственное совещание. По расчетам Скляра, Канчалан был уже недалеко. Перед отрядом стала задача — пристроить оленей на пастбище, оставив для летнего продвижения только годных под вьюк быков. Своими силами уберечь весь табун для партии было невозможно, и тратить на это энергию было нерационально, так как кочевка подходила к концу. Оленей следовало бы продать при наличии покупателей или, в крайнем случае, отдать на сохранение.

Рентыургин вернулся не в духе:

— Опять кулаки, да еще похуже Вуук-Вукая! Эти каждый год летом кочевали в залив Креста и торговали там с американцами. Теперь они прячут здесь свои табуны. Вон, смотри, сюда уже идут!

Вошли четверо чукчей в дождевиках из рыбьих пузырей, чем сразу обнаружили свою связь с побережьем. У одного из них на шее висел великолепный цейссовский бинокль. У чукчи, присевшего у самого входа, был рваный дождевик и заплатанные нерпичьи обутки. Каждому он торопился уступить свое место. Переговоры повел старший хозяин. Он не спросил даже, кто и откуда пришел, видно, что Вуук-Вукай не напрасно съездил к нему в гости. Хозяина интересовал, главным образом, вопрос — куда хочет итти партия.

— Как называется эта река?

— Качкаургуам.

— Далеко ли итти до Канчалана?

— Дня два! На ваших быках в три или четыре дня дойдете, а может и совсем не дойдете!

По просьбе Скляра, чукча начертил на бумаге схему бассейна реки Канчалана.

Свое название река получает лишь после слияния пяти образующих ее ручьев. Самые большие из них — Тармо и Нинчекваам. При теперешней распутице до Канчалана можно было пройти двумя путями: один вел прямо к низовью реки, другой — в место слияния истоков.

Скляр выбрал второй путь, как более северный, и попросил дать ему проводника. Хозяин указал на чукчу, сидевшего у порога.

— Он говорит, — перевел Рентыургин, — что этот пастух был в прошлом месяце на съезде в Ново-Мариинске. Там его в местный совет выбрали. Зовут его Омрелькот, и он может довести партию до Канчалана.

Когда зашел разговор об оленях, хозяин только рукой махнул. Он не соглашался взять оленей на хранение, из-за опасения, что они вдруг разбегутся и ему придется за них отвечать.

— Но в таком случае мы можем оленей продать!

Хозяин задумался, пожевал зубами и обещал дать ответ завтра.

Прошел день. Из чукотского лагеря никто не шел. Возможно, что это объяснялось распутицей, но вероятно и то, что ушедший туда в гости Игы наговорил чего-нибудь лишнего. В последнее время он опять воспрянул духом, видимо, собираясь перейти к новому хозяину.

Скляр поехал к чукчам на собаках.

Это было богатое и многолюдное стойбище. Полога были так высоки, что в них можно было свободно стоять во весь рост.

Яранги пастухов были в ужасном состоянии: сквозь многочисленные дыры в покрышке непрерывно лил дождь. Особенно плохо жил новый проводник Омрелькот. Зимою у него умерла жена, оставив ему годовалого сына. Омрелькот выхаживал его, как умел, совал малютке в рот жеваное мясо или прикладывал его к своей чахлой, костистой груди. Дочь Омрелькота, девочка лет двенадцати, также мазала жиром свои едва намечающиеся груди, — ребенок хватал их губами и, обманутый их теплом, ненадолго засыпал. Видно было, что здесь царила настоящая нищета.

— Почему так худо живешь, Омрелькот?

— Болен я, худо работаю, жена все время болела тоже. Ртов много, а рук мало.

— У тебя есть олени?

— Есть.

— Сколько?

— Семь.

Рентыургин переспросил еще раз. Не хотелось верить, что есть чукча еще беднее Игы.

— Говорят, что ты был в Ново-Мариинске. Расскажи, что ты там видел?

— Людей много видел.

— Ну, а что говорили на съезде?

— Далеко сидел, плохо слышал!

— Как же тебя в местный совет выбрали?

— Коо! Подошел русский и сказал: «Будешь теперь все равно как эрэм» (начальник).

Так и не добились от него толку. Может быть просто он не сумел рассказать, или не доверял нам, или хозяин не велел ничего говорить, но во всяком случае получалось так, что выбранный представитель власти находился в полном подчинении и зависимости у кулака. Он даже не мог приказать своему хозяину, чтобы тот взял на сохранение быков экспедиции.

— Ну, а на Канчалане чукчи есть?

— Есть совсем близко. На Таддлео несколько оленных кочуют. Терпинто рассказывал, что в верховьях Импелекуила есть чукчи, кочующие зимой вблизи Ново-Мариинска. Они могут взять оленей на сохранение до зимы, после чего вернут их русским.

Этот исход казался наиболее подходящим.

Игы опять постигла неудача, так как и здесь его не приняли.

По вопросу о судьбе оленьего стада хозяин заявил, что купит только ламутских оленей.

Эти ламутские олени, как наиболее выносливые, только и выручали отряд, и продать их, конечно, не было никакой возможности. Кулак знал, какие поставить условия; между прочим, за вяленый олений окорок он запросил двух живых быков.

Пастухи охотно зазывали Скляра и Ивана в свои яранги и угощали их кто чем мог. Иван пространно рассказывал им о ярмарке и о туземном съезде.

Неожиданно хозяин сделался очень любезным и даже предложил Скляру отвезти его на своих оленях к лагерю, так как на собаках, мол, будет тяжело двоим ехать.

У стойбища два дня прождали ясной погоды, рассчитывая на морозную ночь. Мокрый снег наваливался на палатку, как медведь, от сырости некуда было деться.

Наконец, выглянуло солнце, а ночью при двухградусном морозе снег окреп и можно было трогаться дальше. Омрелькот взял в руку посошок, туго затянув ремни у лодыжек, и повел караван пешком на юго-восток, оставляя слева массивную шапку горы Кэты.

На третий день пути караван встретила густым туманом долина Канчалана. Здесь снегу оставалось совсем мало, и

приходилось ехать где по воде, а где по узким снежным пятнам, лавируя между обнаженными кочками.

Омрелькот вышел вперед и в конце третьей ночи, четвертого июня, вывел караван на берег Канчалана, в то место, где Имичекваам сливался с Таддлео. Дальнейший путь прекратился, так как река ожила и широко разлилась по низине. По фарватеру, перегоняя друг друга, плыли льдины.

В следующие два дня туман и дождь съели остатки снега до самых предгорий.

Опоздай караван хотя бы на один день — партии пришлось бы остановиться на летовку километрах в тридцати от реки.

Кочевая жизнь кончилась.

ГЛАВА X

Отряд Меньшикова сразу же после Еропольской ярмарки начал готовиться к походу.

В Маркове пробыли всего дней десять. Отсюда были направлены на Еропол грузы для летнего похода по правым притокам реки Анадыря, Яблоновой и Пелидонам, с расчетом выйти в верхнем течении Анадыря и пересечь Щучий хребет в северной его части.

С отрядом отправились со своими упряжками два камчадала — Фома и Ермил Алины.

Фома был переводчиком и проводником по Яблоновой и по Пелидонам, а Ермил — проводником через Щучий хребет.

Так как корма для собак у отряда было мало, надеялись добывать его у чукчей, для чего взяли с собой необходимые, для расплаты товары.

До Еропола доехали в два дня. Приобретенный опыт помогал преодолевать перевалы без особых трудностей.

Отряд был одет в одежду чукотского покроя, что также способствовало успешному его продвижению вперед.

В Ерополе устроили дневку. Тщательно отобрали груз в дорогу, причем взяли только действительно необходимое, и все же нарты оказались перегруженными.

Фома, ссылаясь на малое количество собак в своей упряжке, старался переложить груз на другие нарты, расхваливая собак Меньшикова и Ермила, чем не мало их подзадоривал.

Рабочий Легостаев был прикреплен к нарте Ермила, коллектор Дорошенко к Меньшикову, Фома же ехал один. У Ермила было двенадцать собак, у Меньшикова — десять, у Фомы — девять. В дороге рассчитывали пробыть в лучшем случае не менее двадцати пяти дней.

Упряжки одна за другой спускались на реку. Впереди ехал Ермил с Легостаевым, следом за ним Меньшиков с Дорошенко и позади всех Фома. Подъехали к горе Терпухой, пересекли Анадырь и направились к устью Яблоновой. Ехали по дороге, проложенной чукчами. Путь кое-где уже перемело, но снег был довольно плотный и хорошо держал. По лесистой протоке выехали на реку Яблоновую и свернули на террасу, по которой шла дорога, выпрямляя излучины реки. Густые заросли строевого лиственного леса тянулись по обе стороны реки.

На речках иногда задерживались, чтобы взять пробу грунта, для чего разводили костры и прорубали лед.

На ночевках все помещались в одной палатке. Ермил, уже почти старик, приготовляя пищу на костре, был проворен, как юноша. Пока ставили палатку, он успевал натаскать дров, развести огонь и повесить чайник. Фома больше делал вид, что работает. Легостаев был также незаменим со своим многолетним опытом в экспедиционной и старательской работе в тайге. Аккуратный, по-военному точный и сильный, он быстро орудовал топором при устройстве лагеря. Во время промывки породы в нем сказывался прежний ловкий золотоискатель. Легостаев умело готовил лепешки-«ландорики», как он их называл, не плохи были также каши, супы и мясные блюда его изготовления. Самое ценное в нем было то, что он не жаловался на трудности пути и никогда не унывал.

Отряд прошел речку Орловку, ручей Хиузный и, наконец, вышел на огромную наледь реки Яблоновой. По широкой долине реки, сплошь покрытой льдом, текла вода, над которой в морозном воздухе клубился пар. Огромные ледяные бугры во многих местах выпучивались вверх.

Объезжая воду, поехали по льду. В некоторых местах лед был настолько тонок, что прогибался под тяжестью нарты. Достаточно было слегка ударить по нему шипом остола, чтобы на поверхности брызнул фонтанчик воды. В пути сплошь и рядом собакам приходилось итти по воде, так как не всегда удавалось ее объезжать. Когда собаки останавливались, приходилось сходить с нарты и сдвигать ее с места, — сами собаки не могли этого сделать. По наледи ехали несколько часов подряд, но конца ее не было видно.

Многие острова также оказались сплошь покрытыми льдом, и казалось, что деревья растут прямо из воды. Острова стали попадаться все чаще, образуя большое количество проток. Во время одного из привалов Легостаев раз-

машисто рубил дрова и вдруг, вскрикнув, сел на снег, зажав руками ногу. Сквозь пальцы сочилась кровь и пятнами окрашивала снег. Оказалось, что топор, скользнув по замерзшему, пропитанному водой дереву, глубоко вонзился в его ногу около большого пальца. Рану залили иодом и наложили повязку, которая быстро пропиталась кровью. Пришлось пустить в ход иодоформ, и постепенно кровотечение прекратилось.

— Обуться сможешь?

— Смогу, — морщась, ответил Легостаев и натянул меховой чулок и торбаза.

— Надо спешить до чукчей добраться, там хоть в тепле будем.

На второй день утром вышли к устью речки Саламихи. Здесь должны были кочевать чукчи и ламуты. Дорога вилась по протокам; за одним из поворотов сквозь деревья показались люди, склонившиеся над небольшими прорубями и удившие рыбу. Поздоровались. Рыбаки, обходя собак, подошли к нартам. Это оказались старые знакомые — ламуты, не раз заходившие во время ярмарки на базу экспедиции. Узнав, где находятся чукчи, отряд отправился дальше.

Долина расширилась, лес поредел. Снег кругом был вытоптан оленями. Впереди была накатанная дорога, что позволило ехать гораздо быстрее. Неожиданно из лесу выскочил олень, в растерянности постоял с минуту, затем сделал несколько прыжков в сторону и снова остановился. Собаки рванули нарты и понеслись, но с помощью остола удалось направить их мимо перепуганного насмерть животного.

На пути встретилась узкая речка с крутыми берегами. Собаки и нарта с разгона понеслись вниз и вылетели на противоположный берег. Справа виднелись неправильной формы чумы из оленьих шкур. Кругом ходили олени, бросившиеся в горы при виде собак, быстро приближавшихся к ярангам. Вскоре показались и люди, пристально всматривавшиеся в незнакомых путешественников. Все три упряжки почти одновременно остановились у яранги.

— Этти (буквально — приехал, пришел, употребляется чукчами вместо приветствия при встречах)! — дружно приветствовали путников женщины и подростки.

— Иии (знак согласия, ответ на приветствие), — отвечал Фома.

Мужчин нигде не было видно. Обычай требовал, чтобы приезжие зашли в ярангу хозяина лагеря, выделявшуюся

своими большими размерами. У входа встретили мужчины; поздоровались. Фома, не входя внутрь, о чем-то долго с ними разговаривал.

— В чем дело?

— Да вот, говорят, хозяин болен. Остановимся у него или как? — отвечал переводчик.

— Если можно, остановимся, конечно, куда же поедешь?

Фома опять что-то сказал мужчинам и вошел в ярангу. В ней, прямо против входа, горел небольшой костер, позади которого стоял меховой полог. Край его был приподнят, и в полумраке виднелся лежащий на шкурах человек. Он оказался знакомым по ярмарке.

— Здорово! — приветствовал он вошедших.

— Здравствуй, Колинкэу.

Присели на длинные кожаные мешки у полога. Хозяйка суетилась у костра, над которым на длинном деревянном крюке висел чайник. Дым от костра выходил в отверстие вверху яранги.

Кругом сели мужчины; у входа на корточках разместились женщины. Справа и слева от входа в ярангу стояли грузовые нарты, между которыми лежала несложная хозяйственная утварь, состоявшая из котлов, чайников, закоптелого ведра и деревянного блюда, похожего на маленькое неглубокое корытце. Тут же стоял винчестер и лежал топор.

Колинкэу был оленным чукчей, имевшим стадо свыше 2000 голов, но его домашнее хозяйство было чрезвычайно убого. Хозяйка достала небольшой деревянный ящичек. В нем оказались блюдца, завернутые в тряпочку. Она поставила их на кусок фанеры и налила чай, после чего достала из саней куски мяса, положила на корытце и все это подвинула к гостям.

Законы гостеприимства на Севере везде были одинаковы, и путника прежде всего нужно было хорошо накормить и напоить. Фома достал галеты и несколько кусков сахара и передал их хозяйке. Рядом с мясом он насыпал на блюдце горку соли.

— Давай чаевать! — сказал он.

Как только чай был выпит, блюдца поставили обратно на фанеру, и хозяйка тотчас же их снова наполнила.

В большом котле над костром варилось мясо. Женщины помогали хозяйке ухаживать за гостями. Фома разговаривал с чукчами. Скоро один чайник сменил другой. Крепкий коричневый чай сейчас же наливали на блюдца, едва они

только освобождались. Молодой чукча набил табаком трубку с длинным толстым мундштуком. Одна из женщин проворно достала из костра уголек и быстро раскурила трубку. Чукча затянулся и передал трубку Меньшикову. Тот взял и, не зная, что с ней делать, держал ее в руке.

— Чего не куришь? — спросил Фома.

— Да я не курю трубки. На ты, кури!

Фома затянулся и передал трубку обратно хозяину. Видно, что Фома объяснил хозяину, что Меньшиков не привык к трубке, так как чукча закивал головой и, достав папиросы, угостил присутствующих. Курили все, старые и молодые, и даже ребенок, не старше четырех лет, оторвавшись от груди матери, тоже потянулся к папиросе.

Входили новые люди.

Молодежь, уступая место старикам, садилась у входа из полога в яранту.

Холодное мясо было съедено, и оставшееся из-под него блюдо хозяйка отложила в сторону, где хранилась вся утварь. Шнырявшие по яранге две собаки быстро «вымыли» эту посуду. Когда сварилось в котле мясо, его положили на это же самое блюдо и подали гостям. Захватив мясо зубами, люди по очереди острым ножом отрезали кусок у самого рта. Делалось это быстро и ловко. Нож так и мелькал, и казалось, что острое лезвие вот-вот отхватит губу или нос. Не менее ловко орудовали и камчадалы Ермил и Фома.

Дело шло уже к вечеру, и надо было кормить собак, о чем Меньшиков напомнил Фоме. Начали договариваться с хозяином о продаже оленей на корм собакам. Фома принес товары: табак, чай, посуду и камлеи. Договорившись, хозяйка вышла из яранги и что-то сказала молодому парню, который немедленно направился к оленям.

Около табуна послышались резкие крики, и олени побежали к яранге. Один из них был заарканен чаатом. Старый чукча осторожно подошел к упиравшемуся оленю и резким движением руки ткнул его ножом под лопатку. Олень пошатнулся и без звука рухнул на снег. Опытная рука оленевода без промаха всадила нож в самое сердце.

Так было убито еще два оленя. Наиболее упитанный предназначался на еду людям, остальные — на корм собакам.

Две женщины принялись за разделку туш. Они ловко орудовали одним ножом, без топора, и не прошло и получаса, как отдельные куски свежего мяса остывали на снегу. Кровь была собрана в желудок и оставлена на морозе.

У Колинкэу было две жены. Первая сидела в пологе, угощала гостей и распоряжалась по хозяйству, а вторая играла роль батрачки, выполняя всю черную работу. В широких меховых комбинезонах — «ханбох» — их неповоротливые фигуры работали с завидной проворностью. Несмотря на мороз, женщины освободили от одежды правые руки, обнажив плечи, грудь и спину.

После разделки первая жена подошла к убитым оленям и ловко вырезала у голов глаза и языки, после чего направилась к гостям и, протягивая на ладони глаза, что-то говорила. Фома перевел, что она угощала гостей лакомым куском.

— Скажи ей, что мы благодарим, но не хотим, так как уже сыты.

— Ковда? Мольче! Отказываешься? — возразил Фома. — Это ведь очень вкусно!

— Ну и ешь, если хочется, а мы не будем, — отвечал Легостаев.

Ермил тоже отказался. Без дальнейших рассуждений Фома взял глаза и, надкусив, выпил один за другим.

— Тьфу! — не выдержал Легостаев и, отвернувшись, пошел к собакам.

Тем временем был освежеван третий олень. К нему подошел молодой парень, пастух, сел на снег и стал грызть зубами шкуру.

— Ермил, что он делает?

— Да панкыргыльгин ест!

— Чего? — не понял Меньшиков.

— Панкыргыльгин!

Меньшиков всмотрелся внимательно. По всей шкуре по хребту были рассыпаны какие-то бугорки, оказавшиеся личинками от оводов. Пастух надавливал их зубами, и белые короткие толстые черви, точно личинки майского жука, выскакивали из своего гнезда, после чего пастух с аппетитом их съедал.

Солнце село. Надо было готовиться ко сну. Собаки были посажены на цепь, чтобы не могли вылезти из алыка и броситься в табун. Спать пошли в ярангу.

Перед сном опять принялись чаевать. В пологу стало душно и жарко, пришлось снять меховую одежду. Чуть теплился огонек в светильнике, представлявшем собою плошку с вытопленным из костей оленьим жиром, в котором плавали кусочки мха, игравшие роль фитиля. Спички берегли, и

когда закуривали, то макали тонкую щепочку в жир и зажигали ее от светильника. К чаю подали вареные олений языки, мясо и сырой мозг из костей. От жары мужчины сбросили меховые куртки и остались в одних шароварах. Женщины откинули назад «ханбох» и тоже сидели обнаженные по пояс. Пот обильно стекал по телу. У костра в яранге собрались женщины и молодежь, которых не вмещал полог. Большой котел стоял посередине, и из него поднимался пар. Все поочередно опускали в котел руку и облизывали пальцы. Фома пояснил, что это была кровь, сваренная с содержимым желудка, служившая обычной пищей пастухов и их семей. Мясо им перепадало только по праздникам. Одежда у пастухов была сильно вытерта и поношена; ею снабжал их хозяин. У большинства пастухов оленей было так мало, что их едва хватало на перевозку. Кочевали они всегда только на своих оленях. Во время выборов кочевых советов впервые было проведено заключение договоров об условиях найма, которыми предусматривалась оплата пастушьего труда. Надо заметить, что многие пастухи отказывались заключить договор. Это было для них ново, и, повидимому, люди боялись, что, подписав договор, они могут остаться и без того жалкого «куска хлеба», который они получали за свой изнурительный труд от хозяина. Пастухи целыми сутками без отдыха охраняли табуны в пурги и морозы, шагая пешком по глубоким снегам. В жару, когда появлялись мошка, комары и овод, олени разбегались, и пастухам приходилось по крутым склонам сопок и горных кряжей собирать их, сохраняя табуны от зверей. Не спать приходилось по нескольку суток. Ко всему этому надо добавить полное бесправие пастуха и его почти рабскую зависимость от кулака-хозяина. Колинкэу считался «хорошим» хозяином, у которого пастухам жилось хорошо. Можно себе представить, как жили пастухи у других, «плохих» хозяев.

Отряд предполагал пробыть у чукчей дня три, чтобы дать отдохнуть собакам. Впереди предстояла самая трудная часть дороги, так как дальше не было ни одного кочевья. Необходимо было выйти по одному из притоков на Пелидон и перевалить через водораздел. Ни Фома, ни Ермил перевала не знали. Не знал его, конечно, и Меньшиков.

Чукчи не кочевали на реках Большом и Малом Пелидоне уже одиннадцать лет, в соседней же части хребта Щучьего вообще никто из них никогда не бывал. Дорогу предстояло прокладывать самим, и, если бы что-нибудь слу-

чилось в пути, обратиться за помощью было бы не к кому. Чукчи уверяли, что не могут поехать с отрядом, так как сейчас шел отел и слабые олени не поднимутся на перевал. Меньшиков не настаивал, надеясь на ламутов, которые должны были сюда приехать, как он с ними договорился при встрече в устье Саламихи. В полдень действительно приехал ламут — Иван Долганский с сыном. К вечеру того же дня Иван надел лыжи и отправился прокладывать дорогу на перевал; оленей он оставил на привязи. К утру ламут явился усталый, с заиндевевшими волосами. Он напился чаю, поел и, не отдыхая, стал собираться домой. За труд с ним расплатились товарами, причем Иван особенно охотно взял цветной платок и олово.

Через сутки отряд двинулся вверх по реке, придерживаясь лыжного следа Ивана. Собаки хорошо отдохнули и быстро двигались вперед. Первую остановку устроили перед подъемом на перевал. Лыжница прихотливо извивалась по скату и терялась вверху. Со многими остановками забрались на седловину. Величественные горы громоздились со всех сторон. Особенно высоки были вершины к северо-западу от перевала. Внизу лежала широкая безлесная долина Большого Пелидона.

Так как спуск был очень крутой, под полозья нарт пришлось подвязать ремни. Снег был плотный. Нарта Ермила обогнала всех, но вдруг остановилась. Ездоки что-то кричали, указывая на склон горы, где чуть заметной точкой двигался какой-то зверь.

— Смотрите, росомаха!

В бинокль можно было разглядеть, как удалялся неуклюжий зверь с черной спиной и белыми боками. Меньшиков передал Легостаеву винчестер, оставив себе мелкокалиберную винтовку.

Нарты Меньшикова и Дорошенко задержались у обнажений, камчадалы далеко ушли вперед.

У одной из узких боковых долин снова мелькнуло темное пятно, и шагах в трехстах от дороги остановилась большая пушистая, совсем черная лисица.

— Чернобурка!

Меньшиков схватил малопульку, прицелился и выстрелил. Пуля ударила в полутора шагах от зверя. Собаки рванулись и понеслись вперед. Ошеломленная выстрелом лиса сделала огромный прыжок в сторону и скачками понеслась по склону, скрывшись в лощине.

За день прошли свыше сорока километров. Ночевали в палатке.

Лес все ниже и ниже спускался по склонам к реке и наконец занял всю пойму. Начался рыхлый снег, — приходилось на лыжах прокладывать собакам дорогу. Этот труд взяли на себя Легостаев и Дорошенко. Ермил и Фома ехали следом, позади всех шла нарта Меньшикова. Груза на ней не убывало, так как то, что съедали собаки и люди, с избытком заменялось сборами образцов пород. С раннего утра и до позднего вечера медленно продвигался отряд по безлюдным местам.

Прошли речку Иутыгина. Здесь до революции был похоронен богач и шаман, он же церковный староста, чукча Иутыгин. Случилось, что при его смерти присутствовал исправник, а так как Иутыгин был «крещеный», то его, в присутствии начальства, похоронили у устья реки и на могиле поставили крест. Когда исправник уехал, сородичи Иутыгина вытащили его труп из ямы и положили на гору, как этого требовал древний чукотский обычай. На поминки убили двести оленей и оставили здесь же на горе, на пищу зверям. «Исправнический крест» до сих пор стоит на берегу реки.

На десятый день отряд свернул с Большого на Малый Пелидон и, перевалив через хребет, попал в долину новой реки. Заночевали у скалистого берега. На другой день у самого лагеря обнаружили свежий след горного барана. На всякий случай приготовили оружие, так как корм был на исходе. Напуганный баран успел, однако, уйти, и увидеть его так и не удалось.

По реке прошли до впадения ее в Анадырь. Чаевать остановились на опушке леса. Устроили совет: корм был на исходе, и пополнить его было нечем. Думали подняться еще выше по Анадырю до реки Шешчиревой, где водилась рыба, но это была рискованная затея, так как собаки сильно похудели и Ермил и Фома боялись, что у них нехватит сил дойти обратно до Оселкина, если бы рыбы там не оказалось. Продовольствия оставалось не больше чем на три дня. В конце концов решили итти прямо в Оселкино, для чего предстояло пересечь хребет в верховье реки Сайбиной и выйти по реке Отворотной в тундру.

Яркое солнце давно заставило всех надеть темные очки, которые то и дело запотевали и, с непривычки, сильно мешали. Дневали в устье реки Сайбиной. И на людях и на

собаках заметно сказался 20-дневный путь: все двигались с большим трудом.

Миновали леса, стали приближаться к новому перевалу. Снег сделался не так глубок и рыхл, но все же один человек все время шел впереди и прокладывал путь. Чаще стали попадаться выходы горных пород, требовавшие остановок для сбора коллекций. Передние нарты понемногу уходили все дальше и наконец совсем скрылись за поворотом долины.

Кое-как преодолели и последний перевал. Вниз по склону нарта легко скользила сама. Колесо одометра, слегка поскрипывая, быстро отсчитывало пройденные километры. Впереди расстилался пологий, ровный скат. Вдруг передняя пара собак точно провалилась, за ней вторая, и вот последняя нарта тоже кувырком полетела вниз. Ни каюры, ни пассажиры не заметили на крутом склоне, под наметенным гребнем снега обрыв метров 4—5 высотой. К счастью, падение закончилось вполне благополучно, и ни собаки, ни люди не пострадали.

Настало время сделать привал, но костра не было, и все с недовольными лицами сидели на нартах. Фома и Ермил перекликались между собою.

— В чем дело?

— Да, мольче! Ты проводника взял, — начал Фома, — с дороги сбились, и он не знает, куда ехать!

Фома еще при отъезде предупреждал, что по Сайбиной он никогда не ездил, и отряд вести вызвался Ермил. Теперь у него был чрезвычайно смущенный вид.

— Забыл, мольче! — почесывая затылок, говорил Ермил. — Двадцать лет тому назад был здесь, думал — упомню, а тут вот, поди-ка ж ты, забыл!

Положение осложнилось. Собак оставили внизу, а сами забрались на склон, где из-под снега виднелся кедровник, и развели костер.

Перед глазами расстилалось несколько лощин, ведущих на перевалы. Надо было решить, которая же из них приведет на Отворотную. Задача была не из легких. Общей карты района не было, не была нанесена и река Отворотная. Меньшиков приблизительно определил, где должно было находиться Оселкино, и наметил один из перевалов. Не задерживаясь, Фома и Ермил ушли вперед и скрылись из виду. Меньшиков и Дорошенко медленно поднялись на самый хребет. Спуск шел по склону огромного цирка и был так

крут, что трудно было представить, как по нему только что прошли люди и собаки.

— Садись на снег и поезжай прямо вниз, а я с собаками следом. Возьми молоток, все же будет чем тормозить!— предложил Меньшиков своей спутнице.

Дорошенко нерешительно села на снег и медленно стала сползать. Вот она начала двигаться быстрее и, поднимая облака снежной пыли, скрылась в глубоком снегу у подножия горы. Меньшиков достал собачьи цепи, обмотал ими полозья нарты и подсунул под копыл остол, после чего сел на снег и уперся одной ногой в копыл нарты, а другой — в снег. Левая рука держалась за дугу.

— Хак! хак! — Нарты двинулись вниз.

Собаки во весь опор неслись рядом с нартой, но все же начали заметно отставать. Меньшиков напрягал все силы, чтобы уменьшить скорость. В самый критический момент он почувствовал, как нарта, словно ее поддало снизу, резко подпрыгнула в воздух и вдруг остановилась. Кругом, виляя хвостами, стояли спутавшиеся собаки.

— Ну, как?

— Крутая горка, чорт ее возьми!

— Да! — смеялся Легостаев. — Ермил даже дорогу вспомнил, говорит, что тут-то как раз и ехать надо было!

Подошедший Ермил подтвердил слова Легостаева и стал описывать дорогу впереди.

Дальше поехали по узенькой речке. Появились густые заросли ивы и тополя, из которых то и дело взлетали куропатки. Вокруг виднелись следы зверей. Снова путь пересекла росомаха и скрылась в зарослях. Легостаев шел впереди и вдруг как-то странно опустился на снег.

— Что опять случилось?

— Ослеп! Ничего не вижу.

Беднягу пришлось посадить на нарты. Резкие боли в глазах испытывал также и Меньшиков, хотя почти и не снимал очков; у него временами словно туман набегал, предметы сливались и таяли в дымке. Страшная «полярная слепота» неожиданно сделалась спутницей отряда.

На ночлег расположились в лесистой пойме. Продовольствие кончалось. Перед сном сварили последнее мясо, хлеба уже не было. Собакам тоже пришлось урезать норму, так как корма для них осталось всего на полторы кормежки, а ехать, в лучшем случае, предстояло три дня. Вечером пошел снег. Каюры забеспокоились.

— Пойдет пурга, пропадем, мольче! — говорили они.

Утром палатка прогнулась от толстого слоя лежащего на ней снега. Ночью Легостаев стонал от боли в глазах, часто просыпался и поругивался. Где-то невдалеке кричали куропатки. Под вечер снегопад стал утихать. Фома не отходил от костра и сидел, понуро опустив голову. Ермил собирал дрова.

— Слушай! Куропаток-то сколько! Пошел бы с ружьем, может набил чего собакам.

— Как их набьешь? — недовольно возразил Фома. — Разве не видишь — пурга. Когда вот так-то без корму бываешь, все равно ничего не промыслишь, сколько ни ходи!— добавил он понуро.

— Что же ты предлагаешь, надо же что-нибудь делать?

— А чего будешь делать? Ждать надо!

— Ждать? Конца пурги? Так ведь собаки подохнут!

— Ну и пусть дохнут, а я не пойду! — категорически отказался Фома. Убеждать его было бесполезно.

На охоту пошел Меньшиков. С ним вызвалась и Дорошенко.

— Ну и народ! — вздохнул Легостаев.

Слепота у него еще не прошла, и он с трудом разбирал предметы. Плохо видел и Меньшиков. На охоту он взял малопульку и пошел по протоке. По свежему снегу виднелись следы птиц.

— Вон, смотри, куропатка! — указала Дорошенко.

— Где?

— А вон там, у кустиков.

Меньшиков прицелился в белый бугорок, выстрелил и только тогда заметил, что в пяти шагах от того места, куда он стрелял, выскочила куропатка и, пробежав несколько шагов, остановилась. Не спуская с нее глаз, Меньшиков перезарядил винтовку, тщательно прицелился и нажал на спуск.

Взмахнух крыльями, птица неподвижной осталась на снегу. Пошли дальше. Дорошенко указывала птиц, а Меньшиков стрелял. Часто случалось, что он принимал за птицу упавший с дерева комок снега. Бить наверняка можно было только после того, как птица, пробежав на глазах несколько шагов, снова останавливалась. В лагерь возвратились, когда уже начало темнеть. У пояса Меньшикова болталось шесть птиц.

— Завтра поедем, — встретил его Ермил. — Тут дорога одна, не запутаешься. Да и пурга меньше стала.

Ехать надо было обязательно. Меньшиков скормил собакам половину оставшейся рыбы, но этого было мало. Фома подошел к нарте, где лежали куропатки, собираясь их забрать.

— Ты куда их берешь?

— Варить, мольче, буду!

— Обожди. Сколько времени нам ехать, Ермил?

— Дня три-четыре проедем.

— Ну, а сколько корму осталось у собак?

— Нисколько нету, последние крохи отдал сейчас!

— Так ты обожди куропаток варить, завтра собакам бросим.

— Ково? Да шесть куропаток собакам?

— А ты бы пошел набил, если мало! — вставил Легостаев.

Фома рассердился и замолчал.

Все решили: чтобы сократить время пути, выйти завтра возможно раньше и итти до темноты, заночевать, а потом не останавливаясь двигаться до самого Оселкина.

— Ну, а теперь посмотрим, что осталось на людей.

Мяса не было. Все продовольствие состояло из нескольких сот граммов сахару, одной пачки галет, трех банок молока, двух килограммов шпика и почти килограмма масла. Чаю осталось вволю. Продовольствие распределили между всеми. Галет досталось по две штуки на человека. К чаю вскрыли банку молока. Шпик решили оставить собакам на корм.

Когда выступили в путь, снег еще падал. Недалеко от лагеря река оказалась свободной ото льда. Она была не широка и мелка, но крутые обрывистые берега не позволяли спуститься вниз. С одного берега на другой снег образовал мостики, но они были ненадежны.

Легостаев стал на лыжи и перешел реку. Следом пошли собаки, также быстро переправившиеся на другой берег вместе с каюром и нартой. В этот же момент мостик осел и рухнул в реку. Собак свернули в сторону и пошли к следующему мостику.

Заночевали в густом тальнике. Сало и куропаток разделили между нартами. Фома одну куропатку дал двум передовикам, а вторую разрезал и бросил по кусочкам всем остальным собакам. Ермил тоже выделил передовиков, а последним четырем не дал ничего.

— Ты чего задним ничего не даешь?

— Ково да им давать? Все равно упадут! Смотри, совсем сухие стали.

Меньшиков поделил еду поровну между всеми собаками.

Утром лагерь покинули до света. Отдыхали не больше шести часов. Шли весь день, сделав привал всего только один раз. К вечеру вышли в тундру. Вдали чуть виднелись заросли деревьев на реке. Люди изредка присаживались на нарту отдохнуть. Стемнело. Томительно долго тянулась ночь. Перед рассветом съели последнее молоко и галеты.

— Товарищи, сегодня ведь Первое мая! Привет вам!

— Верно, ведь праздник! — спохватился Легостаев. — А я-то и со счета совсем сбился.

Ехавший впереди Ермил остановил нарту и подошел к собакам, остальные подъехали ближе. Ермил отстегнул заднюю собаку, оттащил ее в сторону, снял алык и привязал его к своей нарте.

— Ты чего это?

— Упала собака, мольче.

— Бросаешь ее?

— Ково да дохлую везти? — удивился Ермил.

В самом деле, собака была мертва. Она тащила до последнего дыхания и, словно споткнувшись, упала головой в снег и околела.

— Теперь смотри, мольче! — предупредил Ермил, — не давай собакам ложиться. Ляжет — не встанет!

Тронулись дальше. Взошло солнце. Опять пришлось надеть очки. После полудня на горизонте появилась темная полоска; это был лесок на Анадыре. День кончался. Полоска леса приблизилась, но было все еще далеко. Все осунулись, лица потемнели. Упала вторая собака у Ермила, отстегнули и ее, и снова пошли дальше. Скоро околела собака у Фомы. Начало темнеть. Поздней ночью путники подошли к реке у самого Оселкина и через полчаса блаженствовали в жарко натопленной избе.

Последние грузы перебрасывали в Еропол. Надо было спешить, так как реки со дня на день могли вскрыться. Возвратившийся из Еропола рабочий сообщил, что чуванцы с оленями уже подошли к селению и ждали приезда отряда. Днем сильно грело солнце. Снег подтаивал, и езда возможна была только на железных подполозках, поэтому камчадалы предпочитали передвигаться ночью по насту.

Не дожидаясь отправки всех грузов, Меньшиков и Дорошенко поехали в Еропол. Остатки груза должен был прислать завхоз экспедиции.

В Ерополе все снаряжение и продовольствие погрузили на оленьи нарты и переправились через реку, чтобы не оказаться отрезанными от района работы. Выйдя из Еропола по проторенной туземцами дороге, остановились в ожидании последних собачьих упряжек из Маркова. На реке с каждым днем увеличивались забереги, промоины и появились трещины, через которые выступала на лед вода.

На другой день четыре упряжки собак с грузом догнали отряд. Все упряжки были соединены вместе и под управлением камчадала отправлены обратно. Собаки, перенеся все трудности и невзгоды зимнего пути, закончили свою службу и заменялись оленями.

В Ерополе обнаружилось, что завхоз экспедиции не прислал соли. В местном кооперативе и у жителей удалось раздобыть всего только два килограмма, что, конечно, было явно недостаточно для десяти человек на четыре месяца. Ждать присылки соли было уже поздно, и отряд тронулся в путь без этого существеннейшего добавления к европейской пище.

Олени отряда были утомлены уже на зимних поездках и поэтому шли очень неохотно. Приходилось все время подгонять их ключкой и вожжами, так как иначе они не хотели итти даже за передними нартами. Непрестанно размахивая руками и работая погонялкой, Меньшиков и Дорошенко с трудом заставляли оленей ускорять шаг. Правый олень был передовиком, потому он только управлялся вожжой, левый же был просто пристегнут к вожаку. Для того чтобы заставить оленей итти вправо, надо было натягивать вожжу, поворот влево достигался похлопыванием оленя по боку. В искусстве управления оленями Меньшиков и Дорошенко делали большие успехи. Вначале чуванцы ехали впереди и только наблюдали, как путники управляют упряжкой. Скоро им полностью начали доверять оленей. Обоз обычно уходил вперед, отряд же задерживался и подходил к лагерю только тогда, когда там уже были расставлены палатки.

Чуванцы объяснялись через переводчика на чукотском языке, которым владели в совершенстве.

Долина, по которой шел отряд, была широка, дорога хорошо укатана. На склонах с каждым днем становилось меньше снега. Густые туманы скрывали горы. Впереди

обычно ехал Укукай, за ним Легостаев. На склоне гор нарты приходилось тормозить ногами, чтобы не подбить ими оленей. Однажды Меньшиков не удержал ноги на покатом насте и, скользнув вперед, ударил оленя. Тот рванулся, и, прежде чем Меньшиков успел что-либо сообразить, за испуганным животным бросился второй олень и вырвал из рук Меньшикова вожжи. Нарты неудержимо катились вперед, сбивая то одного, то другого оленя. Ничем не сдерживаемые, обезумевшие животные ускоряли свой бег, быстро нагоняя Баклана.

— Берегись! — крикнул Меньшиков, но было уже поздно.

Один олень оказался справа, а другой слева от Баклана. Связывающий их ремень пришелся как раз на его плечах, и, выброшенный из нарт, он кубарем полетел в снег. Ударом копыта был сломан полоз у нарты Меньшикова, она перевернулась, и седок также оказался в снегу. Оставшиеся без управления олени Баклана спутались с упряжкой Меньшикова, и вся четверка вихрем пронеслась мимо Легостаева. На крик последнего обернулся Укукай. Он быстро отъехал в сторону, чтобы не быть смятым несущимися нартами, а затем, пустив своих оленей вскачь, нагнал и остановил спутавшуюся упряжку. Нарты были разбиты вдребезги.

До лагеря Меньшиков ехал с Укукаем. Здесь переменили полозья и заново перевязали всю нарту. С этого времени туземцы опять стали недоверчивы и без всяких разговоров лишили работников отряда права самостоятельного управления оленями.

Переходить реки становилось труднее с каждым днем. Уменьшились заморозки. Короче становились ночи. Солнце все сильней пригревало днем, быстро растапливая снег. Маленькие горные реки вздулись, вода выступила на лед.

В лесах по реке встречались ловушки на мелких зверей и птиц, поставленные кочующими здесь ламутами.

Через несколько дней пути в лагерь приехали два чуванца — Риккеу и Каттак. Риккеу был невзрачен на вид, но весел и жизнерадостен. Он немного понимал по-русски и работал батраком со стариком-отцом, женой и двумя детьми у оленного чуванца Рольтыргина.

Каттак кочевал самостоятельно со своими тремя братьями. На съезде советов он был выбран членом райисполкома. Невысокого роста, с правильными, несколько женственными чертами лица, с длинными, аккуратно заплетенными над ушами косами, он был типичным представителем

немногочисленного племени чуванцев. Несмотря на свою молодость, он был популярен среди туземцев и пользовался среди них большим авторитетом. Каттак неоднократно выступал на съезде, и всегда его речь встречала одобрение делегатов.

Оба прибывшие были членами колхоза. Отряд приветствовал их присоединение к себе, так как увеличение числа людей облегчало поимку оленей и ускоряло сборы лагеря. На ночевке разговорились о колхозе. Оказалось, что колхозники пасли важенок с телятами недалеко от главного своего лагеря на реке Ренгвеем. Колхозники готовились к летней кочевке в горах, куда угоняли оленей от мошки, комара и овода. Здесь обычно дули сильные ветры, которые и разгоняли насекомых. С табунами шли самые опытные пастухи, хорошо знавшие горные районы, пастбища, речки и озера. Все чуванцы носили двойное имя: чуванское и русское.

— Мури (я) — Петрушка, — говорил Риккеу, тыча себя пальцем в грудь. — Каттак — Семен, — и указательный палец Риккеу останавливался на его товарище.

Вдали, на пригорке, на берегу озера чуть виднелись шесть яранг. Вся широкая долина была усеяна озерами. У берегов появилась вода. В долине снег сохранялся только пятнами, так что чуванцы предпочитали ехать по озерам. Усталые олени, скользя по льду, бежали рысью. Яранги приближались. Это был чуванский колхоз имени товарища Сталина. На берег выехали шагах в пятидесяти от яранг. Все население вышло встречать караван.

Мужчины, женщины, старики и молодежь окружили нарты. Со всех сторон неслись приветствия:

— Этти!

Поздоровались и всей гурьбой отправились в ярангу председателя колхоза, очуванившегося ламута — Ивана. Породнившись с чуванцами, он полностью вошел в их быт. Небольшая яранга едва вместила всех приехавших. Сели в открытом пологу, вокруг стариков. Старшинство здесь соблюдалось чрезвычайно строго.

Некоторых чуванцев отряд знал уже по Еропольской ярмарке, что, конечно, оживило беседу. Предупреждая любезность хозяев, приезжие угощали всех папиросами, галетами и сахаром. Как только все расселись, хозяйка, вымыв посуду, вытерла ее тонкими древесными стружками и налила чай. Горячее мясо подали на эмалированном большом блюде.

Женщины принимали участие в разговоре наравне с мужчинами. В яранге чувствовалось истинное радушие и гостеприимство. Весть о прибытии отряда быстро распространялась по тундре, обгоняя караван. Приехал чуванец Куччевин, заместитель председателя райисполкома. Он только вчера возвратился из Ново-Мариинска, где был делегатом на окружном съезде советов. Высокий, ловкий, с подстриженными вокруг головы волосами и с большим чубом на макушке, он был похож на индейца. На приветствие Меньшикова он ответил по-русски. Окружающие потеснились, и Куччевин занял место рядом с приезжими.

За время пребывания на районном съезде в Ново-Мариинске Куччевин усвоил много русских слов и, говоря с Меньшиковым, подбирал отдельные фразы, вставляя между ними чукотские выражения.

Работники экспедиции отдохнули с дороги и принялись за устройство лагеря. Разбили палатки, рассортировали грузы и договорились с колхозом о продаже оленей. Здесь отряд простоял три дня. Снег быстро таял, и в реках сильно убывала вода. Чуванцы с трудом пробирались через забереги озера на лед удить гольцов и налимов. Проснулись евражки и, став на задние лапы, посвистывали у своих нор. Иногда они перебегали между холмами через пятна снега, за что обычно расплачивались преследованием собак. Два орла часто парили в воздухе. В бинокль хорошо было видно их гнездо над обрывистой скалой. Иногда птицы камнем бросались вниз, и неосторожные мелкие зверьки попадали в их лапы; орлы вместе с добычей поднимались в воздух и летели к гнезду. То и дело слышались крики куропаток. Птицы переменили окраску, став из белых серыми, — их трудно было рассмотреть среди бурой травы; самцы, однако, остались совсем белыми, с блестящими черными головой и шеей. Брачный наряд бедных птиц служил для охотников прекрасной мишенью как в траве, так и на снегу.

Меньшиков получил обещание от правления колхоза на передачу ему пастухов и проводников. Летом чуванцы либо оставались в лагере, либо уходили на реку ловить рыбу. Для отряда были выделены четыре человека. Старшим был назначен Кеукай, спокойный, молчаливый, рассудительный чуванец средних лет. Его помощниками были Риккеу, Этилин и Тото.

После распределения грузов по нартам отряд отбил своих оленей от общего стада колхоза. Его председатель и старики

не раз говорили о трудностях кочевки и убеждали отряд остаться на лето в колхозе, с тем, чтобы начать работу, когда выпадет снег. Меньшиков объяснил им, что лето является самым лучшим временем для работы геологов. Чуванцы возражали, указывая на то, что олень летом линяет, становится более чувствительным к укусам мошки и может совсем отказаться работать. Так как отряд имел семьдесят оленей, то появилось опасение, что без важенок нельзя будет удержать стадо.

Через несколько дней отряд распрощался с гостеприимными хозяевами и со всем имуществом направился вверх по долине. Через перевал вышли к реке Умкувэем (Медвежьей). Путь пролегал по широким террасам реки. Горы наступали со всех сторон, их вершины становились выше и круче. Все время шел мокрый снег, а 14 июня разразилась настоящая пурга, но уже на другой день появилось солнце. Вскрылись реки и ручьи, с глухим шумом сорвалась лавина мокрого снега и камней и, стремительно падая по склону, вырывала кусты кедровника. Уже к вечеру вся тундра зазеленела. Там, где еще вчера лежали пятна снега, сегодня показались цветы рододендрона и, словно ландыши, распустился белый вереск. Тюльпаны крупными фиолетовыми колокольчиками осыпали сухие бугорки и ютились в трещинах скал. Карликовые березки и ивы покрылись листьями, и олени ловко объедали их, оставляя голые ветки. В пойме рек распустились душистый тополь и кореянка. Зацвела альпийская красная смородина. На старых гарях из-под снега появилась прошлогодняя брусника.

Необычайно прозрачный горный воздух обманчиво приближал все отдаленные предметы. Началось северное лето. Не замедлили появиться комары, мошки и оводы.

Отряд продвинулся вверх по долине и остановился у переправы через реку. Вода была глубока, и найти брод не удавалось. Пастухи уверяли, что через 3—4 дня вода спадет. Около лагеря было небольшое озеро, на склоне которого шумел водопад.

Пастух Тото ушел с табуном вверх по реке к зарослям ивы, которую особенно любили олени. Из-за комаров и оводов олени часто вскакивали и бросались в заросли кустарника, оставляя на ветках клочья шерсти. Вид у них был крайне невзрачный. Черные, набухшие кровью, молодые рога только что начинали зарастать, но были еще так нежны, что нередко олени ранили их, заставляя сильно кровоточить.

Часто дело доходило до того, что приходилось бинтовать рога, так как иначе животное могло обессилеть от потери крови.

Поздно вечером вернулся в лагерь усталый Тото и заявил, что олени куда-то ушли. Меньшиков сейчас же отправил на розыски всех пастухов.

Через некоторое время вернулся Кеукай с известием, что следы оленей ведут в сторону стада колхоза.

Наверное, они туда и ушли. Пришлось отправить в колхоз переводчика Кеукая, Этилина и Легостаева. Через двое суток посланцы привели всех оленей отряда обратно. Вместе с табуном пришли председатель колхоза и Куччевин, с целью помочь отряду переправиться через реку. Опять начали бродить по реке, нащупывая палкой дно. В холодной, как лед, воде, доходившей до пояса, было трудно устоять на ногах из-за быстрого течения. Наконец кое-как наметили брод и небольшими партиями стали переправляться на другую сторону. Олени с трудом тянули нарты.

Покончив с переправой, мокрые и продрогшие, люди разбили лагерь. За день прошли очень немного, но все страшно устали, и, кроме того, нужно было переодеться, чтобы не простудиться.

Сухая одежда, солнце и горячий чай быстро привели всех в хорошее настроение, чему немало способствовала и удачная переправа. Оленей отпустили пастись по кустам.

Дальнейший путь шел по широкой долине, среди холмов, покрытых зарослями кедровника. За день удавалось пройти не больше шести — восьми километров, так как олени быстро выбивались из сил.

Иногда в лагерь захаживали чуванцы попить чаю. Рассказывали новости и расспрашивали, как идет кочевка. Когда отряд отошел от колхоза километров на сто двадцать, оттуда приехали за советом. Оказалось, медведь напал на колхозное стадо, но пастух, мальчуган лет пятнадцати, бросился на него с ножом. Медведь ударил его лапой, порвал одежду и поранил мальчику руку и ногу. Меньшиков написал председателю колхоза письмо и послал ему иод и бинты. В следующий раз в отряд пришел Куччевин с винчестером и копьем, разукрашенным резьбой.

— Ты чего это так вооружился?

— Медведей много! Вот к вам пока шел, двух встретил. По одному стрелял, ранил его в ногу, но зверь все же ушел, — сообщил Куччевин.

Видно, недаром и река здесь называется Медвежьей.

Работать отряду приходилось светлыми ночами, так как в это время мошки было меньше. Днем олени совсем не могли тащить нарты, они быстро уставали, ложились и отказывались двигаться вперед.

Наконец вышли на реку Маракуам и остановились у огромной наледи, от которой тянуло приятной прохладой. Олени, наевшись мха, ложились на снег, — насекомые беспокоили их здесь гораздо меньше. В этом месте решили устроить дневку, чтобы дать возможность животным передохнуть после утомительного пути. Экспедиционный состав отправился пешком вниз по реке и возвратился через двое суток. Только прилегли отдохнуть, как прибежал Тото и, размахивая руками, стал что-то быстро говорить.

— В чем дело, Фома? — встревожился Меньшиков.

— Говорит, мольче, оленей угнал медведь.

Все выскочили из палатки.

— Как угнал? Расскажи толком!

— Да так вот. Олени паслись вон там, — указал Тото на подножие сопки в километре от лагеря, — медведь вышел из лощины и, бросившись на оленей, угнал их.

— Куда же он их угнал?

— Да кто его знает, куда угнал! Олени разбежались, теперь их не соберешь!

Меньшиков разослал людей искать беглецов. Легостаев с одним из пастухов отправился в колхоз сообщить о беде и узнать, не пришли ли олени в колхозный табун или в соседние лагери. Чуванцы и Фома были настроены очень пессимистически и не надеялись собрать табун. Постепенно начали возвращаться посланные на розыски, но без всяких сведений об оленях.

Дольше всех не возвращался Тото. Начали уже беспокоиться, не случилось ли чего-нибудь с ним. Продовольствия Тото взял с собой мало, и оно давно должно было выйти, но, так как не было известно, куда он ушел, то и не знали, где его искать. Вообще в тундре очень трудно заметить движущегося человека или зверя. Только на шестой день возвратился Тото, привезя с собой чуванца Аттувия. Оказывается, Тото напал на след оленей и успел побывать у яблонских чукчей. Четырнадцать оленей нашлись в табуне чукчи Калявинто, лагерь которого отстоял километров за 120 от места стоянки отряда. Пригнать этих оленей Тото не мог, так как они неминуемо разбежались бы в пути и возвратились бы в стадо.

С Легостаевым пришли четыре колхозника. В их табуне нашлось всего четыре оленя из стада экспедиции. Чуванцы брались перебросить грузы отряда обратно на Еропол, но только с появлением снега. С первыми же заморозками они предлагали перебросить экспедицию на реку Яблоновую. Для отряда это имело смысл в том случае, если бы была возможность зимою продолжать работу, т. е. пересечь Полынский хребет и выйти на Колыму. Меньшиков решил пойти пешком до стойбища чукчей и выяснить, не согласятся ли они зимним путем перебросить людей до первого поселка на Большой Анюй, приток Колымы.

Нагрузившись заплечными мешками, работники отряда отправились на реку Яблоновую. Сторожить лагерь остался один Тото.

Через два дня вышли к реке. Недалеко от ее устья встретили приток, по долине которого спустились с перевала, где и нашли яранги чукчей Нататымлина и Палятау. У яранг встретили одних только женщин, — все мужчины ушли с табуном на летние пастбища в горы. За рекой, в полтора километрах, находились яранги чуванцев Айи и Аттувия.

У Нататымлина и Палятау своих оленей было мало. Необходимое для отряда количество можно было достать только у местного богача Калявинто. Итти до его лагеря надо было не меньше трех-четырех дней, поэтому Меньшиков уговорил Аттувия сходить и позвать Калявинто, чтобы тем временем отряд мог бы продолжить свою работу.

Чуванцы отправились в гости к Айи, а на следующий день чукча Палятау был в гостях у отряда. Меньшиков стал рядить их в проводники. К сожалению, Айи был один со стадом и пойти не мог, а Палятау соглашался лишь при условии, если ему разрешит итти Калявинто.

До революции Калявинто был старостой. Владея табуном оленей в четыре-пять тысяч голов, он распоряжался также и оленями своей сестры и племянников Куттевин и Тенетеу, у которых оленей было около восьми-девяти тысяч. Таким образом, в распоряжении Калявинто было больше двенадцати тысяч голов. Три лагеря батраков, по шести яранг в каждом, обслуживали его стада. На него же работал и Айи. Калявинто был шаман, и это еще более увеличивало его власть.

Через три дня Калявинто явился в сопровождении четырех батраков. С ним пришел Этилин, делегат съезда, с которым Меньшиков уже был знаком. На съезде Этилин упорно

отстаивал своего хозяина и говорил, что у Калявинто чукчам живется хорошо.

С приходом гостей два чайника поочередно грелись на костре, — долг вежливости прежде всего требовал угостить путников. Пришли Нататымлин, Палятау, Айи и Аттувий. Палатка не вмещала всех, поэтому расположились прямо у костра, на разостланном куске брезента.

Когда закончилось угощение, Фома приступил к переговорам, которые неожиданно быстро закончились в благоприятном для отряда направлении. Калявинто согласился по первопутку доставить отряд до Пятистенной — первой заимки по реке Большой Анюй. Сейчас же был написан договор, и Фома заверил, что чукчи обязательно его выполнят.

Короткое полярное лето было уже на исходе. Впереди предстоял трудный зимний переход на Колыму. Путь был совершенно неизвестный. Фома отказался итти дальше. Выручил старик-чукча Иллепек, живший и породнившийся с чуванцами. Он отлично знал чукотский и ламутский языки и немного говорил по-русски. Риккеу тоже вызвался итти с партией до Пятистенной.

Меньшиков предложил Легостаеву и Баклану решить самим — итти им на Колыму или возвратиться вместе с Фомой в Еропол. Рабочие решили возвратиться и занялись подготовкой к дороге. До Еропола предстояло пройти пешком по тундре свыше двухсот километров. С чуванцами договорились, что они с первыми заморозками, когда исчезнет мошка, перебросят лагерь экспедиции на реку Яблоновую, откуда можно будет начать движение вместе с чукчами.

Через несколько дней Фома и рабочие покинули лагерь. Чуванцы должны были притти с оленями не раньше чем через месяц. На это время Риккеу отпросился домой к своей семье.

ГЛАВА XI

Работа отряда Скляра подходила к концу. Омрелькот оказался славным парнем. Он вызвался проводить Игы с табуном к инпенекуильским чукчам. Таддлеевские чукчи были, по его словам, ближе, но Омрелькот не знал, как к ним сейчас можно пройти. Он хотел только предварительно сходить домой, чтобы отнести детям муки и риса, обещав вернуться не позже чем через два дня.

— Ждите, приду обязательно!

В ожидании его прихода часть оленей пристрелили на пищу. Туши сложили в яму, набитую льдом, сверху ее прикрыли хворостом, засыпали землей и выстроили шалаш. Палатки установили накрепко, в ожидании окончания распутицы. Между двумя радиомачтами протянули антенну; астро-радиопалатку поставили поодаль, чтобы можно было спокойно делать наблюдения и принимать сигналы. Собак привязали к кустам на снегу. Лагерь расположился на речной террасе, возвышающейся метров на 25 над неширокой поймой.

На севере, километрах в тридцати вверх по реке, виднелись предгорья Анадырского хребта, отроги которого вытянулись далеко к югу по западной стороне долины Канчалана. По левому берегу от устья Таддлео к югу также тянулся невысокий кряж. Здесь было много простора, но в отношении геологических изысканий эта низина обещала мало, так как кругом расстилалось болото.

Предгорья приковывали к себе взор всех. Почему-то казалось, что именно там можно было встретить что-нибудь необычайно интересное.

Омрелькот, несмотря на обещания, не пришел. Может быть его не пустило половодье, а может быть — и сам хозяин, но только вместо него пришлось провожать Игы Ване.

Им предстояло нелегкое дело — искать по затопленной тундре неизвестных людей в незнакомых местах и, кроме того, гнать табун, готовый каждую минуту разбежаться.

Прошло три месяца со дня выхода партии с реки Белой. Скляр написал начальнику экспедиции письмо с информацией о проделанной работе и с просьбой в половине августа выслать вверх по Канчалану кавасаки для обследования низовьев реки с притоками Инпенекуил и Ирмекуил.

Добровольский и Первак должны были доставить это письмо на факторию.

Едва прошел сплошной лед, как посыльные отправились в путь. Сильное течение подхватило лодку и вынесло на середину реки. Ребята дружно взялись за весла и скоро скрылись за островом.

Чтобы не терять напрасно времени в ожидании возвращения рабочих, Скляр и Гаврилыч решили отправиться в разведку на Канчалано-Качкарвиамский водораздел. Мария осталась стеречь лагерь и собак, чрезвычайно необходимых для будущих походов. Оставить их в лагере без присмотра было невозможно, так как они обязательно растащили бы продукты.

В поход были взяты три оставшихся ламутских оленя: бессменная Евражка, упрямый и сильный Хром и нелюдимый, но выносливый Профессор. Для передвижения по летней тундре выбрали самые легкие беговые нарты, к которым приделали подполозки из китовых ребер, чтобы защитить полозья при езде по камням. Из брезентовых сум сшили крошечную двухполосную палатку-полог. Необходимого груза набралось килограммов сорок. Два оленя пошли в упряжке, а третьего, для смены уставших, повели порожняком сзади.

Комаров еще не было. Вторая половина июня — лучшая пора года в тундре. По низинам отцветает морошка, пушистые ее головки белым плюшем одели болото. Из-под кустов выглянули розовые цветы княженики. Склоны террас сплошь покрылись лиловым цветочным ковром. С каждым днем заметно затихали птичьи голоса.

На шестой день над дальними горами засинели тучи, временами их прорезывала огненная стрела молнии. В тот же день вечером исхудалые, загорелые, с буквально обожженными лицами, вернулись Скляр и Гаврилыч. Они жестоко поплатились за свое доверие к полярному солнцу: несколько дней после похода не могли лечь на обожженную спину,

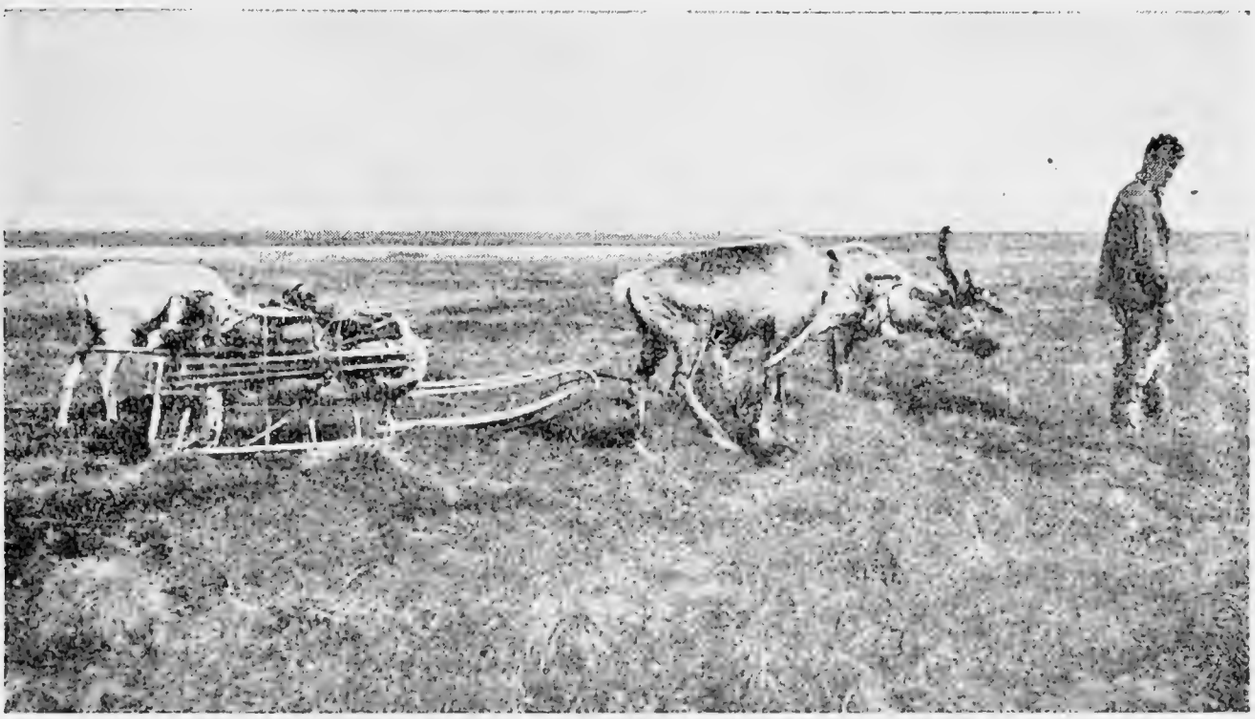

Фото И. Скляра

Передвижение по летней тундре

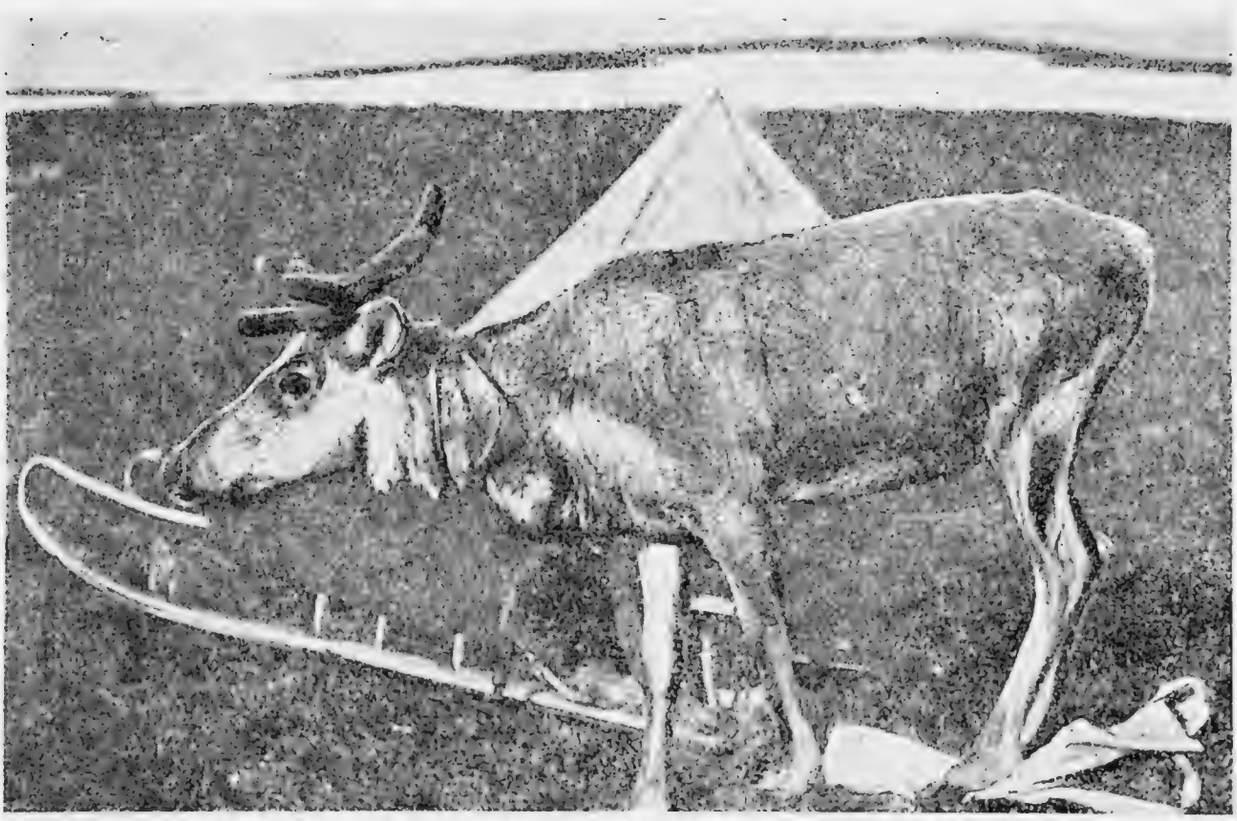

Фото И. Скляра

Евражка

Кожа у них пузырилась и полопалась, как будто была ошпарена кипятком, хотя они всего только один час прошли на солнце без рубах.

Оленям тоже тяжело дался этот дебют: Евражка ходила с забинтованным рогом, Профессор хромал на правую ногу. По сухой тундре нарта даже без груза шла очень тяжело. Путники предпочитали двигаться по воде.

Через день уснувший лагерь разбудили потрескивание костра и сдержанные человеческие голоса. Откинув полог палатки, увидели Ваню Рентыургина и Игы, жадно уплетавших остатки вчерашнего супа.

Оказалось, что Игы и Иван исходили сотни верст, но на указанном Омрелькотом месте не нашли и признаков жилья или следов кочевья.

На Качкарвиаме путники застали только пустые кострища на месте стойбища, хотя чукчи уверяли, что летовать будут на этом месте и только на время появления комара угонят табун в горы.

Игы пришлось заключить с отрядом новый договор, по которому он, в случае, если олени уцелеют, должен был доставить их в Ново-Мариинск или на Белую. В качестве платы за работу он получит часть этих оленей.

Прошло уже около двух недель с тех пор, как на факторию отправились Добровольский и Первак. Невольно закрадывалось беспокойство за благополучный исход их путешествия, так как лодка была не надежна для длительного плавания по незнакомым местам. Ваня решил ехать на их розыски. Из нартовых полозьев и брезентовых сум он соорудил лодку-плоскодонку. Это судно вертелось на воде, как волчок. Ваня взмахнул веслом и исчез вдали. Третий человек уплыл из лагеря в неизвестность.

Настала очередь Василию Гавриловичу сидеть дома и заниматься своими планшетами и вычислениями координат.

Мария и Скляр ушли в горы. Здесь цвели рододендроны — цветы, дошедшие до наших дней отзвуком былых эпох, когда на севере была еще субтропическая растительность. Пышные желтые букеты рассыпались по склонам гор. Картина была на редкость своеобразная: кругом виднелись плотные темнозеленые листья и снег. Лето и зима как бы слились воедино.

Поход выдался тяжелый. В долинах нога утопала в податливом торфяном ковре, и нарта то и дело переворачивалась с боку на бок. Оленей все время приходилось тащить

в поводу. Путникам надо было успевать вести глазомерную съемку, делать зарисовки, описывать обнажения и брать образцы пород.

При всем желании — сделать за день больше 12 километров не удавалось. Впрочем, граница между ночью и днем стерлась, — солнце все время было над горизонтом. Иногда набегали туманы. Их приближение можно было предвидеть заранее: они шли с моря, и чайки и норд-остовый ветер всегда были их предвестниками.

В туманы отсиживались на вершинах гор, так как съемку вести было нельзя. В такие дни палатка насквозь пропитывалась отвратительной сыростью. За тонкой парусиновой стеной иногда слышался шорох и чьи-то быстрые, легкие шаги. Иногда раздавался писк полевой мыши. Большая невидимая жизнь таилась в каменных россыпях гор и в густом кустарнике расщелин. Люди нарушали тишину своими голосами и ударами молотков.

С появлением комаров начались самые худшие мучения. Густое облако назойливых насекомых постоянно сопровождало караван. Олени превратились в живые муравейники, настолько много насекомых копошилось на их коже. Серая масса постепенно наливалась кровью и, насытившись, отваливалась. На ее место садились новые миллионы мучителей. Люди несли в руках длинные ветви, обмахивая ими несчастных оленей, но это был почти напрасный труд. Маленькая передышка наступала между двенадцатью часами ночи и двумя часами утра. Ночная прохлада заставляла комаров прятаться в кусты и в траве. Только в это время олени могли есть. Люди в это время тоже ходили с припухшими лицами и руками. Страницы дневников были усеяны комариными трупами и кровяными пятнами.

Когда Мария и Скляр вернулись на базу, Гаврилыч посмотрел и только головой покачал:

— Хороши, нечего сказать!

Наконец вернулись Рентыургин, Первак и Добровольский. Они привезли с собой байдару и моржевые шкуры для постройки еще одной лодки.

Перед партией стояла задача — подняться как можно выше по реке, в глубь южных склонов Анадырского хребта. Принимая во внимание быстрое течение и малое количество рабочих рук, продуктов и снаряжения взяли самое минимальное количество. На байдаре пристроили мачту и небольшой парус. Оставшийся груз и продовольствие для похода

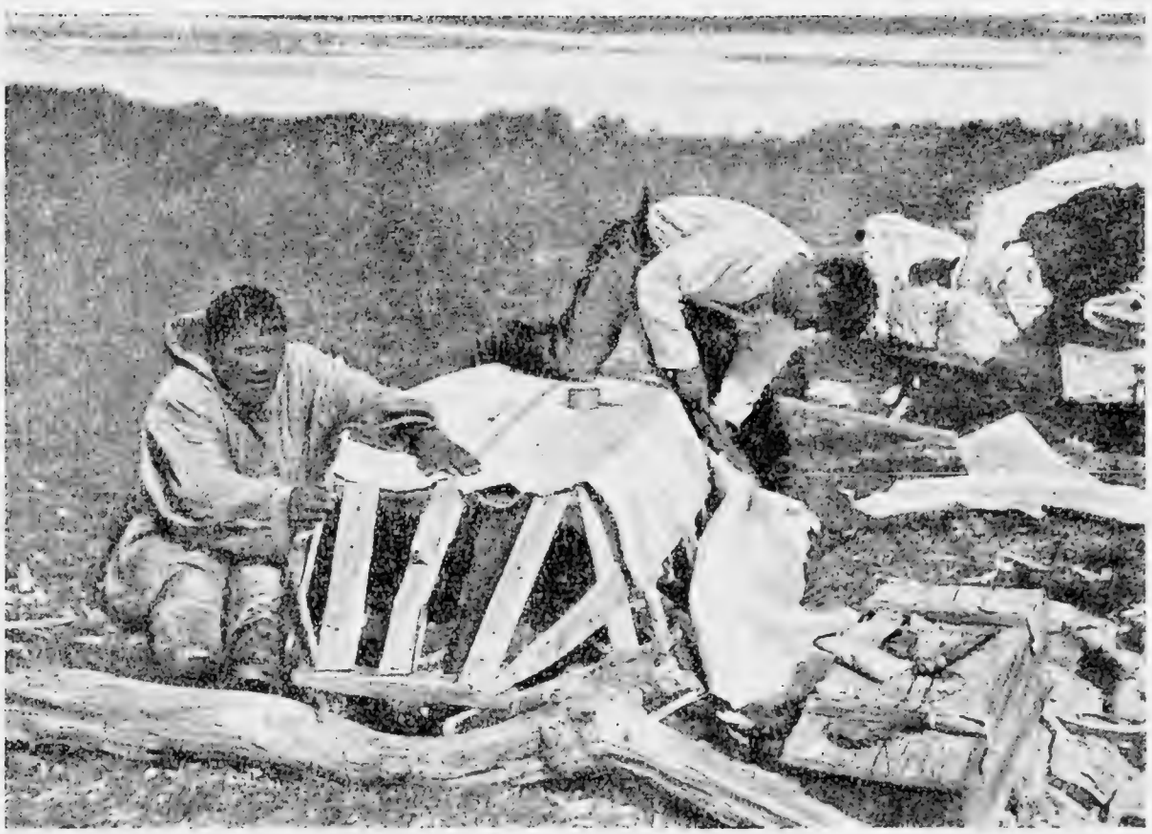

Фото И. Скляра

Игы и Ваня за поделкой брезентовой лодки

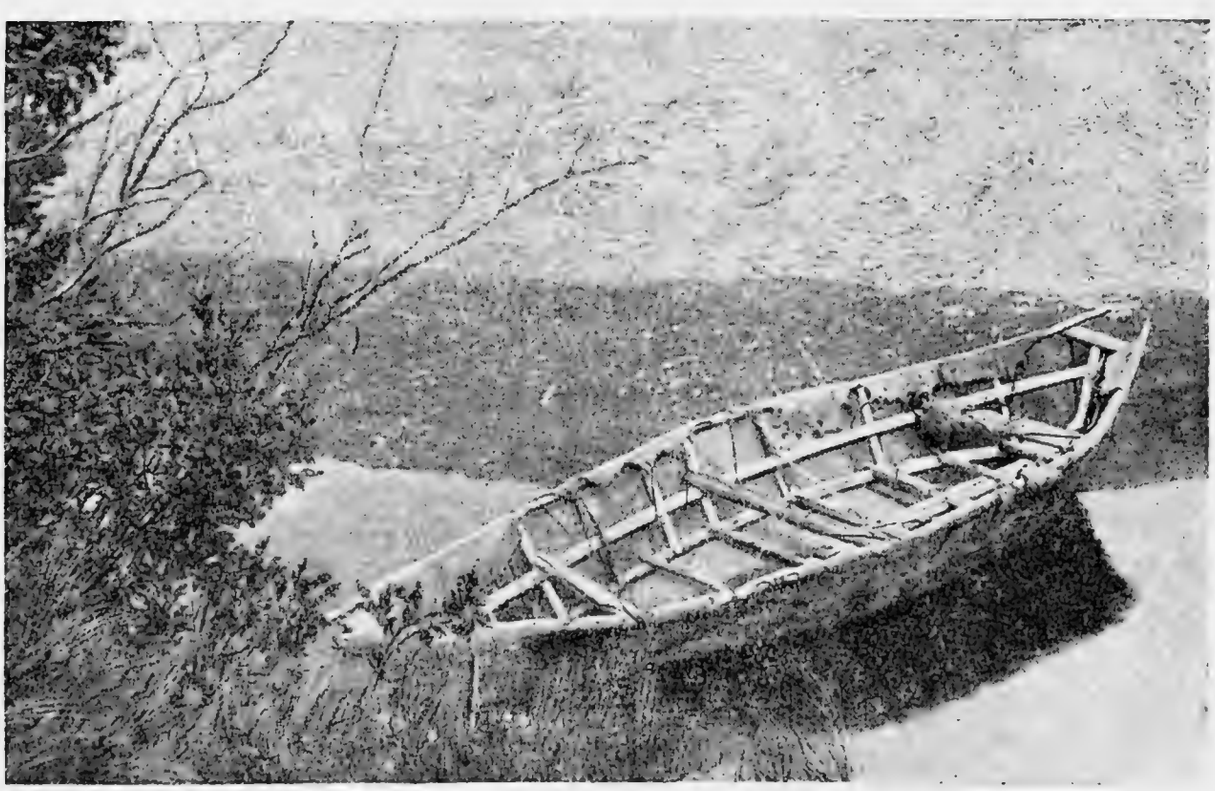

Фото И. Скляра

Самодельная бойдара

по реке Тадлер и на обратный путь сложили в палатку, около которой поставили пугало для медведей.

9 июля, разделившись на две партии, вышли в поход. В первой, так называемой «водной» партии были Добровольский и рабочие с грузом, вторая — «пешая» — состояла из Скляра, Гаврилыча и Марии. Средствами транспорта для последней партии служили олени и нарты.

До выхода в поход гуси и утки являлись прекрасным продовольственным подспорьем, но чем ближе отряд подходил к горам, тем пустыннее становились озера и заводи. Ограниченные запасы пищи заставили выдавать к обеду только по кусочку галеты величиной с четверть ладони. Крупу и рис можно было экономить в меньшей степени, но мясные консервы и муку берегли как гарантийный фонд. Мясо подавалось на обед лишь после удачной охоты.

Особенно тяжело приходилось двигавшимся на байдарках. Река капризными петлями прочертила свой путь по тундре. Иногда по прямому направлению партия проходила всего каких-нибудь два километра, а длина петель превышала целый десяток. Сухопутная партия проходила это пространство в течение часа, а водники тратили на него не менее восьми. Густой кустарник по берегам не давал возможности использовать собак, бечеву приходилось тянуть на себе. Борьба с быстрым течением быстро обессиливала людей Впрочем, и пешеходам нельзя было позавидовать. Олени давно уже заслужили звание подлинных «героев труда»; они тащили по просохшей тундре тяжело груженую нарту. Измученные животные ложились и не хотели итти дальше, их били и все же заставляли работать. Переключиться на вьюки было невозможно, так как разъеденные комарами и мошкой спины и бока оленей представляли собой голое кровавое мясо.

Бодрее всех держался Хром, но скоро пришлось лишиться и его. В одном из боковых маршрутов Марии и Скляру пришлось заночевать у подножия крутой сопки. Оленей, как всегда, привязали на длинных чаатах в кустарнике. Ночью Скляр проснулся от чьих-то шагов. Это не был олень, так как отсутствовал характерный кастаньетный стук его копыт о камни. Вдруг палатка задрожала. Кто-то задел растяжку и с храпом ткнулся в полотнище. Скляр распластал ножом брезент и прямо перед собой увидел лохматый медвежий бок. Имевшаяся винтовка не была снабжена вполне подходящими по калибру патронами. При заряде их прихо-

дилось загонять в ствол деревянным молотком, а разряжать — при помощи ножа. Стрелять из такого оружия можно было только по гусям. Вспомнив, что медведи иногда легко поддаются испугу, путники одели накомарники и выскочили из палатки, заорав что было силы. Медведь оглянулся и присел шагах в шести от палатки. Это был небольшой светло-серый зверь с белым брюхом. Любопытство так и светилось в его глазах.

Некоторое время люди и медведь пристально смотрели друг на друга. Скляр и Мария начали бросать в зверя камнями, что заставило его отойти метров на двадцать. Необходимо было использовать момент. Быстро расставили треногу и навели на зверя фотоаппарат, но в это время легкий ветерок зашевелил листом желтой оберточной бумаги. Не понравился ли Мишке этот незнакомый ему звук, или его навел на грустные размышления блестящий фотоаппарат, но только он повернулся и пошел прочь. Скляр не вытерпел и пустил ему вдогонку пулю. Мишка вскинул задом, остановился в недоумении, а затем рысцой побежал дальше. У него была прекрасная защитная окраска. Зверь словно растаял в море высоких зарослей ивняка, ковром покрывших неглубокий разлог.

Тут только спохватились, что нет Хрома.

Чаат, к которому был привязан олень, оказался оборван, на россыпи не было заметно никаких следов борьбы, значит, Хром просто удрал, увидев зверя.

В верховья реки Начекваама можно было пробраться только пешим порядком, так как хотя прорезиненная лодка и сидела неглубоко, но тянуть ее через мелкие перекаты и пороги было не по силам. Пришлось снова разделиться на два отряда. Мария и Ваня с двумя оленями пошли по левому маршруту — вверх по реке Кетаваки, а Скляр, Васильев, Первак и Добровольский направились вверх по реке Ильменькваам. Чтобы не бросать на произвол судьбы четырех собак, их взяли с собой. Груз состоял из двухполосной палатки, чайника, посуды, небольшого количества продовольствия и мелкокалиберного винчестера. Продовольствия на базе оставалось так мало, что во время пешего похода все надежды возлагались только на охоту. По новой норме дневное довольствие на четырех человек состояло из банки мясных консервов, одной галеты и двух столовых ложек риса.

Перебравшись через реку и пробираясь по болоту сквозь кустарники, направились к подножию Анадырского хребта.

У развилка долина реки имела ширину километров пять, но дальше вверх она быстро суживалась. Часам к пяти утра подошли к отрогу Анадырского хребта. Река прорезала горы, образуя узкий коридор. На берегу решили напиться чаю и поесть. Одна восьмая галеты, кусочек сахару и несколько луковичных перьев, сорванных по дороге, составляли завтрак отряда. Успокаивали себя надеждой, что встретится какая-нибудь дичь.

Закусив, отправились дальше. Скляр описывал обнажения и брал образцы пород, Васильев вел съемку.

Долина снова значительно расширилась и уходила далеко на север.

Голод, между тем, давал себя сильно чувствовать, но как на зло не было видно ни одной птицы. Все живое словно вымерло в этих горах. Солнце высоко поднялось над горизонтом и согрело землю, быстро оживив докучливых мошек и комаров.

После длинного перехода одна банка консервов не могла удовлетворить четырех человек. Добровольский отыскал какие-то стручки, напоминавшие вику. Сбор был хороший, и через несколько минут в кастрюли с кипящей водой опустили две кружки стручков, а еще через полчаса заправили борщ банкой мясных консервов. Ели с таким аппетитом, что глотали стручки почти непрожеванными.

Вечером, еще до захода солнца, пошли дальше. Комары и мошки не досаждали на работе. Описывая обнажения, Скляр на одной из скал заметил сокола, не спускавшего глаз с пришельца. Сокол взвился в воздух и то высоко поднимался над головой Скляра, то камнем падал вниз, чуть не задевая за его фуражку. Повидимому, где-то на скале было его гнездо. Прислушавшись к крикам птенцов, Скляру удалось добраться до гнезда. Сокол, защищая своих птенцов, с таким остервенением набрасывался на Скляра, что тот уже хотел отказаться от задуманного предприятия, но голод заставил забыть об осторожности. Добычей отряда сделались два довольно крупных соколенка.

Откуда-то, запыхавшись, прибежали собаки. До этой минуты они все время бродили где-то вдалеке. Беспокойство собак объяснялось тем, что позади, метрах в ста, не спеша пересекали долину два волка. Васильев попытался было натравить на них собак, но они не сделали и трех шагов. Из мелкокалиберного винчестера до зверей было не достать. Минут через десять волки скрылись из вида.

Наконец на одном небольшом озерке Добровольский заметил плавающего гуся, о чем шопотом предупредил Васильева.

Под прикрытием холмов подползли ближе и увидели, что на воде плавал не один гусь, а целая семейка. Самец, видно, заметил людей и, поднявшись, полетел в горы. На месте осталась самка с детьми. Первый выстрел дал недолет, второй — перелет. Самка не собиралась покидать птенцов и лишь прижалась плотнее к воде, стараясь остаться незамеченной. Третий выстрел попал в цель. Птенцы попрятались в траве, но Коля Добровольский выследил и их. Завтрак вышел на славу.

Двух гусят оставили на ужин.

От голодной базы до Качкаургуама Васильев и Скляр спускались на плоскодонной лодке. Мария и Ваня шли с оленями по берегу. Добровольского и Первака Скляр послал вперед, чтобы они успели к приходу остальных доставить с основной базы в устье Качкаургуама небольшой груз продовольствия. По приходе их на базу оказалось, что три четверти оставленного продовольствия было съедено пастухом Игы.

По плану работ, было необходимо сделать еще круговой маршрут по рекам Качкаургуам и Таддлео. Васильев, Добровольский и Первак утром вышли по этому пути. Лодку тащить на бечеве можно было не больше чем на расстоянии десяти километров, так как дальше вверх река становилась все мельче и мельче. Наконец перекаты совершенно преградили путь лодке. Через пять суток отряд возвратился за оставленной ношей и еще через сутки вернулся на базу.

Тем временем Скляр и Мария с оленями и собакой Белюга отправились левым берегом Начекваама. Евражка от переутомления то и дело спотыкалась и падала.

Бедное животное доживало свои последние дни. Евражку поднимали на руках, выпрямляли ей ноги, ставили на землю, и она снова шагала до ближайшего препятствия. Бросить оленя было нельзя, так как он являлся единственным пищевым ресурсом отряда. Уже в видимости лагеря заночевали на Галечной отмели. Река обмелела настолько, что можно было попытаться перейти ее в брод, но сильное течение сбивало с ног и людей и животных.

Евражку кое-как втащили на берег, в кусты, где она могла лежать и без особых усилий собирать листья. На краю

двухметрового обрыва она как-то неловко повернулась и скатилась прямо в воду, где и осталась. Утром Рентыургин заметил палатку и подъехал к ней на лодке. В нее положили едва дышавшую Евражку и заболевшего Андрея. Возвратившийся отряд встретил на берегу Игы.

— Что ты сделал, Игы?

В ответ — одно молчание.

— Ты ведь нам всю работу сорвал!

Снова гробовое молчание.

— Как же ты позволил себе последнее у нас взять?

— Голоден был... Думал, что мильгитане не пропадут. Мильгитане умеют есть понемногу и сыты бывают.

Вот и толкуй с ним — и досадно, и жаль его. Упрям он, не хочет итти в Ново-Мариинск и остается здесь без всяких средств к существованию. Теперь намеревается итти искать тоддлеевских чукчей.

Пока Васильев, Добровольский и Первак ходили по реке, Скляр и Ваня успели привести в порядок все пловсредства. Ваня с гордостью поглядывал на свое произведение — брезентовую лодку, но остальные относились к ней с большим недоверием. Легкий каркас, обтянутый брезентом, казался ненадежным для предстоящего плавания. Груза оказалось так много, что некоторые менее ценные вещи пришлось оставить, то же, что надо было взять с собой, только-только разместилось в лодках.

Евражку пришлось пристрелить. Несмотря на голод, никто из людей не прикоснулся к ее мясу. Евражкина голова с изломанными рогами коптилась над костром. Собаки грызли ее ребра.

ГЛАВА XII

Как только комаров стало меньше и у Профессора зажили раны на спине, было решено использовать его под вьюк. В новом амплуа Профессор держался с достоинством, и без особых усилий тащил на себе около 15 кг груза. Остальную необходимую для отряда поклажу разместили по заплечным мешкам.

Мария и Скляр переехали на левый берег, по которому должны были пройти с глазомерной съемкой. Путь отряда шел в южной оконечности левобережных высот по местам, где торф достигал полутораметровой толщины и где из-под глины и гальки выглядывали остатки древней морены.

Понизу в тундре выходов пород почти не обнаруживалось. Их можно было встретить лишь на вершинах сопок да кое-где на береговых обрывах.

Наступил период времени созревания морошки. Ее варили с сахаром на завтраки и на обеды. Время от времени удавалось поживиться молодыми гусями или куропатками.

В день выступления пешей партии направились в путь также и четыре экспедиционные лодки. В первой из них разместились Добровольский и Первак, Васильев и Ваня сели во вторую, а две задние шли на буксире с грузом.

Первый день плавания прошел благополучно. Караван двигался вместе с течением реки и проходил по три — три с половиной километра в час. Безопасность плавания зависела исключительно от искусства рулевых. Участники путешествия — Добровольский и Ваня — провели на реках Камчатки и Чукотки половину своей жизни, и потому в вопросе управления лодкой могли поспорить с любым природным рыбаком. Однако и им иногда было очень трудно ориентироваться на незнакомой реке. Особенно опасен был участок, где река делала крутой поворот и суживалась до нескольких метров. В этом случае вся масса воды с такой мощью устремля-

лась по узкому руслу, что сопротивление человека напору воды можно было уподобить борьбе мухи против льва. Река сильно подмыла левый берег и образовала в нем глубокие пещеры. Однажды караван стремительно вынесло течением на фарватер и быстро потянуло вперед. Через мгновение лодки оказались у самой пещеры, куда их стало затягивать с неудержимой силой. Первая лодка ударилась бортом о берег, немного пройдя пещеру, вторая задела за край пещеры кормой, а две последние втащило метра на два вглубь и чуть не придавило обрушившейся глыбой земли. Лодки глубоко осели в воду, так как всплески волн начали переливаться через их борта. Через несколько секунд караван вырвался из опасного места и продолжал плыть вниз.

Река заметно обмелела: почти через каждые два-три километра приходилось перетаскивать лодки на руках через пороги. На четвертый день лодки достигли условленного со Скляром места. Прошло двое суток, а пешая партия еще не подходила. Решили провести на месте еще одну ночь, после чего отправиться на их поиски. К полдню следующего дня Скляр прибыл к месту стоянки судов. Теперь предстояло всем вместе двигаться навстречу катеру, который должен был подниматься вверх по реке до тех пор, пока это позволит его осадка.

Ясным прохладным утром флотилия тронулась в путь. От сухопутного транспорта отряда уцелели только собака Белюга и олень Профессор. Все остальные либо погибли от голодовки и истощения, либо разбежались.

Холодом и покоем дышали берега. Темнозеленые омуты были прозрачны. Обманчиво доступным казалось песчаное дно. Первак, Добровольский и Ваня уже проходили по этим местам во время возвращения их с фактории, поэтому они знали каждую излучину и отмель, что значительно облегчало продвижение отряда.

Около полудня сделали привал, чтобы отдохнуть и отчерпать воду из лодок.

Вдруг над рекой прокатился гулкий винтовочный выстрел, за ним другой, третий. Кто-то охотился за виднев-шимся впереди зеленым мыском. Отряд быстро снялся с места стоянки и вскоре совсем близко у берега обнаружил катер и кунгас, а на берегу — палатку и целую толпу людей.

На лодках сразу вдруг вспомнили о своей внешности. Раньше не замечали, что руки у всех были черны, как копыта, а коричневый загар сделал белых европейцев похо-

жими на цыган. Водяное зеркало отразило взлохмаченные головы. У Гаврилыча и Скляра всклокоченные бороды закрывали половину лица. Пропитанные потом меховые рубахи, продранные брюки и подвязанные веревочками подошвы сапог дополняли непрезентабельный вид людей.

Навстречу каравану уже торопилась лодка, в которой мелькал яркокрасный платок.

Гаврилыч вдруг вскочил так, что байдара чуть не черпнула бортом.

В хозяйке красного платочка он узнал свою молодую жену, на которой женился на прошлой зимовке. Бедняге надо было еще замерить один азимут, а лодка с красным платком уже рядом.

— Вася, здравствуй!

— Одну минутку . . . Сто девяносто градусов, — Гаврилыч никак не может привести в спокойное состояние стрелку компаса. — Сто восемьдесят. Ну вот, теперь — пожалуйста!

Гаврилыч повернул свое сияющее лицо к красному платку.

— Ну и морфинисты! — несется с лодки. — Да вы полгода не мылись, что ли?

Жена Гаврилыча, принявшая на себя обязанности временного завхоза, взяла из Ново-Мариинска на кавасаки хлеб, письма и посылки с «материка». В лимане кавасаки попал в шторм и был выброшен на берег. Весь груз затонул. Начальнику экспедиции пришлось добывать катер в аренду у АКО, которое и предоставило его сроком на три дня. Таким образом работа по обследованию низовьев Канчалана срывалась, — на одних лодках далеко не уедешь.

На берегу прибывший отряд окружила шумная толпа молодежи, возглавляемая старым знакомым — лоцманом Беляевым.

Встречающие были членами экспедиции Госземтреста, выехавшими в свой первый маршрут. Экспедиция носила комплексный характер и собиралась зимовать в Ново-Мариинске. Два отряда экспедиции выехали на Белую и в Марково.

Начальник отряда Госземтреста с удивлением рассматривал Профессора.

— Это что за мощи? А где остальные олени?

— Ау! Гулять ушли!

— Как так? Они уже запроданы мне вашим начальством!

Оказалось, что госземтрестовцы совершенно не обеспечены транспортом. У них была только одна лодка, да и то почти

никуда негодная, так как по своему типу она приближалась к морскому вельботу и имела очень большую осадку.

В конце конков к госземтрестовцам перешли на службу пловучие самоделки отряда Скляра и заслуженный Профессор. Ему снова придется поработать; надо отдать должное, что, несмотря на перенесенные лишения, он еще работоспособен и бодр.

— Пожалуйте закусить! — приглашает прибывших начальник отряда.

С жадностью путники набрасываются на белый мягкий хлеб. Одна за другой исчезают со стола пышные буханки.

— Простите, пожалуйста, — конфузится Первак, — нельзя ли еще хлеба?

— И если можно — соли, — робко добавляет Добровольский.

От госземтрестовцев узнали, что в Ново-Мариинске со дня на день ожидают прилета Обручева на самолете и что вдоль северного побережья Чукотки пробивается сквозь льды «Сибиряков», совершающий сквозной рейс Архангельск — Владивосток через Северный ледовитый океан.

О судьбе марковской партии ничего не было слышно. Наконец, заработал мотор, и катер понесся вдоль зеленых берегов. Скорость хода кажется невероятной после пешего хождения и движения под веслами. Гаврилыч ведет съемку.

— Попытаемся еще проехать по Инпенекуилу и Ирмекунлу, — говорит Скляр.

С командой катера пришлось выдержать ожесточенную борьбу: она категорически отказывалась задержаться в пути хотя бы на один день. В результате все же вышло так, как хотели Скляр и Гаврилыч, и обе реки были обследованы до пределов их судоходности.

Вышли в лиман. Перед глазами расстилались знакомые места, но только времена и обстоятельства изменились. В прошлом году тундра победила людей, а теперь люди победили тундру. Многие сотни километров ее протяжения были пройдены вдоль и поперек, и на карте края появилась большая многоводная река, вымеренная от устья почти до самых истоков.

После тяжелой работы вдруг так захотелось на «материк», где жизнь опередила нас почти на два года. Захотелось общения с людьми, музыки, смеха и отдыха.

В сумерках замаячили впереди огни Ново-Мариинска. Гаврилыч затянул отходную:

Итак, прощай, страна родная,
Прощайте, милые друзья,
Прощай, Чукотка дорогая,
Прощай, быть может, навсегда.

Хор подхватывает грустно-шутливый мотив:

Но, может быть, настанет время —
Мы возвратимся к вам сюда.
Так к берегам подходят волны,
Так в море катится река.

— На берегу! — кричит Беляев. — Принимай конец!

— Носит вас, дьяволов, по ночам — спокою нет. Кидай, што ль!

Меньшиков и Дорошенко знали, что отряд Скляра должен был закончить свою работу и отправиться в обратный путь на «материк». К сожалению, с уезжающими нельзя было послать даже весточку. Надо было сидеть в лагере — ждать, пока приедет Калявинто и зимним путем переправит отряд в Пятистенную. Безлюдная горная тундра раскинулась на сотни километров вокруг палатки Меньшикова и Дорошенко. Евражки попискивали на холмах. Они страшно обнаглели и бегали по лагерю, не стесняясь присутствия людей. Зверьки забегали в палатку, забирались в груз и грызли все, что попадалось. Для борьбы с назойливыми посетителями спустили с цепи собаку.

Два раза видели медведей, но они близко к лагерю не подходили.

Через двадцать дней в лагерь возвратились Риккеу и Анкудинов, вслед за ними должны были притти колхозники с оленями. До их прихода приготовили грузы и починили сани. Чуванцы пришли с оленями в начале сентября, и через несколько дней отряд уже добрался до реки Яблоновой. Продвигаться было трудно, шел мокрый снег, который подмерзал только по утрам, а днем давал непролазную слякоть.

Меньшиков и Дорошенко отправились с чуванцами и Палятау в лагерь племянника Калявинто — чукчи Куттевина. Через перевал спустились в долину и направились к озеру.

Вдоль его берега выстроились шесть яранг. Все они были невелики и бедны, и только одна, свободно вмещавшая шесть меховых пологов, выделялась своим видом. Два окна освещали это сооружение. Вместо стекол в них были натянуты выскобленные оленьи шкуры, хорошо пропускавшие свет.

Посередине располагался неизменный очаг, над ним, во все стороны, были развешены на жердочках куски оленьего мяса. Хозяева встретили путников приветливо. Калявинто чувствовал себя как дома, Куттевин, наоборот, как-то весь стушевался.

Утром проснулись чуть свет. Вокруг яранги стоял шум от сталкивающихся рогов, треска копыт и хрюканья молодых пыжиков. Вдоль яранги шли сплошной лентой, до пятидесяти метров шириной, олени. Это был день, когда происходила их браковка и заготовка мяса и пыжиков для одежды. Здесь же производилось выхолащивание быков. То и дело взвивался в воздух чаат и падал мертвой петлей на оленя, указанного Калявинто или Куттевиным. Животное билось, рвалось на волю, но общими усилиями его подводили к яранге и либо убивали, либо валили на землю и оперировали.

Женщины-чукчанки и ламутки с руками, до плеч измазанными оленьей кровью, разделывали туши. Кровь собирали в желудки и крепко завязывали их, чтобы она не пролилась. Получались своеобразные бурдюки, кучей лежавшие на санях.

В яранге беспрестанно варили еду и чай. Усталые люди с жадностью смотрели на дымившиеся куски мяса, которые дома никто из них не мог видеть в таком большом количестве. Кочевники-оленеводы в подавляющем большинстве имели оленей только лишь для кочевок и для получения шкур, но отнюдь не для постоянного питания.

Табун шел целых три дня. Уже несколько десятков оленей было убито и разделано на мясо. Шкуры животных лежали для просушки на земле. Не дождавшись конца убоя, Меньшиков и Дорошенко отправились обратно, заручившись обещанием, что по первому снежному пути чукчи приедут за отрядом.

Лагерь разбили вблизи яранги Айи. Чуванцы спешили домой. Ушел и Анкудинов. В лагере остались Меньшиков, Дорошенко, Риккеу и Анисим. Каждый день наведывались Айи и Аттувий.

Наконец начались морозы, и выпавший снег больше уже не таял. Чукчи сдержали свое слово и подкочевали к лагерю отряда со всем своим табором. Вскоре отряд тронулся на новые места.

Снег был еще неглубок, постоянно приходилось объезжать камни и кочки. Олени отвыкли от упряжки, кроме того, среди них было много молодых, плохо обученных, поэтому караван очень медленно продвигался вперед. Путь шел через ряд небольших пологих перевалов и по долинам рек. Иногда приходилось по нескольку дней пережидать пургу. Миновали перевал, на который, из-за отсутствия местного леса, пришлось везти с собой дрова. За перевалом вышли на реку Гукуам, первую реку, которая несла свои воды в Колыму. Караван был в бассейне Большого Анюя.

Широкая долина реки уходила на северо-восток. Путь отряда лежал через верховье реки на северо-запад, на речку Элючий, где стоял лагерь Калявинто. Так же, как и у Куттевина, шесть яранг батраков обслуживали его табун. В десяти километрах находился лагерь второго племянника Калявинто — Тенетеу; у этого насчитывалось около четырех тысяч оленей и также было несколько яранг батраков. В лагере Калявинто окончательно сформировался состав каравана. Кроме членов экспедиции, в него вошли Калявинто со своей старшей женой, Тенетеу, батрак Орато с женами и Аттувий. В лагере Калявинто оставили те грузы, которые по договору следовало уплатить за перевозку. Продовольствие было на исходе, а потому пришлось дополнительно закупить у Калявинто несколько оленей для питания в пути.

Аттувий и три женщины вели караван. Калявинто и Тенетеу прокладывали дорогу. Риккеу и Анисим ехали позади. К их нартам Меньшиков привязал своих оленей, чтобы освободить руки для работы.

Морозы увеличивались с каждым днем, а теплой одежды для всего отряда нехватало. В свое время у Калявинто были закуплены пыжики и переданы для пошивки одежды ламуту Косте, поэтому отряду необходимо было как можно скорее добраться до его яранги.

Следующая остановка была сделана у перевала на реке Элючий. Только принялись готовить еду, как к лагерю подъехали две нарты с ламутами Костей и Афанасьем, которые привезли заказанные им одежды. Меньшиков расплатился с ними за работу, и на следующий день они уехали домой. Караван дошел до их лагеря только на пятый день.

Круглые небольшие яранги охотников не имели пологов, а просто посреди помещения горел костер, вокруг которого на шкурах оленей располагалась вся семья. Спали в кукулях, огонь поддерживали круглые сутки.

Бедная внутренность яранги и небольшое количество предметов обихода являлись характерными чертами быта ламутов. Подали чай. Хозяйка, подслеповатая старуха, аккуратно вымыла блюдца кипятком, вытерла их свежей стружкой и только после этого налила чай. Ламуты пользовались заварным чайником, так как недостаток чая заставлял его очень экономно расходовать. В качестве подарка отряд привез Косте кирпич чаю и выделил из своих остатков килограмма четыре муки и несколько кусков сахара. К ужину была подана мороженая и вареная форель. Ламуты называли ее «мальма». Она держалась всю зиму в быстринах горных рек и хорошо ловилась на удочку, являясь большим подспорьем в хозяйстве ламутов. Обычно ее ловили подростки, пока взрослые промышляли белку. Кроме мальмы, еще с осени у ламутов сохранялись хариусы, которых здесь называли «харитоны».

Осенью при спаде воды хариус спускался в низовья рек и шел в огромном количестве. Ламуты ловили его небольшими неводами и удочками, иногда же перегораживали реки или ставили морды. Осенний лов обеспечивал семью рыбой месяца на два-три, не больше.

Вот этот-то промысел и задерживал ламутов на реках, ибо «харитоны» и «мальмы» кормили их четверть года. Постепенно, по мере обмеления реки, рыба спускалась все ниже и ниже по течению, на более глубокие места; за ней шли и ламуты.

Морозы увеличивались. Ртутные термометры оказались ненадежными: почти все время показывали температуру —40°. Наблюдения начали производить по спиртовому термометру, который нередко давал температуру —45—48°.

По пути встретили новый перевал и реку Телекеук. Местами пробирались с большим трудом. Заросли становились все гуще. Нарты то и дело задевали за деревья. Иногда Орато и Тенетеу рубили просеки, чтобы освободить проход для каравана.

В лагерь на Телекеук приехал чукча Кайкымыргин — рослый и приветливый мужчина. С ним приехали его жена и несколько ламутов. Кайкымыргин женат был на ламутке, что было большой редкостью. Правда, еще реже приходилось встречать, чтобы ламут был женат на чукчанке.

Кайкымыргин имел немало оленей, но его табун славился не столько численностью, сколько упитанностью. Анисим на-

мекнул, что не плохо было бы купить у него оленя. Меньшиков согласился, и на следующий день Кайкымыргин привез из своего табуна необычайно упитанную, всю залитую салом тушу.

Кайкымыргин решил кочевать с экспедицией до Пятистенной. Ламуты предупреждали, что больше до Большого Анюя кочевья не встретятся. Расчеты пройти до Пятистенной в один месяц не оправдались, так как отряд двигался уже третий месяц, и впереди еще предстояло пройти не менее половины расстояния.

На одну из стоянок приехали чукчи с верховьев реки Омолоя. Они сообщили, что шесть дней тому назад из Каменского на Охотском побережье к верховьям реки Омолоя вышло одиннадцать нарт с товарами. До Каменского было не менее 1000 верст, и работники экспедиции отнеслись к этому известию недоверчиво, но Анисим уверял, что это правда. Впоследствии это сообщение подтвердилось. Приходится удивляться, с какой точностью и быстротой распространяется любая новость по пустынной горной тундре. Весть передавалась так быстро благодаря тому, что туземцы организуют своего рода эстафету и всякий, кто узнал новость, спешит привезти ее возможно скорее в соседний лагерь. В тундре человек с новостями всегда является желанным гостем, и его угощают всем, что есть лучшего у хозяина. Как только новость рассказана, хозяин яранги уже готов к отъезду и, не медля ни минуты, мчится на оленях в следующий лагерь. Так от стойбища к стойбищу идет молва и в небольшой промежуток времени проникает в самые глухие углы тундры.

Путь становился труднее. Больше чувствовалась усталость, ощущался недостаток пищи. На Анюе перешли исключительно на мясо и чай. Никаких продуктов, кроме двух банок сгущенного молока и банки какао, не оставалось, но их берегли на крайний случай. Чуть не каждый день спрашивали у чукчей:

— Тер ненри (сколько итти)?

В ответ вначале слышалось, что осталось 10—12 дней, а потом количество дней не только не сокращалось, а даже увеличивалось. Под конец перестали и спрашивать.

Выйдя на Анюй, пересекли его широкую долину и опять пошли в горы, надеясь встретить ламутов. Калявинто неожиданно заявил, что он возвращается домой и отряд поведет дальше Орато. Распростившись, он один отправился в обратный путь и скоро скрылся среди деревьев.

На одной из ночевок Анисим объявил, что заболел Аттувий. Меньшиков пошел к нему в полог и нашел у Аттувия повышенную температуру. Все его тело было покрыто мелкой сыпью. Прикосновение к коже даже в мягкой меховой одежде вызывало у больного сильную боль.

Утром неожиданно подъехали верхом на оленях два ламута из оказавшегося случайно поблизости лагеря. Отряд передвинули к нему на расстояние полукилометра и остановились на ночлег. Аттувий не находил себе места, стонал и метался, словно в бреду. Мелкая сыпь превратилась в водяные пузырьки. Расспросили Анисима, часто ли здесь болеют такой болезнью и долго ли она держится. Анисим рассказал, что болеют чаще всего зимой, болезнь длится до двух месяцев и проходит сама собой. Аттувию дали жаропонижающего, но ничего другого делать не решались. Утром ему стало заметно легче, но кожа болела попрежнему. Задержаться здесь на месяц, а может и два не представлялось возможным, поэтому договорились с ламутами, что Аттувий останется у них до выздоровления. Больному оставили мяса, чай, сахар, ездовых оленей и нарты. Жалко было оставлять парня, так стремившегося попасть в Пятистенную на факторию, но другого выхода не было. Грустный сидел он у огня. Меньшиков, чем мог, подбодрял его, обещав прислать ему винчестер, если удастся достать на фактории.

Проводник Оранто каким-то чутьем угадывал дорогу, прокладывая путь по зарослям долин и склонов и по бесчисленным речкам и ручьям.

Работать становилось все труднее и труднее. На морозе металлические части инструментов обжигали пальцы, руки стыли и долго не согревались.

Однажды отряд наткнулся на лыжный след. Оранто и Тынетеу поехали вперед и возвратились поздней ночью с известием, что недалеко кочует ламут Гаврила с семьей, направляясь в Пятистенную. Утром верхом на олене приехал сам Гаврила. Он был средних лет и невысокого роста. За плечами у ламута виднелось старинное кремневое ружье. Гаврила легко спрыгнул с оленя в снег. Поздоровались. Оказалось, что охотник говорит по-русски лучше переводчика экспедиции Анисима.

Здесь уже было известно, что караван идет на Пятистенную. Гаврила сообщил все тундровые новости; он рассказал о промысле. Белки было много, но нехватало патронов к мелкокалиберной винтовке, приходилось промышлять зверя

с кремневкой. Сейчас он с семьей шел в Пятистенную, и все имущество перевозил вьюком на оленях.

Рано утром Гаврила становился на лыжи и с собакой уходил вперед, на промысел. Жена и шестеро ребят (старшему было лет 12—13) кочевали следом за ним на оленях. Женщина с удивительной быстротой и легкостью разбирала и укладывала яранг у, вьючила оленей и вела их среди деревьев.

Маленьких ребятишек она сажала верхом, привязывая к седлу, чтобы они не упали.

Животные одно за другим вереницей шли по лесу за передним оленем, на котором сидела хозяйка с длинной палкой в руках. Ею она управляла оленем и опиралась на нее, когда садилась или сходила с оленя.

В густом лесу караван змеей извивался между деревьями, и надо было удивляться, с какой решительностью и уверенностью женщина вела его, не задевая за деревья и за ветки. В последующем она нередко обгоняла караван экспедиции, и, когда нарты приходили к месту кочевки, у нее уже была установлена яранга и готов чай.

Гаврила обычно задерживался на охоте и возвращался только ночью с беличьими шкурами у пояса.

На речках стали попадаться следы лося. Теперь Гаврила начал брать с собой винтовку в надежде встретить сохатого, но правильную охоту на него решил отложить до возвращения из Пятистенной.

Однажды Гаврила, знавший дорогу лучше всех, объявил, что в Пятистенной караван будет дня через четыре. Олени измучились в глубоких снегах и сильно похудели от непрерывной кочевки. Здесь еще был хороший ягель, а дальше, по словам Гаврилы, корма почти не было, вследствие чего здесь решили устроить дневку.

Кайкымыргин запряг свежих беговых оленей в легкие нарты и отправился вперед на Пятистенную. Вернуться он обещал на следующий день вечером.

Еще засветло на опушке леса показалась упряжка, скоро остановившаяся у яранг. Женщины быстро выпрягли оленей. Кайкымыргин с мешком в руках вошел в палатку и разложил привезенные подарки: кирпичный чай, конфекты, масло, сахар, табак и кусок черствого хлеба.

— Ты, хозяин лагеря, выбирай, чего тебе? — сказал Анисим Меньшикову, который был готов отказаться от всего за кусок хлеба. Это же желание было и у коллектора.

— Бери чай, сахар! — повторил Кайкымыргин.

Меньшиков отказался. Тогда Кайкымыргин разделил все поровну между присутствующими. Все были довольны и радовались как подаркам, так и скорому концу пути.

Горы остались позади. Впереди расстилалась широкая долина Большого Анюя. Долина была покрыта лесом, разделенным многочисленными протоками на отдельные участки. Впереди чуть виднелась невысокая возвышенность.

— Видишь, река заворачивает за сопку. Там и Пятистенная! — показывал Гаврила.

Вышли на реку. Протоками и через заболоченные низины и озера быстро подвигались к цели. Пойменный лес скрыл дали и возвышенности у Пятистенной, появившиеся вновь, когда подъехали к ней совсем близко.

По правому берегу реки тянулся лес, а на левом, на широкой террасе, путники увидели несколько домиков, не имевших крыш и напоминавших собой коробки, покрытые снегом. Из труб курился дым, и ветер гнал его навстречу каравану. Немного не доезжая до поселка, свернули в лес, где оказалось еще два дома.

Остановили оленей, отряхнули снег. К нартам подошел человек, оказавшийся заведующим факторией. Звали его Александр Медучин. Он приветливо поздоровался с прибывшими и пригласил их к себе в дом.

Весело трещали в камельке дрова. Путники сняли меховую одежду и сразу почувствовали себя по-новому. Дом был маленький, с низким потолком, темный, тесный, но все же это был настоящий деревянный дом, где можно было вымыться, погреться и отдохнуть.

Чай окончательно победил озноб. С аппетитом ели хлеб и рыбу, так как мясо давно надоело.

Только тут почувствовали, насколько устали от постоянной кочевки; глаза слипались, клонило ко сну, и на предложение хозяйки отдохнуть все охотно согласились.

На другой день осмотрели поселок, побывали на фактории. Приходили жители, знакомились, звали к себе в гости.

Поселок насчитывал всего шесть семей и имел, кроме жилых домов, отдельное помещение под магазин фактории и церковь. Церковь представляла собой большую избу без крыши, разделенную перегородкой. Изба пришла в ветхость, но ее не трогали. Так она и стояла, напоминая о старом миссионерском прошлом.

На фактории ожидали привоза новых товаров, поэтому Орато и Риккеу решили пока остаться в поселке. Недалеко от избы в лесу они поставили свои яранги. Вскоре нарты с грузами прибыли из Нижнеколымска; фактория начала бойко торговать. Чукчи сдавали пушнину и шкуры оленя по частям. Все сновали от яранг к фактории и обратно. Гаврила сдал белок и, получив необходимые товары, ушел обратно в тундру. Следом за ним отправились и чукчи, предварительно зашедшие попрощаться со всем лагерем. Члены экспедиции провожали их до реки. Отдохнувшие олени чукчей быстро подвигались по набитой дороге, и караван скрылся вдали. Вскоре тронулась в путь и экспедиция.

Узкая дорога вилась по реке, пересекала отмели и, уходя в сторону, шла озерами, лесом и снова выходила на реку. То и дело попадались самоловы на горностая. Каюры внимательно смотрели по сторонам и останавливали собак, чтобы вынуть из ловушек небольшого белого зверька с черным хвостом. На стоянках они надевали лыжи и осматривали расположенные вблизи капканы. Два белых пушистых песца уже лежали у одного в нарте. Промысел был в разгаре, и охотники пользовались каждым случаем, чтобы осмотреть старые и расставить новые ловушки.

Упитанные, крупные собаки быстро подвигались вперед и сто двадцать километров пути от Пятистенной до Нижнеколымска сделали в одни сутки. Солнце не показывалось, зато луна освещала путь, и накатанная дорога была хорошо видна.

Река становилась шире. Проехали заимку Константиновскую. Здесь никто не жил, так как заимка представляла собой летнюю рыбалку, и дома ее служили убежищем для охотников и проезжих. К вечеру приехали в Две Виски — небольшой поселок, расположенный недалеко от устья Анюя. Отдохнули, попили чаю и выехали дальше. В устье река была так широка, что при лунном свете с трудом угадывался противоположный берег. Наконец отряд выехал на реку Колыму. Широкая гладкая поверхность реки белой пеленой раскинулась впереди.

— Вот и Нижнеколымск! — показал рукой каюр.

Блеснул огонек, другой. Наконец-то! Все облегченно вздохнули.

Собаки неслись во весь опор, и поселок быстро приближался. Теперь было видно уже около полутора десятков огоньков.

Ламут Гаврила, рассказывая про Нижнеколымск, всегда говорил о нем как о городе. Путники увидели около пятидесяти домишек, беспорядочно разбросанных на террасе вдоль реки. Только три дома имели крыши, а остальные представляли собой деревянные, обычные квадратные срубы с засыпанными землей потолками. В некоторых домах вместо рам со стеклами виднелись слюдяные окна.

Поселок оказался перенаселенным. Почти в каждом доме помещались две-три семьи. С трудом удалось найти маленькую комнатушку. Печь дымила, в углах лежала изморозь. В таком доме без мехового спального мешка не проживешь.

Работа была закончена, а до парохода надо было ждать еще очень долго. Стали устраиваться более основательно. Через несколько дней председатель райисполкома предложил переехать к нему, так как он вместе с женой занимал довольно большую комнату с перегородкой.

Кроме местных организаций, здесь работала землеустроительная экспедиция Госземтреста. Экспедиции скоро перезнакомились и подружились. Молодые, энергичные госземтрестовцы дружно работали над проектом нового землеустройства. Все вместе коротали длинные вечера. Председатель исполкома, бывший партизан, рассказывал об интервентах, о боях с ними и об участниках партизанского движения.

Председатель правления кооператива тов. Байзитов, уроженец европейской части Союза, пришел сюда простым бойцом и окончательно осел в этих краях после разгрома белых банд. Иркутянин Мишарин послан партией возглавить районную парторганизацию. Все жили дружным коллективом, спаянные напряженной работой по борьбе с косностью и бескультурностью, оставшимися тяжелым наследием прошлого в этих краях. Школы, медпункты, избы-читальни, колхозы, оленеводческий совхоз, фактория, кооперация — все жаловались на недостаток работников, так как приезжие скоро менялись, а свои местные кадры только еще начинали расти.

Три месяца пролетели быстро. Чтобы попасть на пароходы, надо было проделать на собаках путь из Нижнеколымска до Чаунской губы через поселок Островное, представлявший собой старую казачью крепость. Здесь находится районный центр Восточно-тундрового района. Покосившиеся избы кажутся карликами рядом с новыми домами больницы, Домом туземца и со строящейся школой. От старой крепости, где «отсиживались» исправники и казаки, осталось одно вос-

поминание. Районному исполкому пришлось заново строить дома и создавать поселок. В работе принимали участие чукчи и ламуты, русские и колымчане.

Стены крепости разрушались и шли на отопление. Вместе с крепостью разрушались старые отношения между людьми. Вот, например, чукча Тальвантин, недавний батрак, теперь — колхозник, член президиума райисполкома. Шесть месяцев пребывания его в Ново-Мариинске на курсах советского актива не пропали для него даром. Здесь он научился грамоте, научился немного говорить по-русски. Сейчас он — один из самых активных участников стройки. В горячей работе Тальвантин оступился и получил растяжение связок ступни. Его пришлось уложить в постель. Чтобы он не скучал, Меньшиков принес ему только что полученный новый букварь на его родном чукотском языке. С поразительной быстротой освоил Тальвантин азбуку. Прошло всего три дня, и он бегло стал читать страницу за страницей и, радостно улыбаясь, с гордостью выводил на бумаге целые слова.

Приходили чукчи и дивились, когда он читал вслух.

После ярмарки чукчи и ламуты разъезжались по лагерям, расположенным в окрестностях Островного.

Ламуты кочевали обычно по рекам. Центром их расселения было среднее течение реки Малого Анюя и его приток река Погинден. Перед закрытием ярмарки группа ламутов пришла в рик и заявила, что им нужен учитель.

— Какой учитель? Мы же вам дали одного из кочевой школы, — удивился председатель рика.

Делегатом выступил пожилой ламут Иван:

— Мы хотим школу построить на устье Погинден, и нам надо учителя.

— Так ведь там рабочих нет. Кто будет строить школу?

— Да мы сами построим, нам только учителя надо. Если же нынче дом не построим, так мы хотим часовню нашу в Пантелейке отдать под школу, — говорил Иван.

Пришлось собрать экстренное заседание исполкома. Решили закрепить одного учителя для устьпогинденской школы. Так по инициативе самих туземцев открылась еще одна школа на далекой северной окраине.

В Островном Меньшиков задержался, так как по поручению Нижнеколымского партийного комитета он должен был выполнить некоторые задания. Не дожидаясь, пока он покончит со своей работой, Дорошенко выехала с проводником в Чаун, где зимовали пароходы.

Меньшиков закончил работу в Островном, когда уже начиналась распутица. Никто из местных жителей не соглашался везти его на Чаун, и Меньшикову пришлось купить упряжку в 10 собак и отправиться к пароходам без проводника. Итти без карты по компасу было трудно и опасно, но все же к июню Меньшиков добрался до Чауна.

В июле пароходы уже вышли из Чаунской губы во Владивосток.

В Ленинграде наступила зима 1933 года. Здесь, в говоре учреждений, грохоте заводов и тишине квартир рождаются новые дела и люди.

Один из них, слушатель метеорологических курсов при Арктическом институте Первак, рассказывает о своих перспективах. Весной он собирается на зимовку на полярную станцию мыса Отто Шмидта в качестве самостоятельного работника-метнаблюдателя.

Он еще не знает о том, что на его долю выпадет много бессонных ночей и внеплановых поездок в дни славной челюскинской эпопеи.

Рядом с Перваком — Ваня Рентыургин, студент Ленинградского института Севера. Озабоченная, мрачная фигура в неуклюжем малахае и кухлянке превратилась в стройного юношу с лохматым чубом над веселыми черными глазами.

Лето 1934 года. Пасмурный серый денек, но улицы Ленинграда полны оживления.

У Московского вокзала — несметная толпа. Делегации пионеров утонули в огромных букетах цветов... Смех, говор, веселый шорох знамен.

Вдоль перрона выстроился почетный караул. Низко-низко летят самолеты над приближающимся синим поездом.

В радостном ожидании встречи толпа сливается в одно лицо, в одну торжественную улыбку.

Из общего хаоса объятий и возгласов выделяют «своих»:

— Гаврилыч!.. Дора!.. Живые... Целые... Это и есть она — Карина?..

Ленинград встречал челюскинцев, в числе которых на бушующий перрон вышел и Василий Гаврилыч с женой и с ребенком.

СЛОВАРЬ ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В КНИГЕ МЕСТНЫХ СЛОВ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Аллык — ременная шлея в собачьей упряжке.

Байдара — лодка северных туземцев, сделанная из деревянного остова, обтянутого выделанной моржовой или тюленьей кожей.

Важенка — самка полярного оленя.

Войдать — смачивать на морозе полозья саней для уменьшения их трения о снег и лед при езде.

Волок — невысокий водораздел между двумя реками, через который перетаскивают лодку.

Едома — камчадальское название пологого невысокого холма.

Заберег — первый лед, намерзающий вдоль берегов. „Водяной" заберег — образующаяся весной вдоль берега во льду полоса чистой воды.

Кавасаки — особого вида моторный катер для перевозки грузов и рыбной ловли. Кавасаки имеет съемный руль и поднимающийся гребной вал и винт. Родина кавасаки — Япония.

Камус — выделанная шкура с нижней части ног оленя. Идет, главным образом, на пошивку рукавиц и торбазов.

Карбас — несамоходное речное судно для перевозки грузов и людей.

Каюр — погонщик ездовых северных собак.

Керкез — меховая комбинация чукотских женщин. Имеет большой вырез на груди.

Копылья — деревянные цуги, соединяющие полозья нарт (см.) с их верхней частью, служащей сидением.

Косяк — большое количество мигрирующей рыбы.

Крятка — сидение на нартах (см.).

Кукуль — спальный мешок из собачьих или оленьих шкур.

Кунгас — несамоходное полукилевое судно, служащее для перевозки грузов. Тип кунгаса выработан несколько сот лет тому назад в Японии.

Кухлянка — зимняя одежда северных туземцев. Шьется из оленьих шкур без застежек. Надевается через голову, как европейская сорочка.

Лахтак — выделанная кожа морского зайца. Служит для подшивки подошв для торбазов (см.).

Летник — легкая летняя постройка, служащая для жилья северных туземцев во время охоты или рыбной ловли вдали от стойбища.

Лотлинь — разбитая на метры или футы и сажени веревка, с помощью которой измеряют глубину в море или реке.

Лыжница — след от лыжи на снегу.

Малахай — зимняя шапка у северных туземцев.

Нарты — название саней у северных туземцев.
Наст — смерзшаяся поверхность подтаявшего сверху снега.
Одометр — особый счетчик, прикрепляемый к задку нарты, служащий для определения пройденного расстояния.
Остол — короткая палка, с помощью которой тормозят собачьи нарты (см.).
Поварня — отдельно стоящая изба на дороге, служащая для отдыха путников на Севере.
Потяг — веревка или ремень, за которые тянут собаки нарты.
Руно — большое количество мигрирующей рыбы.
Рухлядь — камчатское название мехового сырья.
Скафандр — водолазный шлем.
Сопка — камчатское название вулканических гор. В последнее время „зопкой" на Дальнем Востоке вообще называют гору.
Старицы — остатки от переменившей русло реки.
Строп — проволочная или пеньковая петля для захвата груза при погрузочных работах на корабле.
Стаканчик — то же, что и кухлянка (см.), только более легкая и короткая.
Торбаза — меховая обувь. Шьется в виде высоких сапог из камуса или шкуры нерпы.
Чаат — ременной аркан, употребляемый северными туземцами для ловли оленей.
Чижи — меховые носки.
Чум — название жилища ламутов.
Шампунька — искаженное русскими название плоскодонной лодки, употребляющейся в Китае для перевозки пассажиров. Лодка управляется и движется только одними веслами, расположенными на корме.
Штормтрап — приспособление для спуска с борта корабля людей. Состоит из пенькового троса и деревянных ступенек.
Юкола — вяленая рыба.
Ягель — особый вид растущего в тундре мха. Служит основной пищей северного оленя.
Яранга — жилище северных инородцев, построенное из жердей, обтянутых моржовыми или оленьими шкурами.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Глава I 7
Глава II 24
Глава III 54
Глава IV 68
Глава V 79
Глава VI 95
Глава VII 113
Глава VIII 129
Глава IX 145
Глава X 162
Глава XI 185
Глава XII 198

Ответств. ред. *И. Г. Ростовцев.* Ред. серии *М. М. Смирнов.* Техред *А. Соловейчик.*
Сдано в набор 11 ноября 1935 г. Подписано к печати 19 декабря 1935 г. Формат бумаги 62×94. Бум. л. 6¾. Печ. л. 13½. Авт. л. 13. Печати. знак. в бум. л. 76 000.
Изд. № 83. Заказ № 2115. Ленгорлит № 35541. Тираж 10 000 экз.

Тип. «Коминтерн» и школа ФЗУ им. КИМ'а. Ленинград, Красная ул., 1.

Карта бассейна рек Анадыря и Канчалана с указанием маршрутов экспедиции.

М.2 В
4 19-Д